

Зарубежная



фантастика

Алан Д.Фостер
ЧУЖИЕ

Алан Д.Фостер
ЧУЖИЕ
Научно-фантастический
роман



Издательство «Мир»

Зарубежная  фантастика



Alan Dean Foster
ALIENS
New York Warner Books 1986

Зарубежная



фантастика

Алан Д. Фостер ЧУЖИЕ

Научно-фантастический
роман

Перевод с английского
А.К. АНДРЕЕВА



Москва «Мир» 1994

ББК 84.7 США
Ф81

Фостер А.Д.

Ф81 Чужие: Науч.-фантаст. роман/Пер. с англ.
А.К. Андреева. — М.: Мир, 1994. — 367 с. —
(Зарубеж. фантаст.)

ISBN 5-03-003097-2

Второй роман научно-фантастической трилогии
одного из самых популярных сегодня американских
писателей-фантастов, написанный по сценарию широ-
ко известного фильма и посвященный теме внеземных
форм жизни.

Ф 4303040100-124
041(01)-94 без объявл.

ББК 84.7США

*Редакция научно-популярной и
научно-фантастической литературы*

ISBN 5-03-003097-2 (рус.)
ISBN 0-446-30139-6 (англ.)

- © 1986 by Twentieth Century-Fox Film Corporation
This edition published by arrangement with Warner Books, New York
- © перевод на русский язык,
«Мир», 1994
- © художественное оформление,
Сошинская К.А., 1994

Х. Р. Джайеру, мастеру зловещих сюжетов, который рассказал о нас больше, чем мы хотели бы знать о себе.

1 Двое спят. Они разнятся внешне, но все же это существа одного мира. Тот, что побольше — женского пола, поменьше — мужского. Во рту у первого — и острые и тупые зубы, что свидетельствует о его всеядности, тогда как резцы и клыки второго явно предназначены для того, чтобы кусать и разрывать жертву. Когда-то предки и одного и другого были кровожадными убийцами. Сородичи первого постепенно смирили в себе врожденное желание убивать, сородичи второго так и остались самыми настоящими хищниками.

Больше, чем внешность, разнились сны этих существ. Первое спало неспокойно, воспоминания о недавно пережитых немыслимых кошмарах вырывались из глубин его подсознания и мешали обычно очень спокойному гиперсну. Если бы капсула не ограничивала движения, а мышечный тонус не был сведен к минимуму, существо беспокойно металось бы и ворочалось, что опасно в состоянии гиперсна. А сейчас существо проделывало все это мысленно, не осознавая того. В гиперсне никто ничего не осознает.

Время от времени ужасные воспоминания прорывались из подсознания — как порой про-

рываются на городскую улицу сточные воды — и нарушали спокойный сон. В такие моменты существо стонало, его пульс учащался. Компьютер, охранявший подобно электронному ангелу его покой, отмечал повышение физиологической активности и немедленно принимал меры, еще на градус понижая температуру тела и усиливая поток успокаивающих препаратов. Стоны прекращались, существо успокаивалось. Проходило немало времени, пока кошмары возвращались.

Маленький хищник, что лежал рядом, беспокойно подергивался в тревожные для большого существа моменты, потом снова успокаивался. Ему снились еще меньшие теплокровные существа — если вонзить в них зубы, потечет горячая кровь. Еще ему снилось приятное общество своих сородичей. Каким-то образом хищник знал, что он или проснется вместе с большим существом, или не проснется никогда. Впрочем, он был уверен, что снова вернется к жизни.

Возможность никогда не проснуться не нарушила покой маленького хищника. Он был терпеливее своего соседа по капсуле и реальнее ощущал свое положение в космосе. Сейчас он пребывал во сне, зная, что после пробуждения — если оно наступит — он снова будет охотиться и убивать. А пока он спал.

Время шло. Кошмары оставались.

В бесконечном космическом пространстве большие светила в лучшем случае кажутся песчинками, безымянный белый карлик вообще едва ли привлечет чье-то внимание, а небольшому спасательному

кораблю с пропавшего без вести межзвездного буксира «Ностромо», можно сказать, просто было отказано в праве на существование. Он дрейфовал в пустоте необъятного космоса подобно свободному электрону, сорвавшемуся со своей атомной орбиты.

И все же даже свободный электрон может привлечь внимание, если рядом окажется тот, кто располагает соответствующими приборами, чтобы его обнаружить. Сложилось так, что траектория спасательного корабля проходила вблизи населенной звездной системы. Но даже и здесь его заметили лишь по счастливой случайности. Он оказался вблизи большого корабля — в далеком космосе «вблизи» означает любое расстояние, которое меньше светового года. Изображение спасательного корабля на экране было на пределе чувствительности приемного устройства.

Кто-то из астронавтов, заметивших изображение, счел его не стоящим внимания. Объект был слишком мал для космического корабля и, по мнению экипажа, не принадлежал ближайшей звездной системе. Начались споры. Попытки связаться со странным объектом не дали результатов. Его сочли заблудившимся астероидом, куском железоникелевого сплава, удравшим со своего астероидного пояса, чтобы полюбоваться на Вселенную. Будь то корабль, он непременно посыпал бы сигнал бедствия.

К счастью, капитан проходившего мимо корабля был любознательным парнем. Достаточно чуть отклониться от курса, решил он, и можно проверить, что представляет собой этот молчаливый космический странник, а отчитаться перед вла-

дельцами корабля за небольшой крюк будет совсем нетрудно. Он отдал необходимые распоряжения, и компьютеры принялись рассчитывать новый курс. Когда корабль подошел вплотную к объекту, надежды капитана оправдались: странник оказался крохотным спасательным шлюпом с какого-то большого космического корабля.

Шлюп не подавал признаков жизни, не отвечал на вежливые запросы. Даже бортовых огней на нем не было. Потом выяснилось, что кораблик не совсем мертв. Как организм истощенного животного в морозную погоду, его энергетическая установка напрягала последние силы, чтобы сохранить жизнь тем, кто лежал в капсуле.

Капитан приказал трем членам своего экипажа перейти на борт дрейфующего кораблика, носившего гордое название «Нарцисс». Словно орел, настигающий оброненное перо, большой корабль подошел к «Нарциссу», их металлические корпуса, лязгнув, соприкоснулись — и вот уже захваты прочно держали шлюп. Сопровождавшие стыковку звуки разносились по обоим кораблям.

Три астронавта в герметических скафандрах вошли в воздушный шлюз большого корабля. Они взяли с собой фонари, необходимые инструменты и терпеливо ждали, когда воздух их шлюза, слишком драгоценный, чтобы его выбрасывать в космический вакуум, будет перекачан в корабль. Затем наружный люк шлюза отошел в сторону.

Первым впечатлением астронавтов от встречи со спасательным шлюпом было разочарование. Они заглянули в иллюминатор люка: внутри было совсем темно, никаких признаков жизни. Когда

астронавты включили наружную систему управления, входной люк отказался повиноваться — очевидно, он был заблокирован изнутри. Убедившись, что на корабле нет воздуха, спасатели включили автоматическое устройство для резки металла. В темноте ярко вспыхнули два факела, которые вонзились в люк с обеих сторон и прорезали его до основания, и затем астронавт, поддерживаемый товарищами, отбросил ногой вырезанный кусок металла.

Внутри спасательного шлюпа было темно и тихо, как в гробнице. На полу лежал обрывок троса с захватом. Вблизи кокпита горела тусклая лампочка. Астронавты направились туда.

В полутьме блеснул знакомый астронавтам купол капсулы для гиперсна. Спасатели обменялись взглядами и подошли ближе. Двое склонились над толстой стеклянной крышкой прозрачного саркофага. Третий стал проверять показания своих приборов.

— Воздух в капсуле есть, — сказал он. — Допустим, корпус и системы исправны. Вроде бы никаких поломок, освещение выключено для экономии энергии. Давление внутри капсулы в норме, подводка питания тоже, хотя готов побиться об заклад, что аккумуляторы почти разрядились. Смотрите, показания приборов едва видны. Вы когда-нибудь видели такую капсулу для гиперсна?

— Конструкция конца двадцатых годов, — отозвался один из астронавтов. Он склонился над капсулой и пробормотал в микрофон: — Настоящая красавица.

— В самом деле красавица. — В голосе астро-

навта звучало искреннее сочувствие. — На приборах, следящих за жизненно важными процессами, горят зеленые индикаторы, значит, она жива. Ребята, здесь пахнет крупной премией за спасение.

Другой астронавт, показав на капсулу, удивленно воскликнул:

— Эй, она не одна. Тут еще какое-то существо. Сразу не поймешь, что это за зверь. Ее волосы мешают. Оно оранжевое.

— Оранжевое? — Старший группы растолкал товарищем и нагнулся так, что лицевой щиток его скафандра уперся в прозрачную крышку капсулы. — Да еще с когтями.

— Слушай, — астронавт локтем подтолкнул товарища, — может, это неизвестная форма жизни? Тогда нам светит премия покрупнее.

Именно в этот момент Рипли чуть заметно вздрогнула. Прядь ее волос упала на подушку, немного приоткрыв плотно прижавшееся к ней спящее создание. Старший группы выпрямился и недовольно покачал головой:

— Не повезло. Это обыкновенный рыжий кот.

Слушать было невыносимо тяжело. О том, чтобы открыть глаза, не могло быть и речи. Пересохшее горло, казалось, дышало последний год только угольной пылью. Мысли отказывались повиноваться. Во рту стоял неприятный резиновый привкус. Непослушный язык бесцельно шевелился, забыв, для чего предназначен. Рипли пыталась заговорить. Ее рот открылся. В легких, отвыкших от активной работы, каждый вдох отзывался болью. Она долго силилась совладать с губами, языком,

небом, вздохнула и, наконец, выдавила из себя единственное слово:

— Пить.

По ее губам скользнуло что-то гладкое и холодное. От давно забытого ощущения влаги во рту она испытала блаженство, но какие-то смутные воспоминания заставили ее почти выплюнуть трубку. Очень давно и где-то совсем далеко отсюда просунутая в рот трубка привела к страшной гибели человека. Но на этот раз из трубки текла всего лишь вода. Тихий спокойный голос посоветовал:

— Не торопитесь. Пейте медленно.

Рипли повиновалась, хотя ей ужасно хотелось пить большими глотками, не останавливаясь ни на секунду. Странно, но она ощущала только жажду, а не обезвоженность всего организма.

— Хорошо, — хрипло прошептала она. — У вас есть что-нибудь посущественнее?

— Немного потерпите, так быстро нельзя, — ответил тот же голос.

— К черту. Дайте фруктовый сок.

— Лимонная кислота вас погубит. — Голос нерешительно замолчал, потом предложил: — Попробуйте вот это.

Снова блестящая металлическая трубка скользнула в рот Рипли. Она с удовольствием глотала приятный напиток. Холодный сладкий чай утолял жажду и притуплял чувство голода. Рипли напилась и подала знак рукой, чтобы убрали трубку. Она услышала новый звук — трель какой-то экзотической птицы.

Итак, Рипли уже слышала и ощущала вкус. Настало время попытаться снова обрести зрение.

Она открыла глаза и увидела девственные джунгли. Зеленые кроны огромных деревьев уходили высоко в небо. С ветки на ветку порхали крылатые создания, яркое оперение которых переливалось всеми цветами радуги. Птицы с длинными хвостами, напоминавшими след инверсии, тянувшийся за самолетом, парили в воздухе или пикировали, нагоняя насекомое. Из гнезда, устроенного в дупле большой смоковницы, на Рипли недовольно косился большой квазал.

В нижнем ярусе джунглей цвели орхидеи, на листве и свалившихся стволах суетились жуки, поблескивая, словно драгоценные камни. Откуда-то появился агути, заметил Рипли и снова скрылся в кустах. На ветке высокого стройного дерева повисла обезьяна-ревун, нежно поглаживая своего отпрыска.

Для Рипли вид этих девственных джунглей, этот истинный праздник жизни, оказался слишком большой нагрузкой. Она закрыла глаза.

Потом (через час или через день?) в корнях огромного дерева появилась трещина. Она быстро расширялась, скрыв веселую обезьянку. Из трещины вышла женщина, заслоняя собой разрыв, нажала скрытую кнопку, и джунгли исчезли.

Изображение джунглей было блестящим, признала Рипли. Только теперь она увидела скрывавшееся за ним сложное медицинское оборудование. Слева от кровати располагался медицинский робот. Именно он так внимательно отнесся к ее первым желаниям, дал ей воду, а потом холодный чай. Сейчас он неподвижно висел на стене; робот знал все, что происходит в организме Рипли, всегда

был готов ввести нужный препарат, дать воду и пищу, а в затруднительных ситуациях вызывал на помощь человека.

Появившаяся так неожиданно из «джунглей» женщина улыбнулась Рипли, нажала кнопку на пульте дистанционного управления, который был прикреплен к нагрудному карману ее халата, и изголовье кровати приподнялось. На ослепительной белой форме ярким пятном выделялся отличительный знак старшей медсестры. Рипли настороженно рассматривала женщину, гадая, улыбается та по обязанности или искренне, от души. Заботливым, приятным голосом, лишенным обычной для врачей слащавости, медсестра сказала:

— Действие транквилизаторов заканчивается. Думаю, они вам больше не понадобятся. Вы меня слышите?

Рипли согласно кивнула. Медсестра изучающе посмотрела на нее, потом предложила:

— Давайте попробуем что-нибудь новое. Почему бы нам не открыть окно?

— Действительно, почему бы вам не открыть окно?

Улыбка, погасшая было в уголках рта медсестры, появилась снова. Значит, улыбается по обязанности, а не от души, решила Рипли. Впрочем, так и должно быть. Медсестра совсем не знала ее, а она, в свою очередь, сестру, так что нечему удивляться. Сестра направила пульт дистанционного управления на дальнюю от Рипли стену.

— Смотрите внимательно.

Это уж мне решать, как смотреть, подумала

Рипли, но в предчувствии яркого света заранее прищурилась.

Мягко загудел мотор, подвижный экран поднялся и скрылся в потолке. Комната наполнилась резким светом. Он был смягчен светофильтрами, и тем не менее для истощенного организма Рипли оказался тяжелым испытанием.

Перед Рипли открылся давно забытый мир. Слева петлей располагались жилые пластиковые модули космической станции Гейтуэй. Они стояли друг на друге, как детские кубики. В поле зрения Рипли попали верхушки двух антенн системы связи. Но главным элементом открывшейся картины была ярко освещенная полусфера Земли. На ней выделялось коричневое, с белыми прожилками огромное пятно Африки. Оно плавало в голубом океане, а Сахару венчала сапфировая тиара Средиземного моря.

Все это Рипли видела и раньше — сначала на экране в школе, потом и собственными глазами, — поэтому открывшееся зрелище не потрясло ее. Она была просто рада, что здесь все осталось по-прежнему. Память о недавних событиях подсказывала, что всего этого могло уже и не быть, что преследовавшие ее кошмары имели реальную почву, а приветливая планета была только иллюзией. Она казалась такой уютной, родной, успокаивающей, как старый, потрепанный плюшевый мишка. Картина завершал медленно плывущий по звездному небу бледный диск Луны, который вместе с полусферой Земли походил на заблудившийся в космическом пространстве восклицательный знак. Уютная планетная система...

— Ну, как мы сегодня?

Рипли не сразу поняла, что медсестра обращается к ней, а не к кому-то другому.

— Ужасно.

Когда-то ей говорили, что у нее очень своеобразный приятный голос. В конце концов он должен восстановиться, подумала Рипли. Пока что ни одна часть ее тела, ни один орган не действовал в прежней мере. Интересно, буду ли я чувствовать себя как раньше? Сейчас она ничем не походила на прежнюю Рипли, которая когда-то, очень давно, ступила на борт обычного космического буксира, теперь уже не существовавшего. Из того рейса возвратилась совсем другая женщина — она-то и лежала сейчас на больничной кровати, изредка поглядывая на медсестру.

— Так уж и ужасно?

Медсестрой можно только восхищаться, размышляла Рипли. Ее не так просто сбить с толку.

— По крайней мере сегодня вы заметно лучше выглядите, чем вчера, — продолжала медсестра. — Мне кажется, ваше сегодняшнее «ужасно» сильно отличается от вчерашнего «очень плохо».

Рипли зажмурила глаза, потом медленно открыла их. Земля была на месте. Время, на которое ей еще вчера было решительно наплевать, вдруг снова приобрело значение.

— Я давно на станции?

— Всего лишь два дня, — с той же казенной улыбкой ответила сестра.

— А мне кажется, намного дольше.

Медсестра отвернулась. Любопытно, задумалась

Рипли, ей просто надоел мой пристальный взгляд или он ее всерьез раздражает?

— Вы достаточно хорошо себя чувствуете, чтобы принять посетителя?

— А если я не захочу, то могу и не принимать?

— Конечно. Вы — больная. После врачей первое слово за вами. Если хотите побывать в одиночестве, никто не нарушит ваш покой.

Рипли пожала плечами и немного удивилась, что мышцы послушались ее.

— Я и так слишком долго была в одиночестве. Какого черта! Кто хочет меня видеть?

Сестра подошла к двери.

— В сущности, их двое.

Рипли обратила внимание на то, что сестра снова улыбнулась.

Вошел мужчина. В руках он что-то держал. Мужчина был незнаком Рипли; зато она сразу узнала его ношу — толстого рыжего кота с невозмутимым взглядом.

— Джонс!

Рипли неожиданно для себя выпрямилась. Оказывается, она уже не нуждается в подушках и может приподниматься без посторонней помощи. Мужчина, улыбаясь, передал ей животное. Рипли прижала к себе Джонса.

— Иди ко мне, Джонси... Ах ты, старая уродина, ах ты, мой пушистый котик!

Джонс перенес эти столь типичные для людей и неизменно смущающие всех его собратьев бурные проявления чувств с типичным кошачьим достоинством, лишний раз продемонстрировав присущую котам терпимость по отношению к

человеку. Окажись здесь разумное создание вне-земного происхождения, оно ни на секунду не усомнилось бы, что из этих двух существ именно кот обладает более развитым интеллектом.

Мужчина, что принес больной ее рыжего друга, придинул стул к кровати и терпеливо ждал, когда она обратит на него внимание. Ему было немного за тридцать. Его внешность не бросалась в глаза, но располагала к себе. На нем был скромный деловой костюм. Он улыбался более естественно, чем сестра, хотя, возможно, просто дольше упражнялся перед зеркалом. В конце концов Рипли удостоила мужчину кивком, но продолжала разговаривать только с котом. Посетитель понял: если он не хочет, чтобы его приняли за простого посыльного, ему придется начать разговор самому.

— У вас приятная комната, — сказал он, хотя на самом деле так не думал.

Похож на деревенского парня, пронеслось в голове у Рипли, но выговор совсем не деревенский. Мужчина придинул стул ближе.

— Меня зовут Берк, Картер Берк, — представился он. — Я работаю в Компании, но в остальном я — отличный парень. Рад видеть, что вы чувствуете себя лучше.

По крайней мере последняя фраза прозвучала достаточно искренне.

— Кто вам сказал, что я чувствую себя лучше?

Рипли гладила Джонса, а тот довольно мурлыкал. Уже повсюду на стерильном постельном белье была рыжая шерсть.

— Ваши врачи и приборы. Мне сказали, что слабость и дезориентация скоро пройдут, хотя и

сейчас, признаюсь, вы не выглядите как человек, не способный ориентироваться. Просто все это побочные эффекты необычайно длительного гиперсна или что-то в этом роде. Биология никогда не была моим любимым предметом. Я больше интересуюсь людьми. Мне кажется, вы скоро поправитесь, несмотря на очень долгое путешествие. — Кивком он указал на одеяло.

— Надеюсь, я выгляжу лучше, чем чувствую себя, потому что у меня ощущение, будто я — содержимое египетской мумии. Вы сказали «необычайно длительного гиперсна». Сколько же времени я спала? — спросила Рипли и жестом показала на медсестру. — Они мне ничего не говорят.

— Ну, может быть, вам пока не стоит задумываться об этом... — покровительно ответил Берк.

Мгновенно выпростав руку из-под одеяла, Рипли схватила Берка за кисть. Быстрота ее реакции и сила, с которой она сжала запястье, удивили посетителя.

— Нет. Я в здравом уме. Не нужно меня обманывать. Сколько?

Берк бросил взгляд на сестру. Та пожала плечами, отвернулась и занялась приборами — сетью трубок и мигающих огоньков непостижимого для непосвященного назначения. Берк снова повернулся к Рипли. Она словно гипнотизировала его, и он был не в силах отвести от нее взгляд.

— Хорошо. Хоть это и не входит в мои обязанности, но интуиция мне подсказывает, что

вы достаточно окрепли и благополучно перенесете известие. Пятьдесят семь лет.

Его слова потрясли Рипли. Пятьдесят семь лет! Удар был сильнее, чем при пробуждении от гиперсна и первом взгляде, брошенном на Землю. Побледнев, она без сил упала на подушку. Ей вдруг показалось, что искусственная сила тяжести на станции невыносимо велика, в два-три раза больше земной и вдавливает ее в постель. Наполненный воздухом матрац, казалось, вот-вот задушит ее. Сестра обеспокоенно посмотрела на показания приборов, но не заметила ничего тревожного.

Пятьдесят семь лет. Значит, за те полвека с лишним, что она провела в гиперсне, оставшиеся на Земле друзья состарились и ушли из жизни, семья распалась, весь мир изменился до неузнаваемости. Менялись правительства, новые открытия потрясали человеческое воображение, потом выходили из моды, забывались. До сих пор никому не удавалось выжить, проведя в гиперсне больше шестидесяти лет. Через шестьдесят пять организм начинал необратимо разрушаться, и никакое устройство уже не могло поддерживать жизнь. Она вплотную подошла к границе человеческих возможностей, осталась в живых — но только для того, чтобы понять, что пережила свое время.

— Пятьдесят семь лет!

— Ваш спасательный корабль дрейфовал через центральные звездные системы Галактики, — пояснил Берк. — Радиомаяк на нем давно не работал. Вам невероятно повезло, что спасательная команда заметила вас в далеком космосе, когда... — Увидев,

что Рипли побледнела и зрачки ее расширились, Берк спохватился: — С вами все в порядке?

Рипли кашлянула раз, потом второй — сильнее. Все ее тело напряглось. Выражение озабоченности сменила маска ужаса. Берк хотел было дать ей воды, но Рипли оттолкнула его руку. Стакан упал на пол и разбился вдребезги. У Джонса шерсть встала дыбом; злобно шипя, он спрыгнул на пол, царапая острыми когтями гладкое пластиковое покрытие, и бросился прочь от кровати. Рипли схватилась за грудь, судорожно дернулась. Казалось, она задыхается.

Сестра закричала в микрофон:

— Голубой код четыреста пятнадцатому! Голубой код, четыре-один-пять!

Они с Берком схватили Рипли за плечи, прижали к постели. Рипли корчилась в судорогах. Громко топая, в палату вбежали врач и две медсестры.

Такого не могло случиться! Не могло!

— Нет... Не-е-е-е-ет!

Сестры старались удержать ее за ноги и за руки. Рипли неудержимо металась. Одеяло сползло на пол. Одной ногой больная оттолкнула медсестру, другой разбила стеклянный «глаз» контрольного прибора. Из-под шкафа, испуганно шипя, выглядел Джонс.

— Держите крепче! — приказал врач. — Дайте кислород! И пятнадцать кубиков...

Вдруг на верхней простыне пропало огромное алое пятно. Простыня стала подниматься, словно под ней что-то очень быстро росло. Ошеломленные, люди отпрянули, а простыня все поднималась.

Рипли отчетливо видела, как она соскользнула. Одна из медсестер свалилась без сознания, врач сдавленно вскрикнул, а из разорванной грудной клетки Рипли показался безглазый зубастый червь. Он медленно разворачивался, пока его усеянная острыми зубами пасть не оказалась всего лишь в фуре от лица женщины, потом зловеще завизжал. Этот визг заглушил все другие звуки, он неотвязно стоял в ушах Рипли, эхом отозвался во всем ее существе, заполнил ее оцепеневший мозг, пока она...

... не вскрикнула, приподнявшись в постели. В полутемной больничной палате Рипли была одна. На панели медицинского робота, будто глаза насекомых, сверкали разноцветные огоньки. Прижав руки к груди, Рипли старалась восстановить дыхание, резко участвившееся после ночного кошмара.

Она цела и невредима, все на месте и нормально функционирует — и грудная клетка, и мышцы, и сухожилия, и связки. Значит, это кошмарное, способное довести до безумия существо не вырывалось у нее из груди. Она подозрительно осмотрела комнату. Никто не притаился на полу, никто не спрятался за шкафом, подстерегая момент, когда она потеряет бдительность. В комнате были лишь бессловесные приборы, поддерживавшие ее жизнь, и удобная кровать. Несмотря на приятную прохладу, Рипли обливалась холодным потом. Она снова прижала руку к груди, чтобы еще раз удостовериться — все ли в порядке, не случилось ли чего страшного.

Ожил подвешенный над ее кроватью видеомо-

нитор, и Рипли вздрогнула. С экрана на нее озабоченно смотрела пожилая женщина, очевидно, ночная сиделка. На ее лице нетрудно было прочесть неподдельное сочувствие. Рипли поняла, что эта женщина не просто исполняет свой долг, но искренне хочет помочь ей.

— Опять дурной сон? Хотите, дам успокоительное?

Слева к Рипли с легким гудением придвигнулась механическая рука робота. Рипли с отвращением взглянула на лекарство.

— Нет. Я уже выспалась.

— Хорошо. Вам видней. Если передумаете, нажмите кнопку на пульте.

Сиделка выключила монитор, и экран потух.

Рипли медленно опустилась на приподнятое изголовье кровати и нажала на одну из многочисленных кнопок на боковой стенке тумбочки. И снова экран, открывавший окно в стене, поднялся к потолку. В окно Рипли увидела освещенную огнями станцию, а за ней — земной шар, укутанный в темное покрывало ночи. Облака скрывали огни далеких городов, с живущими там в блаженном неведении счастливыми людьми, не задумывавшимися о том, что их окружает безразличный к человеческим судьбам Космос.

Что-то шлепнулось на постель рядом с Рипли, но на этот раз она не вздрогнула. Существо было явно необходимо человеку, и женщина крепко прижала его к себе, не обращая внимания на негромкое протестующее «мяу».

— Все в порядке, Джонс. Все позади, мы в безопасности. Извини, что напугала тебя. Теперь все будет хорошо. Должно быть хорошо.

Но только вот теперь ей придется заново учиться спать.

Сквозь тополиную рощу пробивался солнечный свет. За рощей виднелась лужайка, на зеленой траве тут и там яркими пятнами выделялись колокольчики, маргаритки и флоксы. Под деревом, занятая ловлей насекомых, прыгала малиновка. Она не замечала, что за ней внимательно следит ловкий хищник, уже приготовившийся к прыжку. Птичка повернулась к хищнику хвостом, и тот прыгнул.

Джонс врезался в твердую стенку. На изображении леса и малиновки прыжок кота никак не отразился: мнимая птичка так же весело продолжала охотиться за мнимыми насекомыми. Шатаясь и свирепо потряхивая головой, кот побрел прочь.

Рипли сидела рядом на скамейке и наблюдала за игрой животного.

— Глупый кот. Теперь понял, что это только изображение?

Наверно, не стоило его ругать. За последние пятьдесят семь лет стереодизайн стал куда более совершенным. Все стало совершеннее. Все и вся, кроме нее и Джонса.

От станции Гейтуэй комнату отделяли стеклянные двери. Дорогостоящее изображение лесов северо-американского умеренного пояса обрамляли настоящие растения в горшках, стоявших на плотной травяной подстилке. Изображение казалось более натуральным, чем они. Зато растения обладали ароматом. Рипли наклонилась к одному из них. Торчит что-то зеленое из грязи. Ей уже надоела станция. Земля была соблазнительно близко, и Рипли страшно захотелось, чтобы между

ней и зловещим космосом оказалось надежное голубое небо родной планеты.

Одна из стеклянных дверей приоткрылась. Вошел Картер Берк. На секунду Рипли поймала себя на мысли, что смотрит на него, как на мужчину, а не на какого-то мелкого чиновника Компании. Возможно, это говорило о том, что она выздоравливает. Ее отношение к Берку отправляла мысль, что он родился лишь через двадцать лет после того, как «Ностромо» отправился в свой роковой рейс. Впрочем, подумала Рипли, сейчас это тоже не имеет значения. По физическому состоянию они теперь примерно одного возраста.

— Прошу прощения за опоздание, — как всегда улыбаясь, проговорил Берк. — Я все утро занимался всякой ерундой и только пять минут назад смог вырваться.

Рипли никогда не умела поддерживать светскую беседу, а тем более сейчас. Ей казалось, что жизнь слишком коротка, чтобы расходовать драгоценные минуты на ничего не значащую болтовню. Почему люди не говорят сразу того, что хотят, а сначала обязательно ходят минут пять вокруг да около?

— Вы нашли мою dochь?

— Я собирался сообщить вам о ней, когда расследование закончится, — сказал Берк смущенно.

— Я ждала пятьдесят семь лет. Мое терпение иссякло. Так что отступите от ваших правил.

Берк кивнул, поставил портфель на колени, раскрыл его, с минуту покопался в содержимом и наконец извлек несколько тонких пластиковых листков.

— Она еще?..

Берк взял один из листков.

— Аманда Рипли-Макларен. — прочитал он. — Вторая фамилия, очевидно, по мужу. В момент... э-э-э... смерти ей было шестьдесят шесть лет. Это случилось два года назад. Здесь вся ее биография. Ничего особенно примечательного. Детали жизни рядовой женщины, такой жизни, какую ведет большинство из нас. Примите мои искренние соболезнования, — он передал Рипли листки и не отводил от нее глаз, пока она бегло их просматривала.

Взгляд Рипли прирос к голографическому изображению на одном из листков. С портрета на нее смотрела полная бледноватая женщина лет пятидесяти. Походит на чью-то тетушку, подумала Рипли. Лицо самое обычное; знакомых, родных черт Рипли не уловила. Она никак не могла поверить, что эта пожилая женщина и та маленькая девочка, которую она когда-то оставила на Земле, — один и тот же человек.

— Эми... — прошептала Рипли.

Она продолжала рассматривать голограмму, а Берк, у которого осталось еще несколько листков, тихим голосом читал:

— Рак. Гм-м. Некоторые формы этого заболевания до сих пор неизлечимы. Тело кремировали. Прах захоронен в колумбарии Уэстлейк, Литл-Шут, штат Висконсин. Детей у нее не было.

Рипли смотрела поверх Берка на изображение леса, но не видела ничего, кроме своего прошлого.

— Я обещала вернуться ко дню ее рождения. К ее одиннадцатилетию. И вот опоздала. — Она еще раз взглянула на голографический портрет. —

Что ж, она уже тогда научилась скептически относиться к моим обещаниям. Во всяком случае к тем из них, которые были связаны с полетами.

Берк кивнул, всем своим видом стараясь выразить сочувствие; это всегда было неприятным, а тем более сегодня. Слава Богу, подумал он, хватило ума помалкивать, а не бормотать вежливые банальности.

— Вы же понимаете, всегда надеешься, что потом успеешь наверстать, — Рипли глубоко вздохнула. — Но теперь мне уже ничего не наверстать. Никак не наверстать.

По щекам Рипли потекли запоздалые слезы. Запоздалые... на пятьдесят семь лет. Она сидела на скамеечке и тихо плакала, понимая, что теперь во всем мире осталась совсем одна.

Несколько минут прошло в тишине, потом Берк смущенно попытался утешить ее, похлопав по плечу, и наконец сообщил:

— Слушание назначено на девять тридцать. Вам не стоит опаздывать. Это произвело бы плохое впечатление, а от первого впечатления очень многое зависит.

Рипли кивнула и встала.

— Джонс, Джонси, иди сюда.

Кот мяукнул, подошел к хозяйке и позволил взять себя на руки. Рипли вытерла слезы.

— Мне нужно переодеться и привести себя в порядок. Это займет немного времени.

Она потерлась щекой о спину кота. Тот терпеливо вынес это небольшое оскорблениe.

— Не возражаете, если я провожу вас? — спросил Берк.

— Конечно, не возражаю.

Берк повернулся и направился к выходу. Стеклянные двери распахнулись, пропуская их.

— Знаете, для вашего кота сделано особое исключение из правил. На станции не разрешено держать домашних животных.

— Джонс — не домашнее животное, — почесывая кота за ушами, возразила Рипли. — Если не считать меня, он — единственный, кто остался в живых из экипажа большого космического корабля.

Рипли, как и обещала, была готова намного раньше, чем началось заседание. Берк предпочел ждать ее в соседней комнате, где коротал время, просматривая свои бумаги. Рипли вышла, и Берк поразился ее преображению. Куда девалась бледная, будто восковая, кожа, куда девались выражение горечи на лице и неуверенная походка? Интересно, размышлял Берк, что ее так преобразило: решимость или только чудеса косметики?

До зала заседаний, располагавшегося уровнем ниже, они шли молча, и лишь у самых дверей Берк решился задать вопрос:

— Что вы собираетесь им рассказать?

— Я уже сообщила все, что хотела. Вы читали мои показания. Они достаточно полны и точны. В них ничего не приукрашено. Приукрашивать там ни к чему.

— Послушайте, я вам верю, но на слушание соберутся настоящие тяжеловесы, и каждый будет выискивать, к чему бы придраться в ваших показаниях. Там будут представители Федеральной разведслужбы, комиссии по межзвездной торговле,

колониальной администрации, ловкие парни из страховой компании...

— Представляю себе.

— Просто расскажите им все, что произошло. Без комментариев. Самое главное: сохраняйте спокойствие и хладнокровие.

Ну конечно, подумала Рипли. Никого из ее друзей, товарищей по экипажу и родственников уже нет в живых, а она безвозвратно потеряла пятьдесят семь лет в гиперсне. Попробуй после этого сохранять спокойствие и хладнокровие. Но само собой разумеется, сохранять спокойствие необходимо.

Несмотря на принятое решение, к середине дня Рипли никак нельзя было назвать хладнокровной и спокойной. От бесконечного повторения одних и тех же вопросов, идиотских сомнений по поводу рассказанного, бессмысленного копания во второстепенных деталях и преднамеренного замалчивания главного Рипли была буквально взбешена.

Во время разбирательства на большом видеоэкране показывали фотографии и документы. Рипли стояла лицом к мрачным инквизиторам, спиной к экрану, и это действовало на нее успокаивающе, потому что там мелькали портреты членов экипажа «Ностромо»: Паркера с его постоянною глупой ухмылкой, спокойного и даже скучающего Брета, Кейна, Ламберта, а потом и предателя Эша, на бездушном лице которого была написана запrogramмированная доброжелательность. И, конечно, Далласа...

Даллас. Даже на портрете он выглядит лучше других, подумала Рипли. И в жизни он был такой же.

Ее терпение наконец иссякло.

— У вас что, уши заложило? — огрызнулась она. — Мы болтаем уже три часа. Какими такими словами я должна снова это вам пересказывать? Если вы считаете, что мой рассказ будет лучше на суахили, дайте мне переводчика, и вы услышите то же самое на суахили. Я могла бы пересказать все по-японски, но, боюсь, из-за отсутствия практики немного позабыла этот язык. Мое терпение лопнуло. Сколько времени вам нужно трепаться, чтобы вынести решение?

Ван Левен поднял руку, прерывая Рипли, и нахмурился. Его лицо стало почти таким же серым, как костюм. Другие члены комиссии смотрели на нее не более дружелюбно. Официальная комиссия по расследованию состояла из восьми человек — и ни один не смотрел понимающе. Чиновники. Администраторы. Специалисты по сглаживанию острых углов. Разве их можно в чем-то убедить? Их даже людьми назвать нельзя. Квинтэссенция чиновниччьего недовольства. Фантомы. Рипли привыкла иметь дело с реальными вещами, и тонкие маневры политиков были выше ее понимания.

— Все это не так просто, как вам, очевидно, кажется, — размеренным голосом сказал Ван Левен. — Попытайтесь поставить себя на наше место. Вы, не моргнув глазом, признаетесь в том, что взорвали силовую установку межзвездного космического корабля класса М, тем самым уничтожив и сам корабль, довольно дорогую собственность Компании.

Из всех членов комиссии самым несчастным был, пожалуй, представитель страховой компании.

— По страховому полису сорок два миллиона долларов. Разумеется, не считая стоимости груза. После взрыва силовой установки спасать обычно нечего, даже если через пятьдесят семь лет нам удастся отыскать обломки корабля.

Ван Левен рассеянно кивнул в знак согласия, потом продолжил:

— Не думайте, будто мы склоняемся к тому, что вы лжете. Записи в бортовом журнале спасательного челночного корабля подтверждают некоторые ваши показания. Во всяком случае наименее противоречивые из них. Например, о том, что в указанное вами время «Ностромо» произвел посадку на ранее не исследованной и не посещавшейся человеком планете LV-426. Что там были выполнены работы по ремонту корабля. Что после краткосрочной задержки на планете корабль возобновил полет, а вскоре его силовыми установками был задан такой режим, который неминуемо должен был привести к уничтожению корабля, что фактически и произошло. Что этот режим задали именно вы. По неизвестным нам причинам.

— Послушайте, я же вам рассказала...

Ван Левен перебил Рипли, подчеркивая, что все это он уже слышал:

— Но в бортовом журнале нет ни одной записи о той враждебной форме жизни, которую вы якобы подобрали во время вашего недолгого пребывания на поверхности планеты.

— Мы ее не подобрали, — парировала Рипли. — Я вам уже говорила, она...

Рипли оборвала себя, не закончив фразу, и оглядела каменные лица членов комиссии. Зря я

сотрясаю воздух, подумала она. Это не комиссия по расследованию, а поминки по усопшему. Они вовсе не стремятся выяснить истину и найти объяснение случившемуся, их единственное желание — сделать так, чтобы все подумали, будто ничего особенного не произошло. Теперь для нее стало очевидным, что она ничего изменить не может. А ее судьба была решена еще до того, как она вошла в зал заседаний. Расследование было лишь фарсом, вопросы — чистой формальностью. Чтобы было что зафиксировать в отчете.

— Возьмите вахтенный журнал и просмотрите записи. Мало-мальски соображающий техник сделает это за час. Кто имеет доступ к журналу?

В качестве представителя колониальной администрации в комиссию входила женщина, которой давно перевалило за пятьдесят. До последних слов Рипли она, казалось, скучала, теперь же выпрямилась и неодобрительно покачала головой.

— Вы бы послушали сами себя хотя бы минуту. Вы серьезно рассчитываете, что мы поверим всему, что вы тут на расскажали? Знаете, затянувшийся гиперсон порой проделывает с сознанием человека забавные штучки.

Взбешенная от собственного бессилия, Рипли бросила на нее испепеляющий взгляд.

— Хотите услышать кое-что забавное?

Ее прервал Ван Левен:

— Специальная группа тщательно изучила каждый квадратный сантиметр вашего спасательного корабля и не нашла никаких вещественных доказательств того, что на корабле было то существо, о котором вы нам рассказали, или что-либо

подобное. Оборудование и приборы не повреждены. Нет никаких следов разъедания металлических поверхностей, которое могло бы быть вызвано неизвестным корродирующим агентом.

— Потому что я выбросила тварь через воздушный шлюз! — выкрикнула Рипли и осеклась, так как в ответ услышала лишь могильную тишину. — Я об этом уже говорила, — упавшим голосом добавила она.

Несчастный представитель страховой компании подался вперед и обратился к женщине из колониальной администрации:

— Есть ли на планете LV-426 местные формы жизни, напоминающие этот «враждебный организм»?

— Нет, — ни на секунду не задумавшись, уверенно ответила та. — Планета LV-426 — голая скала. На ней не может быть никаких живых существ, которые были бы больше и сложнее вирусов. Даже плоских червей. Никогда не было и никогда не будет.

Рипли стиснула зубы, стараясь не потерять самообладания.

— Я же говорила, это не местная форма жизни.

Она хотела было заглянуть в глаза членам комиссии, но те упорно смотрели на поверхность стола. Тогда Рипли сосредоточила внимание на Ван Левене и женщине из колониальной администрации.

— Мы перехватили сигнал, передававшийся с планеты. Его зарегистрировали приемные устройства «Ностромо». Потом нас вывели из гиперсна, как и полагается по инструкции. Мы искали

источник сигнала и нашли чужой космический корабль совершенно неизвестной конструкции. Все это тоже зарегистрировано в журнале.

Команда давно покинула корабль. Причины этого мы так и не узнали. Корабль мы нашли по сигналу радиомаяка. В нем обнаружили пилота — тоже существо, какого раньше никто не видел. Он был мертв и сидел в кресле с такой огромной ямой в грудной клетке, что в ней свободно поместился бы футбольный мяч.

Возможно, рассказ все-таки произвел впечатление на женщину из колониальной администрации. А может быть, ей просто наскучило в сотый раз выслушивать одно и то же. Как бы то ни было, именно она сочла своим долгом ответить Рипли:

— Говоря откровенно, мы исследовали более трехсот планет и ни разу не получали сообщений о существах, которые, по вашим словам, — она поднесла листок к глазам и прочла несколько строк из письменных показаний Рипли: «...созревают в организме живого человека», а «вместо крови в них циркулирует сильная кислота».

Рипли мельком взглянула на Берка. Тот молча сидел в конце стола. Он не входил в состав комиссии и поэтому за все время заседания не произнес ни слова. Впрочем, он все равно ничем не мог помочь. Все зависело от того, как члены комиссии воспримут ее слова. Подтверждающих записей в вахтенном журнале не было; комиссия располагала только показаниями обвиняемой, а с первых минут заседания стало ясно, что судьи не склонны ей верить. Интересно, подумала Рипли,

кто подделал (а может быть вообще стер?) записи в вахтенном журнале и зачем? А вдруг записывающее устройство компьютера не работало? Ладно, сейчас это уже не важно. Ей наскучили эти игры.

— Послушайте, я понимаю, к чему вы клоните, — грустно улыбнулась Рипли. Раз это игра, она была настроена довести ее до конца, даже не имея никаких шансов на победу. — Я имею в виду историю с андроидом Эшем. Ведь только из-за него мы отклонились от курса и отправились искать источник сигнала. А дальше события развивались своим чередом. — Она оглядела всех членов комиссии и на этот раз широко улыбнулась. — Мне все понятно, хотя я и не могу ничего доказать. Кому-то выгодно, чтобы Эш был вне подозрений, поэтому вы заранее решили облизать помоями меня. Ладно, пусть будет так. Но есть одно обстоятельство, которое вы не в силах изменить, один факт, который вам не удастся фальсифицировать.

Эти твари существуют. Вы не справитесь с ними так легко, как со мной. На этой планете остался брошенный космический корабль; в нем тысячи яиц. Тысячи. Вы понимаете? Вы отдаете себе отчет, к чему это может привести? Я предлагаю немедленно отправить туда экспедицию, найти корабль и истребить всех тварей, лучше всего термоядерным зарядом. С помощью бортового журнала вы легко найдете планету. Но это нужно сделать быстро, прежде чем какая-нибудь из ваших исследовательских бригад вернется на Землю с небольшим сюрпризом.

— Благодарю вас, уорент-офицер Рипли, — начал было Ван Левен. — Мы...

— Потому что одной из этих тварей, — перебила его Рипли, — хватило всего двенадцати часов, чтобы уничтожить весь экипаж «Ностромо».

Ван Левен встал. Очевидно, не только Рипли потеряла терпение.

— Благодарю вас. На этом закончим слушание. Все.

— Нет, не закончим! — Рипли свирепо посмотрела на него. — Вот если эти твари попадут на Землю, тогда будет все! Тогда, хотите вы этого или нет, придется закончить все! Все!

Женщина из колониальной администрации повернулась к Ван Левену.

— Мне кажется, у нас достаточно информации, чтобы вынести решение, — невозмутимо сказала она. — Пора закончить слушание и удалиться на совещание.

Ван Левен вопросительно оглядел членов комиссии. С тем же успехом он мог бы взглянуть в зеркало. Внешние данные явно не мешали единодушию.

Но говорить об этом вслух не принято. Это испортило бы отчет. Можно решить все до заседания, но документ должен строго соответствовать процедурным нормам.

— Леди, джентльмены?

Все согласно закивали. Ван Левен перевел взгляд на Рипли — объект их обсуждения. Скорее осуждения, чем обсуждения, желчно подумала она.

— Уорент-офицер Рипли, вы не будете возражать, если мы попросим вас удалиться?

— Какая разница, возражая я или нет? —
Рипли дрожала от негодования.

Она повернулась, собираясь уйти и больше сюда не возвращаться. На глаза ей снова попался портрет на видеоэкране. Лицо Далласа было безучастно. Капитан Даллас. Коллега Даллас. Друг Даллас.

Далласа больше нет. Рипли в гневе вышла из зала.

Все сказано, решено и подписано. Можно считать, ее уже признали виновной. Теперь они, скорее всего, официально передадут дело в суд. Формальность. Компания и ее друзья любят формальности. Любая трагедия будет выглядеть как рядовое происшествие, если из нее вытравить все эмоции. Так и с этим расследованием — вместо человеческих судеб, эмоций, переживаний, в отчете будут только аккуратные колонки ничего не значащих цифр. Ну и, конечно, должен быть вынесен приговор. Но не слишком громко, не то соседи услышат.

Все это не очень беспокоило Рипли. Даже неминуемый крах собственной карьеры ее не расстраивал. Но она не могла простить всемогущим членам комиссии их непроходимой тупости. Значит, они ей не поверили. Конечно, она могла бы их понять, учитывая отсутствие у нее веских доказательств и заскорузлость их мышления. Но они проигнорировали ее совершенно, отказались проверить ее показания. Нет, такого прощать нельзя. Ведь на карту поставлено нечто гораздо большее, чем одна паршивая жизнь или карьера скромного офицера коммерческого корабля. А им наплевать. Здесь не пахнет ни прибылью, ни

убытками, поэтому им все безразлично. Рипли с досадой стукнула по стенке ногой.

Поблизости в автоматической закусочной Берк покупал кофе и пирожки. Автомат проверил его кредитную карточку, вежливо поблагодарил. Как почти все на станции Гейтуэй, разливаемая автоматом черная жидкость была совершенно лишена запаха. Что же касается так называемых пирожков, то они наверняка никогда и рядом не лежали с настоящими, из пшеничной муки.

— Все-таки вы заставили их выслушать себя, — попытался подбодрить Рипли Берк.

Она была благодарна ему за эту попытку, пусть и не совсем удачную. В любом случае не стоило срывать на нем зло. Кстати, если к эрзац-кофе добавить побольше сахара и искусственных сливок, получится почти терпимое пойло.

— Все было решено заранее. Я зря сотрясала воздух. Им следовало бы еще вчера отпечатать все выступления, в том числе и мое. Было бы намного проще — прочесть то, что они хотели услышать. А пытаться вбить в их головы правду — пустое занятие. — Рипли искоса взглянула на Берка. — Знаете, что они думают?

— Могу себе представить. — Берк принялся за пирожок.

— Они думают, что я не в своем уме.

— Вы и так не в своем уме, — весело отозвался он. — Возьмите пирожок. Вам шоколадный или сливочный?

Рипли подозрительно взиралась на пирожки.

— Вы ощущаете разницу? — поинтересовалась она.

— Пожалуй нет. Но цвета очень приятные.

Рипли не улыбнулась в ответ, но не стала и издеваться над собеседником.

Так называемое совещание не затянулось. Да и о чём им совещаться, когда все известно заранее, подумала Рипли. Она вошла в зал, заняла свое место. Берк сел в дальнем углу. Он хотел было подмигнуть ей, но передумал. Рипли угадала его намерение и обрадовалась, что он отказался от глупой затеи.

Ван Левен прокашлялся. На этот раз он не счел нужным оглядываться на других членов комиссии и сразу приступил к делу.

— Комиссия по расследованию установила, что уорент-офицер Эллен Рипли, идентификационный номер W5645022560Н, принимала решения сомнительного характера и потому не может иметь патент офицера коммерческого космического флота.

Если в этот момент кто-то ждал от обвиняемой бурной реакции, то был разочарован. Рипли сидела молча, плотно сжав губы, и лишь вызывающие смотрела на членов комиссии. Но члены комиссии скорее всего испытывали облегчение. Протесты, эмоциональные выкрики тоже пришлось бы включать в отчет. Мысленно Рипли одела Ван Левена в черный плащ с капюшоном. Не ведая об этом, тот продолжал:

— Действие указанного патента приостанавливается на неопределенный срок. В дальнейшем решение комиссии подлежит пересмотру, дата которого будет установлена позднее. — Ван Левен еще раз прокашлялся, то ли для большей уверенности, то ли для того, чтобы успокоить собственную совесть. — Принимая во внимание, что

обвиняемая провела необычно долгое время в состоянии гиперсна, и учитывая возможность неблагоприятного воздействия сверхдлительного гиперсна на психику человека, в настоящее время ей не предъявляется обвинения в совершении уголовного преступления.

В настоящее время, повторила про себя Рипли. На языке Компании это означало: «Держи язык за зубами и сторонись парней из средств массовой информации. Тогда, может быть, ты еще получишь свою пенсию».

— Вы освобождаетесь при условии, что обязуетесь в течение шести месяцев проходить полное психометрическое обследование, включающее ежемесячные проверки специальной комиссией космического коммерческого флота, а также постоянное терапевтическое или иное назначение вам лечение.

Коротко, ясно и вовсе не сладко, но Рипли все проглотила, не проронив ни слова, пока Ван Левен не дочитал до конца и вся комиссия не покинула зал. Берк уловил возбужденный блеск в глазах Рипли и попытался удержать ее.

— Бросьте, это бесполезно, — шепнул он.

Рипли оттолкнула его и направилась в коридор.

— Поймите, все кончено, — настаивал Берк.

— Правильно, — ответила Рипли, ускоряя шаг. — Поэтому мне уже нечего терять.

Она догнала Ван Левена у лифта.

— Почему вы не хотите проверить планету LV-426?

Ван Левен повернулся к Рипли.

— Миссис Рипли, теперь это не имеет значения. Решение комиссии окончательное.

— К черту решение комиссии. Сейчас речь идет не обо мне, а о тех несчастных, которые найдут брошенный корабль. Объясните, почему вы не хотите проверить мои показания?

Ван Левен резко оборвал Рипли:

— Потому что я не вижу в этом необходимости. Люди, которые давно живут на этой планете, все проверили много лет назад. От них не поступало ни одного сообщения о «враждебных организмах» или о брошенном чужом корабле. Вы принимаете меня за полного идиота? Вы полагаете, что комиссия не стала докапываться до истины лишь потому, что нам не хочется лишних хлопот? Между прочим, эта планета теперь называется Ахеронт.

Пятьдесят семь лет. Долгий срок. За пятьдесят семь лет могли сделать многое. Многое построить, освоить новые планеты, основать новые колонии... Смысл слов Ван Левена с трудом доходил до Рипли.

— О чём вы говорите? Какие люди?

Ван Левен вошел в кабину лифта, но Рипли успела сунуть руку между дверями. Послушные сенсоры снова раскрыли двери и терпеливо ждали, когда освободится проем.

— Преобразователи планет, — объяснил Ван Левен. — Инженеры. Рипли, пока вы спали, у нас многое изменилось. Мы шагнули далеко вперед. Космос не назовешь гостеприимным, но со временем он станет другим. Мы создаем колонии. На Ахеронте уже установили преобразователи атмосферы, и через некоторое время там можно будет ходить без скафандра. Да, теперь мы с успехом делаем это, если только на планете есть

хоть какая-то постоянная атмосфера, неважно какая — водородная, аргоновая, но лучше всего метановая. На Ахеронте метана с избытком, есть немного кислорода и достаточно азота, чтобы начать его биологическое связывание. Пока там ничего хорошего, и воздух едва ли пригоден для дыхания. Но дайте срок — и упорный труд преобразит планету. Там будет все необходимое для того, чтобы человек чувствовал себя уютно. Конечно, затраты велики. Мы не занимаемся благотворительностью, но работа, содействующая прогрессу человечества, приносит нам большое удовлетворение. Это титаническая задача. На ее выполнение уйдут десятилетия. Наши инженеры живут там уже больше двадцати лет. Живут мирно.

— Почему вы не сказали мне этого раньше?

— Высказывалось мнение, что такая информация могла бы повлиять на ваши показания. Лично я так не думаю. Очевидно, вы верите в то, что рассказали комиссии. Некоторые из моих коллег придерживались иного мнения. Полагаю, в любом случае мы пришли бы к тому же решению.

Двери лифта начали было снова закрываться, но Рипли решительно их раздвинула. Другие пассажиры стали проявлять нетерпение.

— Сколько там колонистов?

Ван Левен сдвинул брови.

— Насколько я помню, по последней переписи шестьдесят, может быть, семьдесят семей. Люди работают лучше, если живут вместе со своими близкими. Это обходится дороже, но в конце концов дополнительные расходы окупаются. Семья вселяет в человека уверенность, дает ощущение

жизни в настоящей колонии, а не на инженерном аванпосту. Женщинам и детям иногда приходится нелегко, но зато по окончании контракта все получают большое вознаграждение и могут считать свою старость обеспеченной. В результате выигрывают и колонисты и мы.

— Боже милосердный, — прошептала Рипли.

— Вы не возражаете? — раздраженно спросил один из пассажиров.

Рипли рассеянно опустила руку, и двери лифта бесшумно сомкнулись. Ван Левен уже забыл о Рипли, а она — о нем. Рипли попыталась представить себе ту планету — какая она сейчас.

Воображение не подсказало ей ничего хорошего.

2 Далеко не лучшее время на этой явно не лучшей из планет во Вселенной. Порожденные неземными силами ветры Ахеронта беспрестанно обрушивались на безжизненную поверхность планеты. Ужасные вихри, казалось, родились одновременно со скалами. Морей здесь не было, но ветры и без их помощи сгладили бы рельеф миллионы лет назад, если бы из базальтовой коры глубинные процессы постоянно не воздвигали новые горы и плато. Война между ветрами и планетой ни на минуту не прекращалась.

До сих пор ничто не мешало ни ветрам, ни песчаным бурям. На Ахеронте властвовал ветер — властвовал долго, пока не пришли люди и не предъявили свои права на планету. Конечно, она пока оставалась прежней, на ней преобладал все

тот же пейзаж — истерзанные скалы, еле различимые в желтоватой, пыльной атмосфере. Но как только преобразователи атмосферы завершат свою работу, все будет по-другому. Сначала изменится состав газовой оболочки — метан уступит место кислороду и азоту. Потом будут укroщены ветры, создан плодородный почвенный слой. В конце концов на планете установится мягкий климат, здесь будет царство дождей и снегов, а самое главное — зеленой растительности.

Такое наследство оставят жители Ахеронта будущим поколениям. Пока же они следили за работой преобразователей атмосферы и упорно боролись за то, чтобы мечты стали явью. В этом им помогали решительность, чувство юмора и весьма высокая оплата их труда. При жизни они не увидят, как по Ахеронту потекут молочные реки с кисельными берегами, — для этого человеческая жизнь слишком коротка. Зато Компания будет жить вечно; она-то и станет пожинать плоды труда первопроходцев.

Чувство юмора, без которого не обойтись инженерам космоса, обычно живущим в труднейших условиях, проявлялось во всем, и в частности в надписи, что красовалась на стальном щите, укрепленном на массивных бетонных опорах рядом с самым удаленным строением колонии:

НАДЕЖДА ХАДЛИ

Население — 159 человек

Добро пожаловать на Ахеронт

Снизу какой-то местный шутник по собственной инициативе несмыываемой краской приписал: «Желаю приятно провести время». Ветры не

обращали внимание на это пожелание. Песок и щебень изрядно исцарапали и побили стальной щит, а первые на Ахеронте дожди, порожденные преобразователями атмосферы, внесли свой вклад в его оформление, окрасив в цвета ржавчины.

За этим щитом и начиналась собственно колония: горстка невысоких строений из металла и пластикreta, соединенных переходами, которые на первый взгляд казались слишком хрупкими, чтобы противостоять ветрам Ахеронта. По сравнению с окружавшими колонию скалами, изуродованными ветрами, и разрушающимися горами, строения совсем не впечатляли, но зато были почти так же прочны, как скалы, и намного более уютны. Они защищали тех, кто в них жил и работал, от ветров и пока еще слишком разреженной атмосферы.

Между строениями были проложены дороги. По ним на огромных колесах ползали вездеходы и другие машины; подобно клопам они то появлялись из подземных гаражей, то исчезали в них. На нескольких коммерческих зданиях мерцали неоновые огни, рекламируя немудреные, зато настоящие развлечения. Плата за вход была непомерно высокой, но никто не торговался. Там, где на счетах жителей числятся крупные суммы, всегда появляются ловкие дельцы, мечтающие о сказочных прибылях. Для Компании такие грошевые дела не представляли интереса, поэтому она охотно продавала лицензии всем желающим.

Сразу за постройками колонии возвышался первый преобразователь атмосферы с термоядерной энергетической установкой. Он непрерывно

выбрасывал в атмосферу мощный поток переработанных газов. Твердые частицы и вредные газы сжигались или подвергались химическому расщеплению, а в тускую оболочку планеты поступали кислород и азот. Технология преобразования атмосферы была проста, но требовала много времени и средств.

Впрочем, кто может сказать, дорого это или дешево, если речь идет о целой планете? В сравнении с другими мирами, преобразование которых тоже финансировала Компания, Ахеронт был не так уж и плох. Во всяком случае здесь уже имелась газовая оболочка, пригодная для преобразования. Куда как проще изменить состав уже имеющейся атмосферы, чем начинать все с нуля. К тому же на Ахеронте было почти нормальное тяготение. Истинный рай.

Огненное зарево, поднимавшееся над преобразователем атмосферы, делало его похожим на действующий вулкан, символ совсем иного мира. Для колонистов символы не утратили своего смысла и служили одним из источников шуток. Ведь люди решились лететь на Ахеронте не только потому, что здесь такой отвратительный климат.

Среди колонистов не было ни одного физически слабого человека с бледным, изможденным лицом. Даже дети тут выглядели вполне здоровыми, причем здоровыми духом и телом. Хулиганам здесь не было места. На Ахеронте с пеленок понимали необходимость взаимовыручки и поддержки. Дети здесь взрослели быстрее, чем их сверстники на Земле или других планетах с мягким климатом. И дети и их родители воспи-

тывали самих себя, во всем полагаясь на собственные силы, но знали, что в трудную минуту каждый колонист всегда придет им на помощь. В этом смысле они не были первыми. Разница заключалась лишь в том, что их далекие предки, осваивая новые страны и континенты, передвигались в фургонах, а не летали в космических кораблях.

Они считали себя пионерами, первопроходцами. Эти слова звучат намного лучше, чем цифровой код специальности.

В центре колонии стояло сравнительно невысокое здание, в котором размещался центр управления. Постройка возвышалась над всеми сооружениями на планете, исключая лишь установки по преобразованию атмосферы. Снаружи здание казалось очень просторным. Однако внутри невозможно было найти и квадратного метра свободной площади. Все углы были забиты поставленными друг на друга приборами, которые заполняли и невысокое пространство под полом, где человек мог пробраться лишь ползком, и служебные проходы над фальш-потолками. И все же пространства катастрофически не хватало. Люди теснились, стремясь освободить больше места для компьютеров и другого оборудования. Попытки немедленно переносить всю информацию в память компьютеров явно были не очень успешными — повсюду громоздились кипы бумаг. Только что доставленное новехонькое оборудование быстро покрывалось царапинами, зазубринами и пятнами от кофе, что придавало ему домашний вид.

Обслуживали центр управления, а значит, и

руководили всей колонией, два человека: директор-распорядитель и его помощник. Они были друг с другом на ты. На дальних планетах лишние формальности не в чести. Пока из чрезмерного почтения будешь вызывать кого-то, перечисляя имя, фамилию и звание, рискуешь затеряться, а то и погибнуть.

Их звали Симпсон и Лидекер. Трудно сказать, кто из них выглядел озабоченнее. Казалось, оба относились к числу тех людей, которые давно забыли, что значит хорошо выспаться. Лидекер был похож на злостного неплательщика налогов, лет десять скрывавшегося от настойчивой налоговой полиции. Крупный и физически очень сильный Симпсон смотрелся бы лучше за баранкой грузовика, а не в кресле руководителя колонии. К несчастью, он был не только силен, но и умен, и не смог вовремя скрыть это от своих начальников. На его рубашке вечно проступали пятна от пота.

Симпсон собирался уйти, но Лидекер успел его остановить.

— Слышал прогноз погоды на следующую неделю?

Симпсон жевал что-то ароматное, отчего его губы потемнели. Наверняка запрещенное, подумал Лидекер, но промолчал. Это личное дело Симпсона, а Симпсон — его шеф. К тому же Лидекер подумывал, не попросить ли ему немногого жвачки взаймы. В колонии не поощрялись мелкие пороки, но если они не мешали работе, то с ними вполне мирились. Работать здесь и не сойти с ума — уже достаточно сложно, так что не стоило обращать внимания на мелочи.

— А что с погодой? — вопросом на вопрос ответил директор-распорядитель.

— У нас будет настоящее бабье лето. Ветер стихнет аж до сорока узлов.

— Отлично. Я куплю крем для загара и наконец-то выберусь из этого свинарника. Мне чертовски хочется увидеть здешнее светило во всем его блеске.

Лидекер с притворным неодобрением покачал головой:

— Вечно ты недоволен. Тебе мало знать, что оно пока на месте?

— Ничего не могу поделать с собой — я жадный. А что, по-твоему, я должен помалкивать и благодарить судьбу? Слушай, ты что-то замышляешь. Или просто твой очередной перерыв на кофе слишком затянулся?

— Это мое дело. Отвяжись. Пользуюсь каждой возможностью. По моим расчетам следующий раз мой звездный час наступит примерно через два года. — Он бегло просмотрел распечатку. — Помнишь, пару дней назад ты послал разведчиков на то высокое плато в районе Илиума?

— Да, конечно. Некоторые фантастеры на Земле считают, что там могут быть залежи радиоактивных минералов. Я поинтересовался, не найдутся ли у нас добровольцы, и один парень, Джорден, сразу вызвался. Я объяснил, что надо проверить — если он хочет, конечно. Может, еще кто-то отправился туда же по собственной инициативе. А что?

— Да тут один тип привязался. Маменькин сынок из исследовательской бригады. Говорит, он

что-то нашел, и хочет знать, будут ли за ним закреплены права.

— Надо же, все стали юристами. Иногда я думаю, не переквалифицироваться ли и мне?

— Как? И разрушить столь загадочный образ? К тому же знаешь, тут спрос на юристов невелик. На своем месте ты заработаешь больше.

— Почаще напоминай мне об этом. Надеюсь, это поможет.

Симпсон покачал головой и повернулся к зеленому экрану.

— Какие-то умники сидят на Земле в мягких креслах и говорят: «Наблюдайте за этим ориентиром». Мы наблюдаем. Они не объясняют зачем, а я не спрашиваю. Я не спрашиваю, потому что ответ приходит через две недели и всегда один и тот же: «Не задавайте лишних вопросов». Иногда мне даже интересно становится, зачем мы вообще что-то делаем.

— Я же только что объяснил тебе. Чтобы получать деньги.

Помощник директора прислонился к панели.

— Так что же мне ответить этому парню?

Симпсон повернулся к экрану, который почти целиком занимал одну из стен. На экране компьютер начертил топографическую карту изученных регионов Ахеронта. Судя по ней, все эти регионы, вместе взятые, были весьма невелики, а самый безжизненный район Калахари по сравнению с Ахеронтом казался настоящим раем. Самому Симпсону редко приходилось бывать на поверхности планеты. Работа обязывала его постоянно находиться в центре управления, и это его вполне устраивало.

— Скажи ему, — ответил Симпсон Лидекеру, — я считаю, все, что он найдет, — это его собственность. Если у человека хватает мужества выбраться со станции, он заслуживает права распоряжаться по своему усмотрению всем, что обнаружит.

У шестиколесного вездехода с необычно широкими шинами были бронированные стенки и нержавеющий низ. Как и другие машины колонии, вездеход не обошли стороной капризы местного климата. Многочисленные металлические заплаты неопределенного цвета, сварные швы и kleеные соединения превратили его когда-то идеально гладкую обшивку в затейливую мозаику. И все же он успешно противостоял порывам ветра и тучам песка, упрямо продвигаясь вперед. Для сидевших в кабине вездехода людей этого было достаточно.

Сейчас машина карабкалась вверх по пологому склону. Из-под толстых шин вздымались облака вулканической пыли, и ветер сразу же уносил их. Под колесами машины крошились выветренные песчаник и сланец. За бронированными стенками вездехода без устали ревел сильный западный ветер, рвавшийся в испещренные шрамами окна, чтобы ослепить и машину и тех, кто сидел в ее кабине. Но надежный двигатель и упрямство водителя вели машину вперед. Равномерное гудение мотора действовало на людей успокаивающе. На полную мощность работали воздушные фильтры, стараясь оградить неприкосновенный двигатель от пыли и песка. Машине чистый воздух был нужен не меньше, чем ее водителю и пассажирам.

От сурового климата планеты Рассу Джордену досталось меньше, чем вездеходу, и все же в нем безошибочно угадывался человек, который провел здесь срок не одного контракта. Несколько в меньшей степени это относилось и к его жене Энн. Зато двое их детей, которых немилосердно трясло на заднем сиденье кабины, выглядели не хуже, чем их сверстники на Земле. Непостижимым образом им удавалось ловко сновать между сиденьями, коробками с переносным оборудованием для отбора проб и при этом не разбиться о стены. Давным-давно их сверстники считали лошадь основным средством передвижения. Должно быть, детям, едва научившимся ходить, было трудно удерживать равновесие и в том и в другом случае.

Одежда и лица людей были в пыли, хотя кабина вездехода считалась герметичной. На Ахеронте от этого никуда не денешься. Как ни закрывай двери и окна, пыль всегда набьется в машины и строения. Одни из первых колонистов назвал этот феномен «осмосом твердых частиц» — введя таким образом скорее описательный термин, чем научный. Колонисты с более развитым воображением утверждали, что ахеронтская пыль обладает зачатками разума, умеет прятаться и поджидать, когда приоткроются двери и окна, чтобы в этот момент назло людям просочиться в помещения. Домохозяйки в шутку обсуждали, что проще и быстрее — выстирать или выколотить одежду.

Расс Джорден искусно управлял тяжелым вездеходом, объезжая валуны, выбирая места, где можно пересечь узкие расщелины плато. Его подбадривало не прекращавшееся ни на секунду

попискивание локатора. Чем ближе подходил вездеход к центру электромагнитной аномалии, тем громче становилось попискивание, но Джорден не хотел приглушать сигнал. Этот звук казался ему приятнейшей музыкой и напоминал чем-то позвякивание старинных кассовых аппаратов. Джорден сидел за пультом управления, а за системой жизнеобеспечения вездехода следила его жена.

— Посмотри, какое мощное магнитное поле, — сказал Джорден и постучал пальцем по шкале небольшого прибора справа от себя. — И все это мое, мое, мое! Лидекер говорит, что Симпсон согласен. Мы уже все оформили. Теперь у меня никто этого не отберет. Даже Компания. Мое, все мое!

— Дорогой, ты забыл, что половина принадлежит мне. — Энн мельком взглянула на мужа и улыбнулась.

— А половина — мне! — весело объявила дочь Джорденов Ньют, по-своему трактуя законы арифметики.

Ньют только исполнилось шесть лет, но на вид ей можно было дать все десять. У нее было больше энергии, чем у родителей и вездехода вместе взятых. Не отрывая взгляда от приборов, Расс Джорден беззлобно ухмыльнулся.

— Не слишком ли много у меня партнеров?

Девочка играла со старшим братом, пока тому не надоело.

— Папочка, Тиму скучно, и мне тоже. Скоро мы вернемся в город?

— Как только разбогатеем, Ньют.

— Ты всегда так говоришь.

Подвижная, как ящерка, Ньют вскочила на ноги.

— Хочу домой. Хочу снова играть в лабиринт чудовищ.

Тим повернулся к сестре.

— Играй сама с собой. Ты всегда жульничашь.

— Вовсе и нет. — Ньют уперлась кулаками в бока. — Просто я лучше играю, а тебе завидно.

— Ни капельки не завидно! Ты прячешься в таких местах, куда мы не можем пролезть.

— Ну и что? Значит, я лучше играю.

Энн, оторвавшись от своих мониторов и регуляторов, бросила на детей строгий взгляд.

— Прекратите эти игры. Если я еще раз увижу, что вы играете в воздуховодах, я вас выпорю. Это не только нарушение правил колонии, но и очень опасная игра. А если кто-то оступится и упадет в вертикальную шахту?

— Мамочка, но мы же не такие дураки. Все дети играют, и пока никто не разбился. Мы очень осторожно. — Ньют снова улыбнулась. — А я играю лучше всех, потому что могу залезть туда, куда никто не залезет.

— Как червяк, — подтвердил Тим и показал сестре язык.

Ньют тоже высунула язык.

— Ага, ага! Завидно, завидно!

Тим хотел было схватить сестру за язык, но та с веселым криком успела нырнуть за громоздкий анализатор горных пород.

— Дети, послушайте меня. — В голосе Энн было больше любви, чем раздражения. — Ведите

себя тихо хотя бы минуты две, хорошо? Мы почти все сделали. Скоро повернем домой и...

Вглядываясь сквозь ветровое стекло, Расс Джорден привстал. Забыв на время о детях, к нему присоединилась и Энн. Вездеход резко накренился влево, и она ухватилась за плечо мужа.

— Что там, Расс? — спросил Энн.

— Что-то там есть. Я увидел, когда на секунду прояснилось. Не знаю, что это за штуковина, но большая. А самое главное — наша. Твоя, моя, наших детей.

По сравнению с чужим космическим кораблем большой шестиколесный вездеход казался игрушечным. От кормы брошенного корабля поднимались две блестящие металлические ветви, полные изящества и в то же время вызывающие смутное беспокойство. Издали они напоминали простертые к небу руки мертвеца, навеки застывшего в этой позе. Одна рука была короче другой, но форма корабля не казалась от этого менее совершенной.

И конструкция корабля, и материал, из которого был сделан его корпус, оказались совершенно чужими для человека. Создавалось такое впечатление, что корабль не строили, а выращивали подобно дереву. Песчаные бури Ахеронта еще не стерли зеркальный блеск с его поверхности.

Джорден остановил вездеход.

— Нам здорово повезло. Энн, доставай комбинезоны и шлемы. Интересно, в нашем кафе могут синтезировать шампанское?

Его жена не сдвинулась с места, все так же недоверчиво рассматривая корабль сквозь прочное стекло.

— Расс, давай сначала осмотрим эту штуку, вернемся домой, все обсудим, а уж потом будем думать, стоит ли отмечать находку. Может, кто-то побывал тут до нас.

— Ты смеешься? На всем плато нет ни одного маяка, ни одного маркера. До нас здесь не было никого. Никого! Все это — наше! — возразил Расс и решительно направился в заднее отделение вездехода.

— Трудно поверить, чтобы такой огромный корабль сел на Ахеронт и за все эти годы никто его не заметил. Я уж не говорю, что при его посадке должна была бы вздрогнуть вся планета. — В голосе Энн все еще слышалось сомнение.

— Чепуха, — отозвался Джорден. Он уже надевал комбинезон, привычно щелкал замками, закрепляя герметичные соединения. Чувствовалось, что подобная операция для него не нова. — Попусту беспокоишься. Я могу назвать тысячи причин, почему его до сих пор не заметили.

— Например? — Энн отошла от ветрового стекла и неохотно взялась за свой комбинезон.

— Например, вот эти горы скрывают его от детекторов колонии, а разведывательные спутники в такой атмосфере, сама знаешь, бесполезны.

— А в инфракрасном диапазоне?

— О чём ты говоришь? Посмотри на этот корабль. Мертвее не бывает. Наверно, торчит здесь уже не одну тысячу лет. Да даже если бы он свалился только вчера, все равно инфракрасное излучение с этой части планеты до нас не доходит, потому что преобразователи атмосферы выбрасывают слишком горячий воздух.

— Тогда каким же образом наши перехватили сигнал?

Энн закрепляла на поясе комбинезона необходимые приборы. Джорден пожал плечами.

— Откуда мне знать, черт побери? Если тебя это очень интересует, можешь спросить у Лидекера, когда вернемся. Самое главное, только нас, нас одних послали проверить, что это за штука. Нам здорово повезло. — Он повернулся к люку воздушного шлюза. — Пойдем, детка, взломаем сундук с сокровищами. Готов спорить на что угодно: в этом сундуке до черта стоящих вещей.

Постепенно энтузиазм мужа передавался и Энн, хотя уверенности у нее не прибавилось. Закрепив соединения в своем комбинезоне, женщина проверила комбинезон мужа, потом оба еще раз просмотрели снаряжение: кислород, приборы, инструменты, фонари, источники энергии. Закончив проверку, Энн отбросила лицевой щиток шлема и окинула детей строгим взглядом.

— Вы остаетесь в кабине. Я говорю серьезно.

— Но, мама, — жалобно протянул Тим, на лице которого было написано такое глубокое разочарование, какое может быть только у ребенка. — А мне с вами нельзя?

— Нет. Тебе с нами нельзя. Мы вернемся и все тебе расскажем.

Энн закрыла за собой люк шлюза. Тим сразу же бросился к ближайшему иллюминатору и прижался носом к стеклу. Сумрак планеты прорезали лучи фонарей, укрепленных на шлемах его родителей.

— Не понимаю, почему мне нельзя пойти с мамой и папой.

— Потому что мамочка так сказала.

Не зная, какую бы новую игру придумать, Ньют прижала лицо к соседнему иллюминатору. По мере приближения родителей к странному кораблю огоньки на их шлемах постепенно тускнели.

Кто-то схватил Ньют сзади. Она взвизгнула и быстро повернулась, чтобы дать отпор брату.

— Обманщица! — Поддразнил Тим сестру.

Он бросился искать убежище, а Ньют с воплями преследовала его.

Когда Расс и Энн вскарабкались по каменистому склону, над ними нависла громада чужого корабля. Оглушающее вулканическое извержение выло ветер. Тучи пыли затмевали местное светило.

— Не повернуть ли нам назад? — спросила Энн, разглядывая гладкую поверхность корабля.

— Давай сначала осмотримся, дадим этой громадине название. — Расс ногой отбросил лежавший на пути обломок вулканической породы. — Как тебе нравится «Страшилище»?

Расс повернулся к жене, и даже через шлем на его лице нетрудно было прочесть удивление.

— Эй, дорогая, в чем дело? Ты боишься?

— Конечно, боюсь. Мы собираемся войти в брошенный чужой корабль совершенно неизвестного типа.

Расс ободряюще похлопал Энн по спине.

— А ты думай только о кругленькой сумме, которая нам светит. Одна эта посудина, даже если

она совсем пустая, стоит целое состояние. Это бесценная находка. Интересно, кто ее построил, откуда она прилетела и почему врезалась в эту забытую Богом кучу камней? — Расс с радостью и надеждой показал на темное отверстие в корпусе корабля. — Наверно, эта дыра образовалась, когда корабль шлепнулся. Давай посмотрим, что там.

Повернувшись к отверстию, Энн с тревогой осмотрела его.

— Не похоже, чтобы этот люк образовался при неудачной посадке. Расс, мне кажется, он сделан специально еще при строительстве корабля. Тем, кто конструировал его, углы определенно не нравились.

— Мне наплевать, что им не нравилось. Пойдем посмотрим, что там внутри.

По щеке Ньют Джорден скатилась одинокая слезинка. Она уже дано всматривалась в лобовое стекло вездехода. Наконец ее терпение лопнуло, она спустилась на пол и пошла к сиденью водителя, на котором спал ее брат. Ньют посопела, утерла слезы, чтобы брат не заметил, что она плакала.

— Тимми... Проснись, Тимми. Уже поздно, а их все нет и нет.

Тим несколько раз сонно моргнул, спустил ноги с панели управления и выпрямился, не вставая с кресла. Он рассеянно взглянул на встроенный в панель хронометр, потом через стекло всмотрелся в мрачный ландшафт. Несмотря на тщательную звукоизоляцию кабины, при выключенном двигателе даже сюда доносились заывание ветра. Тим облизал губы.

— Все будет в порядке, Ньют. Папа знает, что делает.

В этот момент хлопнул наружный люк шлюза, потом открылся и внутренний, впустив в кабину пыль планеты и высокую фигуру в комбинезоне. Ньют вскрикнула, а Тим спрыгнул с кресла. Вшедшая Энн Джорден сорвала шлем и бросила его на пол, совершенно не заботясь о том, что может повредить находящиеся в нем хрупкие приборы. На ее шее вздулись вены. Она невидящими глазами посмотрела на детей, быстро прошла мимо них к приборной панели, схватила микрофон и выкрикнула:

— Помогите! Помогите! Альфа один-ноль-ноль-ноль-два-четыре-девять вызывает центр управления Хадли! Повторяю, альфа...

Ньют почти не слышала голос матери. Стараясь закрыться от занесенной в кабину пыли, она прижала обе ладошки ко рту. За ее спиной отчаянно завывали воздушные фильтры вездехода, старавшиеся очистить кабину от пыли. Не отрываясь, Ньют смотрела в иллюминатор. На камнях неподвижно лежал ее отец. Каким-то образом матери удалось дотащить его сюда от чужого корабля.

Что-то закрывало лицо отца.

Это что-то было плоским, с множеством пачущих лап, покрытых панцирными щитками. На взгляд оноказалось очень сильным. Вокруг шеи человека обвился длинный мускулистый хвост. Больше всего оно походило на мутуированного краба-мечехвоста с мягким панцирем. Его туловище равномерно поднималось и опускалось. Как

насос. Как машина. Только это была не машина. С первого взгляда становилось ясно, что это какое-то ужасное, мерзкое живое существо.

Ньют снова закричала, и на этот раз ее крик долго не стихал в кабине вездехода.

3 Тишину квартиры нарушали только звуки, доносившиеся с настенного экрана. Рипли не обращала на них внимания и сосредоточенно наблюдала за струйкой дыма, поднимавшейся от ее лишенной никотина сигареты. В неподвижном воздухе плавала синяя дымка, лениво складываясь в абстрактные фигуры.

День подходил к концу, но пока Рипли удалось ни разу не посмотреться в зеркало. Это и к лучшему, потому что отражение осунувшейся и неряшливой женщины окончательно испортило бы ей настроение. Квартира выглядела немногим лучше хозяйки. Несколько декоративных элементов как раз хватило, чтобы скрасить спартанскую обстановку. Правда, украшения никак не выдавали пристрастий хозяйки. Оно и понятно, ведь Рипли пережила все, что можно было бы считать личными вещами. В раковине скопилась гора грязной посуды, хотя посудомоечная машина под ней была пуста.

На Рипли был недавно купленный халат, который старел так же быстро, как и его хозяйка. В спальне валялись комом простыни и одеяла. Надеясь отыскать случайно завалевшийся лакомый кусочек, на кухне рыскал Джонс. Но поиски его были тщетны. Автоматическая кухня сама

поддерживала достаточную чистоту — вопреки явному нежеланию хозяйки принимать в этом участие.

— Привет, Боб! — вяло проблеял кто-то с настенного экрана. — Я слышал, ты с семьей собираешься в колонии?

— За всю жизнь я не принимал более верного решения, — ответило с другой стороны экрана глупо улыбавшееся ничтожество. — Мы начнем новую жизнь в абсолютно чистом мире. Там нет преступлений, нет безработицы...

Вполуха слушая диалог холеных актеров, разыгравших одобренную администрацией пьесу, Рипли язвительно подумала: вы-то, наверно, живете в престижном Зеленом кольце на Восточном побережье, в каком-нибудь уютном гнездышке Кейп-Кода, фасадом выходящем на виноградник или роскошный отель, или в другом экологически чистом и невероятно дорогом уголке для снобов, которые очень хорошо умеют обещать, говорить воркующим голосом и плясать, да-да, плясать под дудку всемогущих директоров Компании. Все это не для меня. Ни соленый запах моря, ни прохладный ветерок с гор. Мне Компания выделила эту жалкую квартирку в городе. Можно считать, мне повезло, другим не удается заполучить и такую.

Кое-что Рипли поняла быстро. Компания хотела дать ей возможность пожить здесь, пока она не утихомирится. Потом ее охотно отправят на переподготовку, дадут другую работу, после чего еще охотнее навсегда забудут о ней. Что касается Рипли, то ее это устраивало. Она не хотела иметь

никаких дел с Компанией — так же, как Компания с ней.

Если бы ее не лишили патента, ее бы и след давно простыл.

Раздался резкий звонок, и Рипли от неожиданности вздрогнула. Джонс ограничился тем, что поднял голову,мяукнул и направился в ванную. Он не любил незнакомцев. Джонс всегда был умным котом.

Рипли отложила сигарету («безопасную для вашего здоровья, с гарантированным отсутствием канцерогенов, никотина и табака» — по крайней мере так утверждала реклама на пачке) и пошла открывать дверь. Она не считала нужным смотреть предварительно в глазок. Дом тщательно охранялся. К тому же после того, что она недавно пережила в космосе, в городе на Земле ничто не могло ее напугать.

Гостем оказался Картер Берк. Как обычно, он виновато улыбался. Рядом с ним стоял мужчина помоложе в строгой черной форме офицера Колониальных десантных войск.

— Привет, Рипли, — сказал Берк и указал на офицера. — Это лейтенант Горман из Коло...

Захлопнувшаяся дверь не дала ему закончить фразу. Рипли прижалась к двери спиной, но забыла выключить переговорное устройство в прихожей. Скрытый громкоговоритель донес до нее голос Берка:

— Рипли, нам нужно поговорить.

— Нет, не нужно. Убирайтесь к черту, Картер. И не забудьте прихватить с собой вашего приятеля.

— Не могу. Это очень важно.

— Не для меня. Для меня ничего важного не существует.

Берк замолчал, но Рипли чувствовала, что он не ушел. Она знала его достаточно хорошо и понимала, что так легко он не сдастся. Этого чиновника Компании нельзя было назвать нахалом, но он был опытным листцем.

На этот раз Берк не собирался ни льстить, ни уговаривать. Он произнес только одну фразу:

— Мы потеряли связь с колонией на Ахеронте.

У Рипли возникло такое ощущение, как будто она вдруг оказалась в состоянии невесомости, провалилась в бездну. Неожиданное известие потрясло ее. Впрочем, может быть, и не такое уж неожиданное. Она еще немного помедлила, потом открыла дверь. Они не шутили. Чтобы понять это, достаточно было посмотреть на Берка. Взгляд Гормана перебегал с Рипли на Картера. На лейтенанта никто не обращал внимания, и он определенно испытывал неловкость, хотя изо всех сил старался этого не показать.

Рипли сделал шаг в сторону.

— Входите.

Берк окинул взглядом квартиру и благоразумно промолчал, избежав банальностей вроде «Какое прелестное гнездышко!», потому что на самом деле ничего прелестного здесь не было. Он удержался и от обычных комплиментов типа «Вы прекрасно выглядите!», так как это было бы явной ложью. Рипли мысленно поблагодарила Берка за сдержанность и жестом пригласила гостей к столу.

— Хотите чего-нибудь? Чай, кофе, виски с содовой?

— С удовольствием выпил бы чашечку кофе, — ответил Берк.

Горман согласно кивнул.

Рипли пошла на кухню, заказала автоматической кофеварке несколько чашек кофе. Скоро автомат забулькал, и Рипли вернулась в комнату.

— Не было необходимости приводить с собой десантников, — чуть заметно улыбнулась Рипли. — Я уже прошла стадию буйного помешательства. Во всяком случае так говорят психиатры и так записано в моей истории болезни. — Для большей убедительности она показала на громоздившиеся на столе кипы бумаг и дисков. — Так к чему этот эскорт?

— Я прибыл как официальный представитель десантных войск, — ответил Горман.

Рипли заметила, что он чувствовал себя очень неловко и, вероятно, с огромным удовольствием предоставил бы Берку право вести беседу. Любопытно, подумала Рипли, насколько он посвящен в детали и что ему наговорили обо мне? Может быть, он разочарован тем, что не встретил здесь побитую жизнью старую каргу? Впрочем, на мнение лейтенанта ей было наплевать.

— Значит, вы потеряли связь, — нарочито безразлично протянула Рипли. — Ну и что?

Берк перевел взгляд на свой изящный портфель с секретным замком.

— Нужно проверить. Немедленно. У нас нет вообще никакой связи, нет так долго, что это уже невозможно объяснить никакими неполадками оборудования. Колония на Ахеронте существует много лет. Там работают опытные специалисты,

и в их распоряжении есть резервные системы связи. Не исключено, что именно сейчас колонисты исправляют повреждение. Но молчание затянулось. На Земле проявляют беспокойство. Кому-то придется отправиться на Ахеронт и на месте ознакомиться с ситуацией. Только так можно будет успокоить слабонервных.

Возможно, колонисты сами исправят повреждение, когда корабль будет уже в пути. Тогда экспедиция окажется пустой тратой времени и средств, но в любом случае ее нужно отправлять.

Берк зря упражнялся в красноречии, Рипли уже давно поняла, к чему он клонит. Она пошла на кухню, принесла кофе. Пока Горман медленно потягивал напиток, Рипли нервно меряла ногами свою комнату. Комната для этого была маловата, но она умудрилась найти место. Берк терпеливо ждал.

— Нет, — сказала Рипли наконец. — Ничего не выйдет.

— Послушайте, я предлагаю совсем не то, что вы думаете.

Рипли остановилась в центре комнаты и скептически осмотрела Берка.

— Не то, что я думаю? Не то, что я думаю? Берк, тут не о чем думать. Ваши парни выжали меня, как лимон, а теперь вы хотите, чтобы я вернулась туда? Забудьте об этом.

Голос Рипли дрожал. Горман, конечно, ошибался, полагая, что причиной тому было раздражение. На самом деле она смертельно перепугалась и старалась скрыть свой страх под маской негодования. Берк лучше понимал Рипли, но все же

не оставлял попыток ее переубедить. У него не было выбора.

— Послушайте, — начал он примирительно, как только мог, — мы понятия не имеем, что там происходит. Если у них вышел из строя не передатчик, который стоит на поверхности планеты, а орбитальный ретранслятор, то его сможет привести в порядок только ремонтная бригада. У колонистов нет космического корабля. Если это так, то им остается лишь сидеть на планете и проклинать Компанию за то, что ей лень оторвать свою коллективную задницу от мягких кресел и срочно оказать помощь. Предположим, что все дело в ретрансляционном спутнике, тогда вам не нужно будет даже высаживаться на Ахероне. Но в чем истинная причина молчания колонистов, мы не знаем, и если корень зла в чем-то другом, то я бы хотел, чтобы вы были там. В качестве советника. Вот и все.

Горман поставил чашку на стол.

— Вы не будете принимать участия в боевых операциях. Конечно, если в них возникнет необходимость. Я могу гарантировать вашу безопасность.

Рипли закатила глаза и демонстративно уставилась в потолок.

— Рипли, экспедицию будут сопровождать не простые полицейские или солдаты, — приводил новые доводы Берк. — Колониальные десантники — это лихие парни, владеющие самым современным оружием. Десантник плюс отличное оружие. Нет ничего, с чем бы они не справились. Я верно говорю, лейтенант?

Горман позволил себе чуть заметно улыбнуться.

— Нас научили не бояться сюрпризов. Мы брали верх на планетах похуже Ахеронта. До сих пор в таких операциях процент наших потерь был не намного выше нуля. Надеюсь, что после экспедиции на Ахеронт этот показатель еще улучшится.

Если самореклама лейтенанта предназначалась для того, чтобы произвести впечатление на Рипли, то лейтенант потерпел сокрушительное поражение. Женщина повернулась к Берку.

— А при чем здесь вы? Почему вы так заинтересованы в экспедиции?

— Видите ли, Компания наряду с колониальной администрацией участвовала в финансировании колонии. Это своего рода аванс за право на разработку минеральных ресурсов и за долю в будущих прибылях, которые ожидаются после завершения долгосрочных проектов. Мы расширяем формы нашей деловой активности, успешно занимаемся преобразованием многих планет. Так сказать, приобретаем недвижимость в галактическом масштабе. Строим лучшие миры ...

— Да-да, — пробормотала Рипли, — я видела рекламные клипы.

— До завершения работ на Ахеронте Компания не получит ни цента дохода, но при разработке таких крупных проектов нужно уметь видеть перспективу. — Заметив, что его слова не произвели на хозяйку должного впечатления, Берк переключился на другую тему. — Я слышал, вы работаете в Порт-Сайде, в грузовом порту?

— Да. Ну и что?

Берк сделал вид, что не заметил вызывающего тона.

— Работаете на автопогрузчиках, транспортерах, разных грейферах? Что-то в этом роде?

— Мне удалось получить только такую работу. Лучше, чем ничего. Я сойду с ума, если всю оставшуюся жизнь буду существовать на пособии. А главное, работа позволяет отвлечься от... от всего. Хуже в выходные. Слишком много свободного времени, всякие мысли лезут в голову. Лучше, когда я чем-нибудь занята.

— И такая работа вам по душе?

— Вы издеваетесь?

Берк с минуту повозился с секретным замком на своем портфеле.

— Возможно, для вас еще не все потеряно. Что вы скажете, если я помогу вам снова стать офицером космического флота? Вернуть свой патент? И возобновить контракт с Компанией? Без комиссий, без обсуждений, без споров. Из вашего личного дела будут изъяты все документы, где речь идет о лишении патента. Бесследно. Для всех непосвященных вы были в длительном отпуске. Это не вызовет никаких подозрений — если учесть ваш несколько затянувшийся последний рейс. Все будет так, будто ничего не случилось. Даже на вашей пенсии решение комиссии по расследованию не отразится.

— А как насчет колониальной администрации и страховых агентов?

— Со страховой компанией мы уже договорились, все вопросы решены. Они будут молчать. Поскольку в вашем личном деле не останется

никаких компрометирующих документов, будет считаться, что в отношении страхования вы подвергаетесь не большему риску, чем перед вашим последним рейсом. Что же касается колониальной администрации, то они тоже хотели, чтобы вы приняли участие в спасательной экспедиции. Мы все предусмотрели.

— Если я полечу.

— Если вы полетите, — кивнул Берк и немного наклонился к Рипли. Он уже не уговаривал, а скорее торговался, как прожженный делец. — Послушайте, вам предоставляется уникальная возможность. Большинство из тех, кого комиссия по расследованию лишила права на полеты, уже никогда не возвращались в космический флот. Если все дело в поломке орбитального ретранслятора, то вам останется только сидеть в укромном уголке и коротать время за книжками, пока ремонтная бригада не сделает свое дело. Ну и, конечно, подсчитывать, сколько вы получите за то время, что проведете в гиперсне. После этого рейса можете смело забыть все неприятности и снова занять то место, к которому вы привыкли. Любимая работа, соответствующая оплата, максимальная пенсия. Я видел ваше дело. Еще один длительный рейс, и вы сможете претендовать на место капитана корабля. Сейчас для вас лучше всего признаться самой себе, что вас сдерживает только страх. Надо побороть его, и вы снова будете на коне.

— Пощадите меня, Берк, — холодно сказала Рипли. — Я получила выводы медицинской комиссии о моем психическом состоянии за последний месяц.

С лица Берка почти исчезла обычная улыбка, но его тон стал еще более решительным.

— Хорошо. Давайте разберемся с этой ерундой. Я читал эти выводы. Вы просыпаетесь каждую ночь вся в поту, вас преследуют одни и те же кошмары...

— Нет! Мой окончательный ответ — нет!

Рипли убрала обе чашки, хотя ни одна из них не была допита до конца. Своеобразный способ указать на дверь.

— А теперь уходите, пожалуйста. Извините меня, только уходите, хорошо?

Берк и Горман обменялись взглядами. Выражение лица лейтенанта оставалось бесстрастным, но Рипли чувствовала, что его любопытство сменилось презрением. Ну и черт с ним, что он знает, этот юнец? Берк порылся в кармане, достал полупрозрачную карточку и положил ее на стол. В дверях он на секунду задержался, улыбнувшись хозяйке:

— Все же подумайте о нашем предложении.

Берк и Горман ушли, оставив Рипли наедине со своими мыслями. Противная компания, подумала она.

Ветер. Ветер, песок и стонущее небо. Над истерзанной планетой трепещет, словно вырезанный из бумаги, бледный диск чужого светила. Пронзительный вой. Он становится все громче, все выше тоном, кажется, источник этого воя приближается и приближается, пока не останавливается прямо над твоей головой. Он оглушает, он душит тебя.

Рипли застонала, села на постели, прижав руки к груди. Ей было тяжело и больно дышать. Она глубоко вздохнула и осмотрелась. Крохотная спальня. Тусклый свет ночника на тумбочке освещал голые стены, туалетный столик, шкаф, скомканные простыни в ногах кровати. На шкафу, на самом высоком месте в спальне, вытянулся Джонс. Он бесстрастно смотрел на хозяйку. Эту привычку кот приобрел вскоре после их возвращения. Когда Рипли ложилась спать, Джонс сворачивался калачиком на ее постели, но стоило ей заснуть, как он отправлялся в более безопасное место — на шкаф. Он знал, чтоочные кошмары не дадут хозяйке спать спокойно и освобождал ей пространство.

Уголком простыни Рипли вытерла пот со лба и щек, потом пошарила по тумбочке, нашла сигареты. Она сняла колпачок, подождала, пока сигарета не задымилась. Ей что-то послышалось, она резко повернула голову. Ничего. Только еле слышное тиканье часов. В комнате никого не было. Только она и Джонс. И уж, конечно, никакого ветра. Облокотившись на левую руку, Рипли потянулась к другой тумбочке, провела пальцами, нашупала карточку, которую оставил Берк. Она повернула карточку в руках, потом сунула в щель укрепленного на кровати коммуникатора. На видеоэкране, занимавшем большую часть дальней стены, немедленно вспыхнули слова: ЖДИТЕ ОТВЕТА. Рипли нетерпеливо ждала. Наконец на экране появилось заспанное и небритое лицо Берка. Несмотря на то, что его разбудили среди ночи, Берк заставил себя улыбнуться, когда увидел, кто его вызывает.

— Алло? Ах, это вы, Рипли. Привет.

— Берк, скажите мне только одно. — Рипли надеялась, что в спальне достаточно света, чтобы коммуникатор донес до Берка не только ее голос, но и выражение лица. — Клянитесь, что вы отправляетесь туда, чтобы уничтожить их. Не изучать. Не привозить на Землю. Выжечь дотла — раз и навсегда.

Рипли заметила, что Берк моментально проснулся.

— Да, именно в этом и состоит наш план. Если на планете окажется что-либо опасное, мы от него избавимся. Нам нужно защитить колонию. Не будет никаких игр с потенциально опасными организмами. Такова политика Компании. Как только что-нибудь станет угрожать жизни человека, мы ту же поджарим это «что-то». Ученые обойдутся пустыми яйцами. Даю вам слово. — Рипли долго молчала, и Берк подался к микрофону, отчего его лицо заняло почти весь экран. — Рипли! Рипли! Вы меня слышите?

Времени на размышления не оставалось. Что ж, наверно, настало время перестать думать и начинать действовать.

— Хорошо. Я получу.

Ну вот она и сказала. Каким-то образом она решилась произнести эти слова.

Вероятно, Берк хотел ответить, поздравить или поблагодарить ее, в общем, в свою очередь что-то сказать. Рипли прервала связь, прежде чем он успел вымолвить хотя бы слово. Рядом с ней на простыню мягко шлепнулся Джонс. Она повернулась, нежно посмотрела на него и погладила по спине. Довольный, Джонс потерся о ее бедро и замурлыкал.

— А ты, мой дорогой, останешься здесь.

Кот щурился, а Рипли продолжала гладить его по спине. Сомнительно, чтобы он понял ее слова или значение телефонного разговора, но он не выразил желания сопровождать ее.

Хорошо, что хоть один из нас сохранил остатки здравого смысла, подумала Рипли, укрываясь одеялом.

4 Это был ужасный корабль. Потрепанный, давно отслуживший свой срок, с множеством не раз ремонтированных узлов, которые давно следовало заменить, но еще слишком прочный и дорогой, чтобы его можно было отправить на переплавку. Хозяевам было проще и дешевле немного модернизировать старый космический корабль, чем строить новый. По современным меркам его форма казалась неуклюжей, а двигатели — чрезмерно громоздкими. Эта гора металла, керамики и композитных материалов, эта летающая куча хлама, этот невесомый в космосе памятник прошедшим войнам упрямо прокладывал свой путь через таинственную среду, называемую гиперпространством. Корабль не предназначался для развлечений и отдыха, не для того летели и его пассажиры. Корабль носил имя «Сулако».

На этот раз на борту «Сулако» спали четырнадцать человек. Из них одиннадцать видели почти одни и те же сны — незамысловатые и прямолинейные, как курс корабля, который нес их через космическое пространство. Сны двух других были индивидуальными, а последнему для подавления

регулярныхочныхкошмаровпостоянно вводили успокаивающие средства. Четырнадцать спящих и пятнадцатый член экипажа, который вообще не нуждался во сне. Для него сон был лишь абстракцией.

Помощник капитана Бишоп проверил показания приборов и включил регулирующие устройства. Долгое ожидание подошло к концу. По всему огромному военному кораблю прозвучал сигнал сирены. Ожили долго спавшие механизмы и машины, отключенные для экономии энергии. От долгого сна были разбужены и люди; крышки их капсул откинулись. Убедившись, что все его подопечные благополучно перенесли длительную спячку, Бишоп занялся выводом корабля на низкую стационарную орбиту вокруг Ахеронта.

Первой проснулась Рипли. Не потому, что она лучше переносила перемену состояния или больше привыкла к последствиям гиперсна, а просто оттого, что ее капсула была первой в ряду и открылась раньше других. Не вставая, она энергично помассировала руки, потом взялась за ноги. Напротив нее сидел Берк, а за ним лейтенант... как его? Ах да, Горман.

В других капсулах находился отряд десантников «Сулако»: восемь мужчин и три женщины. Это были люди особого склада. Они добровольно рисковали своей жизнью большую часть времени, которое проводили не во сне. Долгие периоды гиперсна чередовались у них с короткими, но до предела загруженными периодами бодрствования. Такие люди не слоняются по бульварам и не торчат в барах.

Рядовой первого класса Спанкмейер был командиром десантного челночного корабля. Вместе с пилотом капралом Ферро он отвечал за безопасную доставку своих товарищей на поверхность очередной планеты и за их возвращение — срочное, если возникала такая необходимость, — на борт «Сулако». Спанкмейер протирал глаза и зевал, никак не решаясь выбраться из капсулы.

— Я становлюсь слишком стар для таких игр, — проворчал он.

На это замечание никто не обратил внимания, потому что все знали (или по крайней мере слышали такие разговоры), что Спанкмейер поступил на военную службу, не достигнув призывающего возраста. Когда дело доходило до высадки десанта на новую планету, никто не подшучивал ни над его возрастом, ни над его опытом.

Рядом со Спанкмейером из капсулы выкатился рядовой Дрейк. Он был чуть старше и намного безобразнее Спанкмейера. О Дрейке ходили разные слухи. По числу шрамов Дрейк не уступал «Сулако». У него были руки заправского одноглазого пирата, нос переломан столько раз, что за него уже не брались даже самые опытные хирурги-косметологи, а безобразный шрам растягивал рот в постоянную ухмылку. Шрам можно было убрать, но Дрейк не хотел. Он считал его единственной медалью, которую ему разрешалось носить не снимая. Постоянной деталью его туалета была маленькая потрепанная шапочка, которую ни одна живая душа не осмелилась бы назвать мало-мальски симпатичной.

Дрейк был оператором самонаводящегося ору-

дия. Кроме того, он отлично владел любыми ружьями, пистолетами, гранатами, всеми видами холодного оружия и даже собственными зубами.

— За такую работу нам маловато платят, — недовольно проворчал он.

— Не знаю, как ты, а я с полным основанием могу просить прибавки, потому что проснувшись вижу твою рожу, — съязвила капрал Дитрих, которая была, безусловно, самой привлекательной в отряде... до тех пор, пока не открывала рот.

— Заткнись, — беззлобно отозвался Дрейк и повернулся к обитателю другой недавно открывшейся капсулы: — Эй, Хикс, ты выглядишь примерно так же, как я себя чувствую.

Хикс был старшим капралом, то есть вторым человеком в отряде после старшего сержанта Эйпона. Не отличаясь многословием, он всегда оказывался в нужный момент в самом опасном месте. Десантники относились к нему с уважением. О своих намерениях он обычно помалкивал, тогда как другие спешили поделиться мыслями. Но уж если Хикс что-то говорил, то к его словам стоило прислушаться.

Рипли встала, еще раз помассировала ноги, несколько раз согнула и разогнула колени, возвращая подвижность суставам. Она рассматривала десантников, проходивших мимо нее к своим шкафчикам. Среди этих поджарых и крепких ребят не было ни суперменов, ни культистов с фантастически развитой мускулатурой. Вместе с тем Рипли подозревала, что даже на планете с удвоенной силой тяжести самый слабый из них сможет целый день бежать с полной выкладкой,

на бегу принимать участие в боевых стычках, а потом всю ночь разбирать и чинить сложное компьютерное оборудование. У них хватает и физической силы, и ума, и неважно, что порой они предпочитают изъясняться на языке уличных хулиганов. Десантники — это элита современной армии. С ними Рипли чувствовала себя чуть безопасней — но только чуть.

Старший сержант Эйпон шел по центральному проходу между рядами капсул, на ходу обмениваясь двумя-тремя фразами с каждым из вновь воскресших солдат. Судя по его внешнему виду, он мог голыми руками разорвать грузовик средних размеров. Когда он подошел к капсуле техника, капрала Хадсона, тот пожаловался:

— Пол прямо-таки ледяной.

— Десять минут назад и ты был ледышкой. Сроду не видел такую кучу старых баб. Может, тебе подать шлепанцы, Хадсон?

Глядя прямо в глаза сержанту, капрал несколько раз моргнул.

— Будьте любезны, сэр. Я был бы вам очень признателен.

Ответ Хадсона был по достоинству оценен несколькими грубоватыми смешками. Эйпон улыбнулся про себя и продолжил прогулку, поторапливая подчиненных.

Пропуская десантников, Рипли отошла в сторону. Это был сплоченный отряд, единый боевой организм с одиннадцатью головами, и она не имела к нему никакого отношения. Несколько десантников, проходя мимо, кивнули ей, один-два человека на ходу сказали «Привет!». На большее

она и не могла рассчитывать и потому в присутствии солдат решила не расслабляться.

Рядовая первого класса Вассес, проходя мимо, лишь обвела Рипли равнодушным взглядом. Даже роботы оказывали ей более теплый прием. Вассес, тоже оператор самонаводящегося орудия, не улыбнулась, не подмигнула. Черные волосы, еще более черные глаза, тонкие губы. При минимуме усилий она вполне могла бы стать очень привлекательной.

Для управления самонаводящимся орудием, нужен особый талант: уникальное сочетание физической силы, ума и молниеносной реакции. Рипли надеялась, что Вассес скажет ей хотя бы пару слов, но та прошла мимо, не раскрыв рта. Всякий десантник не казался джентльменом или дамой из высшего общества, но Дрейк и Вассес производили впечатление скорее грубиянов или даже хулиганов.

Когда Вассес приблизилась к шкафчику своего напарника, тот окликнул ее:

— Эй, Вассес, тебя случайно никогда по ошибке не принимали за мужчину?

— Нет. А тебя?

Дрейк протянул руку. Вассес хлопнула по ней, и пальцы Дрейка немедленно сомкнулись в железной хватке. Каждый старался продемонстрировать силу в этом бессловесном и довольно болезненном поединке. Все были рады пробуждению, возвращению к активной жизни.

В конце концов Вассес залепила Дрейку пощечину, и он отпустил ее руку. Они засмеялись. Как резвящиеся щенки, подумала Рипли. Наблюдая за

ними, она отметила, что Дрейк сильнее, чем Васкес, зато та проворнее. Если придется спускаться на Ахеронт, то лучше всего идти между ними.

Бишоп бесшумно переходил от одного десантника к другому, помогая массировать непослушные после длительного сна мускулы и предлагая специальную жидкость, восстанавливающую мышечную активность. Пока что он напоминал скорее слугу, чем офицера космического флота. Он казался старше любого из десантников, а особенно Гормана. Когда Бишоп проходил мимо Рипли, ей в глаза бросилась татуировка на запястье его левой руки — алфавитно-цифровой код. Рипли вздрогнула, но промолчала.

— Эй! — крикнул рядовой Фрост кому-то, скрытому от взгляда Рипли. — Это ты взял мое полотенце?

Фрост был не старше Хадсона, но гораздо красивее. Во всяком случае так он сам утверждал, если находил слушателя, которому не жалко было тратить время на его болтовню. Когда дело доходило до хвастовства, силы этих двух молодых десантников были примерно равны, хотя Хадсон больше полагался на силу собственного голоса, а Фрост подыскивал наиболее убедительные, по его мнению, слова.

Проснувшийся одним из первых Спанкмейер продолжал жаловаться:

— Не знаю, как вам, а мне бы еще немного отдохнуть. Разве можно посыпать нас отсюда прямо в пекло? Это нечестно. Нет, ребята, нам просто необходимо еще побить на корабле.

— Ты три недели отдыхал, — негромко проворчал Хикс. — Хочешь всю жизнь бить баклушки?

— Я имею в виду настоящий отдых. Хочу дышать свободно, а не валяться замороженным трупом. Три недели в холодильнике — это не отдых.

— Правда, командир, как насчет отпуска? — поинтересовалась Дитрих.

— Вы же знаете, не я решаю такие вопросы, — ответил Эйпон и тут же повысил голос, заглушая ленившую перебранку: — Ладно, хватит попусту молоть языками. Первый сбор через пятнадцать минут. К тому времени все должны выглядеть по-человечески, и большинству из вас придется хотя бы прикинуться людьми. Кончайте валять дурака.

Одежду, которая была на десантниках во время гиперсна, они побросали в инсинаратор. Проще ее сжечь, а на обратный путь выдать каждому по новому комплекту, чем пытаться отстирать шорты и майки, которые не снимали несколько недель. Мощная струя воды смывала пот и грязь, приятно успокаивала. Сквозь облака пара Васкес, Хадсон и Ферро смотрели, как вытирается Рипли. Ополаскивая волосы, Васкес поинтересовалась:

— А это что еще за новобранец?

— Говорят, она здесь что-то вроде консультанта. Я о ней почти ничего не знаю, — ответила малышка Ферро, вытирая мускулистый и плоский, как стальная плита, живот, и с нарочитой значительностью добавила: — Однажды она видела чужого. По крайней мере так говорят.

— О-о-о! — Хадсон состроил рожу. — Я поражен.

Из раздевалки на них прикрикнул Эйпон. Он уже растирал полотенцем плечи и спину. Эйпон

был не менее сухощав и мускулист, чем те из десантников, которые родились на двадцать лет позже его.

— Поторапливайтесь, поторапливайтесь. Вы, лентяи, всю воду израсходуете и регенерационная установка перегреется, пока вы помоетесь. Вперед, время вышло. Успеете испачкаться быстрее, чем отмыться от старой грязи.

В столовой все разделились на две группы. Так получилось само собой, не пришлось никому шептать на ухо или класть возле столовых приборов карточки с именами. Эйпон и его отряд заняли большой стол, а Рипли, Горман, Берк и Бишоп — стол поменьше. В ожидании, когда корабельный автоповар приготовит яичницу с эрзац-беконом, тосты и жаркое, приправы и витаминные добавки, каждый потягивал свой любимый напиток.

Десантников можно было различать по одежде. Здесь не существовало двух совершенно одинаковых форменных костюмов. Причиной тому были совсем не специальные знаки отличия, а личные вкусы и пристрастия. «Сулако» — не казарма, а Ахерон — не плац для парадов и торжественных маршей. Изредка Эйпон выговаривал кому-нибудь за особенно противоречащую уставу деталь одежды, вроде того случая, когда Кроу явился в бронежелете со сделанным по компьютерному трафарету портретом своей последний подружки на спине. Но большей частью сержант позволял десантникам украшать свою форму так, как им нравилось.

— Эй, командир, — не унимался Хадсон, — так что мы будем здесь делать?

— Действительно, — оторвался от чашки с чаем Фрост. — А то я получил приказ собраться за пять минут и даже не успел попрощаться с Мирной.

— С Мирной? — Рядовой Вержбовски поднял кустистые брови. — Мне казалось, что у тебя была Лейна?

Напрягая память, Фрост на секунду заколебался.

— Нет, с Лейной мы расстались месяца три назад. Или шесть.

— Это спасательная экспедиция, — объяснил Эйпон и, глотнув кофе, добавил: — Нам поручили спасти несколько хорошеных дочек колонистов.

— Черт, значит, мне здесь делать нечего, — с деланным разочарованием протянула Ферро.

— Кто это сказал? — покосился на нее Хадсон.

В ответ Ферро запустила в него кусочком сахара.

Эйпон только слушал и смотрел. Он мог прикрикнуть на своих ребят, мог заставить их вести себя так, как предписывалось уставом, но он позволял им делать все, потому что знал: нет солдат лучше и надежнее, чем в его отряде. Если любой из них будет его прикрывать, Эйпон пойдет в бой, не оглядываясь и ни на секунду не задумываясь о том, что творится у него за спиной, будучи уверен, что, попытайся кто-то напасть на него сзади, он получит такой же отпор, как если бы у самого Эйпона были глаза на затылке. Пока же пусть развлекаются, пусть проклинают колониальную администрацию, десантные войска, Компанию, да и своего сержанта тоже. Наступит время, игра прекратится, и каждый будет занят только своим делом.

— Тупые колонисты, — проворчал Спанкмейер, рассматривая только что появившееся блюдо. После трех недель гиперсна он умирал от голода, но не настолько, чтобы удержаться от обычных для солдата комментариев по поводу обеда. — Интересно, что бы это значило?

— Яйца, болван, — ответила Ферро.

— Думаешь, я не знаю, как выглядит яичница? Я говорю вот про эту мокрую желтую дощечку на краю тарелки.

— Кажется, это кукурузный хлеб. — Вержбовски пальцем поковырял в своей тарелке и мечтательно добавил: — Эх, я бы не возражал, если бы мне предложили еще разок отведать того арктурианского пунтанга. Вот было время... Помните?

Справа от Вержбовски сидел капрал Хикс. Он на секунду оторвался от своей тарелки, потом снова опустил голову.

— Похоже, этот молодой лейтенант считает ниже своего достоинства сидеть за одним столом с такими ничтожествами, как мы. Целуется с этим типом из Компании.

Через голову капрала Вержбовски глянул на соседний стол, явно не заботясь о том, что кто-то может перехватить его взгляд.

— Ага.

— Наплевать, лишь бы знал свое дело, — сказал Кроу.

— Золотые слова, — заметил Фрост, ковыряясь вилкой в яичнице. — Скоро увидим.

Возможно, их беспокоила молодость Гормана, хотя он был старше доброй половины десантников. Но скорее всего их раздражал внешний вид

лейтенанта: волосок к волоску (и это после нескольких недель гиперсна!), брюки идеально отглажены, ботинки блестят так, что в них можно смотреться. Уж слишком он чистенький!

Тем временем за другим столом Бишоп занял свободное место рядом с Рипли. Та демонстративно встала и пересела ближе к краю стола. Помощника капитана это задело.

— Сожалею, что вы так относитесь к андроидам, Рипли.

Рипли сделала вид, будто не слышит этих слов, повернулась к Берку и обвиняющим тоном сказала:

— Вы ни словом не обмолвились о том, что на борту корабля находится андроид! Почему вы скрыли это от меня? И не лгите, Картер. Я видела татуировку на его руке.

Берк явно был в замешательстве.

— Видите ли, — сказал он, — мне и в голову не пришло специально сообщать вам о нем. Не понимаю, почему вы так разнервничались. Уже много лет Компания вводит андроида в состав экипажа каждого космического корабля. Они не нуждаются в гиперсне, к тому же андроид обходится намного дешевле, чем еще один пилот, которому в противном случае пришлось бы управлять кораблем в прыжках от одной звезды к другой. К тому же они не склонны к психическим расстройствам после долгой работы в одиночестве. Не вижу в этом ничего особенного.

— Лично я предпочитаю термин «искусственный человек», — ненастойчиво вступил в разговор Бишоп. — А в чем дело? Возможно, я смогу чем-нибудь помочь.

— Не думаю, — ответил Берк, стирая с губ остатки яичницы. — В ее последнем рейсе андроид потерял управление, что привело к человеческим жертвам.

— Ужасно. Когда это случилось?

— Довольно давно, — ответил Берк, не вдаваясь в подробности, за что Рипли была ему благодарна.

— В таком случае, должно быть, вы имели дело с устаревшей моделью.

— Это была система Гипердин 120-А/2.

Бишоп откинулся на спинку стула и, повернувшись к Рипли, сказал примирительным тоном:

— Тогда понятно. Старые модели типа А/2 всегда отличались плохой управляемостью. Сейчас подобное исключено, потому что в нас имплантированы регуляторы поведения. Я не могу причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы ему был причинен вред со стороны. Регуляторы устанавливают на заводе одновременно с другими устройствами, обеспечивающими выполнение функций мозга. Подделать или перенастроить их невозможно. Так что, как видите, я совершенно безопасен. — Бишоп протянул Рипли тарелку с желтыми прямоугольничками. — Хотите еще кукурузного хлеба?

Резким движением Рипли выбила тарелку из рук андроида. Тарелка пролетела через всю столовую, ударилась о дальнюю стену, но не разбилась. Лишь желтые кусочки хлеба рассыпались по полу.

— Держитесь от меня подальше, Бишоп. Понятно? Даже близко ко мне не подходите.

Вержбовски молча наблюдал за сценой, потом

пожал плечами и снова склонился над своей тарелкой.

— Ей тоже не нравится кукурузный хлеб, — коротко прокомментировал он.

Больше о выходке Рипли никто не сказал ни слова. Десантники покончили с завтраком и направились в специальную каюту, где рядами вдоль стен располагалось самое экзотическое вооружение. Несколько человек сдвинули стулья и организовали импровизированную игру в кости. Непросто стать вдруг азартным, если ты проспал три недели кряду, но играющие старались пре-взойти самих себя. Они лениво поднялись, когда вошли Горман и Берк, но мгновенно встали по стойке смирно, стоило только рявкнуть Эйпону:

— Становись!

Десантники выстроились в линейку, руки по швам, взгляды сосредоточены на сержанте, все внимание только к его командам.

Горман обвел взглядом строй. Сейчас люди казались даже более неподвижными — если это вообще возможно, — чем в гиперсне. Горман немного помедлил, потом отдал команду:

— Вольно!

Десантники расслабили мышцы, и линейка потеряла свою идеальную прямизну.

— Сожалею, что у нас не было времени проинструктировать вас перед отправкой со станции Гейтуэй, но...

— Разрешите, сэр?.. — перебил его Хадсон.

Горман раздраженно взглянул на капрала. Не мог подождать, влез со своим вопросом, не дав закончить первую фразу. Нельзя сказать, что лей-

тенант рассчитывал на что-то другое. Его предупреждали, что этой банде пальца в рот не клади.

— Слушаю. В чем дело, Хикс?

Любитель задавать вопросы кивнул на соседа.

— Меня зовут Хадсон, сэр. Хикс — это он.

— Что вы хотели спросить?

— Сэр, уже известно место, где мы будем драться или это опять будет ловля блох?

— Если бы вы, Хадсон, подождали еще хотя бы минуту, то могли бы получить ответы на некоторые из ваших вопросов. Я понимаю ваше нетерпение и стремление поскорее ознакомиться с обстановкой. К сожалению, объяснять мне почти нечего. Точно нам известно лишь то, что с колонией до сих пор нет никакой связи. Помощник капитана Бишоп пытался связаться с Хадли, как только «Сулако» оказался в зоне слышимости Ахеронта. Он не получил ответа. Проверка орбитального ретранслятора дальней космической связи показала, что он в порядке. Следовательно, причиной молчания колонистов является не ретранслятор. Истинной причины мы пока не знаем.

— У вас есть предположения? — спросил Кроу.

— Не исключено, запомните, всего лишь не исключена такая возможность, что в отсутствии связи повинен ксеноморф.

— Ксено... кто-о-о? — недоуменно протянул Вержбовски.

К нему наклонился Хикс и шепотом пояснил:

— Значит, охота на блох, — потом, повысив голос, обратился к лейтенанту: — Ну, и что это за звери, если они здесь есть?

Горман кивнул Рипли. Она шагнула вперед.

На нее смотрели одиннадцать пар глаз, смотрели тревожно, внимательно и не без любопытства. Они оценивали Рипли, пока не решаясь отнести ее ни к компании Берка и Гормана, ни к своей. Десантники не знали Рипли и поэтому не испытывали к ней ни симпатий, ни антипатий.

Ну и хорошо, подумала Рипли. Пусть будет так. Она положила на стол пачку дискет.

— Все, что я знаю об этих тварях, я записала. Здесь несколько копий моих записей. Вы можете прочесть их в своих каютах.

— Я медленно читаю, — слегка улыбнувшись, сказал Эйпон. — Лучше расскажите нам сами.

— Правда, введите нас в курс дела, — поддержал его Спанкмейер.

Удобно устроившись среди огнеметов и детонаторов, он прислонился спиной к ящикам со взрывчаткой, которой вполне хватило бы, чтобы поднять на воздух небольшой отель.

— Хорошо. Прежде всего вам необходимо знать жизненный цикл чужого организма. Он существует в двух разных формах, внешне совершенно непохожих друг на друга. Первая форма появляется из споры, из большого яйца, и прикрепляется к жертве. Потом она вводит в жертву эмбрион, отцепляется и отмирает. По сути дела, это всего лишь подвижный орган воспроизведения. Затем...

— Хикс, это прямо о тебе, — поддел Хадсон старшего приятеля, который ответил ему лишь своей обычной спокойной улыбкой.

Рипли не видела в этом ничего смешного. Нет оснований для веселья, если речь идет о чужой твари. Потом она поняла. Десантники не были

уверены, что предмет ее рассказа существует не только в ее воображении. Ей придется запастись терпением, а это будет нелегко.

— Эмбрион второй формы несколько часов живет в теле жертвы и созревает. Потом он, — Рипли прокашлялась, вдруг почувствовав необычную сухость в горле, — вырывается наружу. Линяет. Быстро растет. Стремительно превращается из одной промежуточной формы в другую, и, наконец, появляется взрослая особь, которая внешне похожа на...

На этот раз Рипли прервала Васкес:

— Все это очень интересно, но я хотела бы знать только одно.

— Что именно?

— Где они? — Васкес пальцем показала куда-то между Рипли и дверью, потом подняла ладонь и сдула с нее воображаемую тварь.

Товарищи приветствовали находчивость Васкес одобрительными возгласами и смешками.

— Ну, Васкес, ну дает! — восхищенно сказал Дрейк.

Как всегда, он был в восторге от злого языка своей напарницы. Не зря ее прозвали террористкой.

Рипли только коротко кивнула.

— Они где угодно. И в любое время.

Хадсон, небрежно поигрывая оружием с длинным и тонким стволом, откинулся на спинку стула и заметил:

— Кто-то сказал «чужой», а Васкес подумала, что речь идет о незаконно проживающих иностранцах, вот и записалась в десантники.

— Пошел ты... — Васкес погрозила технику кулаком.

Хадсон ответил словами Рипли, стараясь воспроизвести даже ее интонацию:

— В любое время. И где вам будет угодно.

Тон Рипли стал холодным, как обшивка «Сула-ко».

— Мистер Хадсон, я не мешаю вашей беседе? Я знаю, большинство из вас думает, что они отправляются на очередную полицейскую операцию. Смею вас заверить, что вам предстоит нечто более опасное. Я видела эту тварь. Я знаю, на что она способна. Если вы столкнетесь с ней, могу поручиться, вам будет совсем не смешно.

Ухмылявшийся Хадсон замолчал. Рипли переключилась на Васкес.

— Надеюсь, что операция пройдет так легко и безболезненно, как вы предполагаете, рядовая Васкес. Я действительно очень надеюсь на это.

Их взгляды встретились. Ни одна не хотела первой отвести глаза. Бессловесный поединок прервал Берк, который встал между Рипли и Васкес и обратился ко всем десантникам:

— Думаю, для вводного сообщения этого вполне достаточно. Теперь я предлагаю вам уделить некоторое время изучению дисков, которые столь любезно подготовила для нас миссис Рипли. В них вы найдете кое-какие другие полезные сведения, а также несколько детальных рисунков, выполненных современным компьютером на основе ее описаний. Уверен, вы обнаружите много интересного. Обещаю, что диски не оставят вас равнодушными.

Берк уступил место Горману. Лейтенант ста-

рался говорить коротко, как и следовало настоящему командиру десантников, хотя на их командира он совсем не был похож.

— Благодарю вас, миссис Рипли, благодарю вас, мистер Берк, — сказал он и оглядел равнодушные лица солдат. — Есть вопросы?

Из-за спин десантников лениво и небрежно поднялась чья-то рука, и Горман покорно вздохнул.

— Слушаю вас, Хадсон.

Техник внимательно изучал свои ногти.

— Как мне выписаться из этой банды?

Горман бросил на Хадсона хмурый взгляд, но на этот раз благоразумно промолчал, чтобы не сказать первое, что пришло ему в голову. Он еще раз поблагодарил Рипли, и та с облегчением села.

— Хорошо. Операция должна пройти гладко и без потерь. Все данные, в том числе тактические, должны быть усвоены в полном объеме к восьми тридцати.

Среди десантников послышались жалобные стонны, но всерьез никто не протестовал. Примерно этого они и ждали.

— Далее. На погрузку вооружения, разборку, проверку личного оружия и на подготовку десантного челночного корабля даю семь часов. Все должны быть полностью экипированы к указанному сроку. Давайте нанесем один решительный удар. Вы отдыхали три недели.

5 «Сулако» походил на гигантского металлического моллюска, дрейфующего в непроглядно

черном океане. Когда он вышел на расчетную орбиту, по бортам его неуклюжего корпуса беззвучно вспыхнули голубоватые огни. На капитанском мостике Бишоп внимательно следил за показаниями приборов. Изредка он слегка прикасался к какому-нибудь регулятору или вводил новые команды в компьютер. Впрочем, главным образом ему приходилось лишь наблюдать за тем, как компьютеры корабля сами выводят его на орбиту. Автоматика, благодаря которой и стали возможны межзвездные полеты, превратила человека в резервную систему управления, необходимость в которой возникала лишь в крайних случаях. Человека заменили андроиды типа Бишопа. Теперь в космические странствия отправлялись с пилотом-андроидом.

Когда, наконец, показания всех приборов вполне удовлетворили Бишопа, он наклонился к ближайшему микрофону.

— Внимание. Говорит капитанский мостик. Выход на стационарную орбиту завершен. Установлена искусственная сила тяжести, соответствующая тяготению на Ахеронте. Благодарю вас за содействие. Можете возобновить работу.

В отличие от тишины и покоя, царивших в большинстве помещений корабля, в грузовом отсеке кипела бурная жизнь. В подвижной решетчатой кабине огромного мощного погрузчика, напоминавшего тощего механического слона, сидел Спанкмейер. Все движения его рук и ног в точности повторяли длинные металлические «руки» и «ноги» машины, только усилия погрузчика были в несколько тысяч раз большими.

Длинные металлические руки нырнули в складское помещение, где хранились боеприпасы, извлекли оттуда упаковку небольших тактических ракет и осторожно перенесли ее в грузовой отсек десантного шаттла. Металлический лягз засвидетельствовал, что челночный корабль принял груз и автоматически закрепил ракеты там, где им и полагалось находиться. Спанкмейер направил потертый и перепачканный смазкой погрузчик, на задней стенке которого едва проступала надпись «Кэттерпиллар», на поиски очередного контейнера.

Часть десантников работала на лебедках или небольших подвижных погрузчиках. Изредка они перебрасывались короткими репликами, но большей частью загрузка, как и все подготовительные операции, выполнялась без лишней болтовни. Это напоминало работу хорошо отлаженного механизма из органических и металлических деталей. Несмотря на тесноту и множество постоянно передвигавшихся машин, никто ни разу даже не задел соседа, не говоря уже о более серьезных столкновениях или тем более несчастных случаях. Погрузочными работами руководил Хикс. Он постоянно сверялся с электронной декларацией на судовой груз и время от времени, когда успешно завершалась очередная операция, удовлетворенно кивал.

На оружейном складе Вержбовски, Дрейк и Вассес в последний раз разбирали, проверяли и снова собирали личное оружие. Их руки работали не менее точно и аккуратно, чем манипуляторы погрузчиков.

Вассес сняла с подвески тяжелый «смартган» —

новое самонаводящееся оружие, закрепила его на стенде и не без удовольствия приступила к компьютерной проверке. Смартган не держали в руках, оружие скорее надевалось на владельца. Затвором управлял компьютер, он был оснащен автоматической системой поиска и обнаружения цели и крепился на подвеске, так что сам точно наводился на цель независимо от движений владельца. Оружие выполняло почти все операции автоматически, разве что не спускало курок.

Васкес любовно поглядывала на свое любимое оружие. Она явно уделяла ему больше внимания и заботы, чем любому из коллег. Это был трудный ребенок со сложным характером, но на него можно было положиться — он надежно защитит и ее и товарищей.

Дрейк хорошо понимал чувства напарницы. Он даже вел беседу со своим смартганом, правда, про себя. И никого из отряда это не могло удивить. Общеизвестно, что колониальные десантники — народ не уравновешенный, а операторы смартганов — тем более. В какой-то мере они считали свое снаряжение частью самих себя. В отличие от товарищей они не занимались ничем, кроме своего оружия. Дрейка и Васкес не касались ни наладка систем связи, ни пилотирование десантного корабля, ни вождение бронетранспортера, они не участвовали даже в загрузке шаттла. От них требовалось только умение стрелять по указанным целям. Их единственной задачей было — нести смерть.

И Дрейк и Васкес любили свое дело.

На борту «Сулако» не все были заняты по горло. Берк быстро закончил свои немногочисленные

личные приготовления, и теперь ему оставалось только ждать завершения погрузки, а Горману удалось свалить все заботы о подготовке шаттла и отряда на Эйпона. Чтобы не мешать десантникам, Берк и Горман отошли в сторону.

— Из колонии так ничего и нет? — как бы невзначай поинтересовался Берк.

Горман покачал головой и, заметив что-то в ходе погрузки, сделал пометку в своем электронном блокноте.

— Нет даже фонового сигнала несущей частоты. Все каналы молчат.

— А вы уверены, что орбитальный ретранслятор в порядке?

— Бишоп утверждает, что все проверил самым тщательным образом и что ретранслятор идеально выполняет любую команду. Он дал ретранслятору задачу, послав стандартный проверочный сигнал на Землю, когда мы только подходили к этой звездной системе. Ответ должен прийти через несколько дней. Это будет окончательным подтверждением, но Бишоп и без того уверен в правильности своих данных и гарантирует исправность ретранслятора.

— Значит, причину надо искать на Ахеронте.

— Как мы и предполагали с самого начала, — кивнул Горман.

Берк на минуту задумался.

— А как насчет систем местной связи в колонии? — спросил он. — Телевидения, например, радиосвязи с вездеходами, переговоров между установками по преобразованию атмосферы и прочего?

Лейтенант с сожалением покачал головой.

— Похоже, колонисты общаются друг с другом с помощью дымовых сигналов или зеркал. Если не считать обычного фонового излучения местного светила, весь электромагнитный спектр абсолютно мертв.

Берк пожал плечами.

— Что ж, мы всерьез и не рассчитывали что-либо обнаружить. Но всегда хочется надеяться на лучшее.

— Только надежда и остается. Может, все колонисты дали обет молчания или обиделись на Компанию.

— Зачем им это?

— Откуда я знаю? Может, они приняли новую религию или произошло еще что-то, что требует отказа от радиосвязи.

— Да-а. Не исключено.

Берк хотел бы поверить Горману, а Горман — Берку, но ни тот, ни другой ни секунды не сомневались в обратном. По какой бы причине ни замолчала колония Ахеронта, это было сделано не по доброй воле поселенцев. Люди любят говорить, колонисты — тем более. Сами они никогда не отключили бы все системы связи.

Рипли какое-то время наблюдала за Берком и Горманом, потом переключила внимание на погрузочные работы и подготовку десанта. Она не раз видела военные десантные шаттлы в выпусках хроники, но впервые оказалась на одном из них. Рипли почувствовала себя чуть более уверенно. Защищенный надежной броней, оснащенный тяжелым оружием, корабль напомнил ей гигантскую

черную осу. Как раз в этот момент происходила погрузка шестиколесного бронетранспортера, приземистого, несколько неуклюжего на вид, но чрезвычайно надежного.

Навстречу Рипли катился погрузчик с устройствами непонятного назначения. Управлявший машиной Фрост вежливо попросил:

— Посторонитесь, пожалуйста.

Рипли извинилась, отступила в сторону и тут же вынуждена была вернуться на прежнее место, чтобы уступить дорогу Хадсону.

— Прошу прощения, — извинилась она.

Хадсон даже не взглянул на Рипли, все его внимание было сосредоточено на грузе боеприпасов.

Мысленно проклиная себя, Рипли поторопилась выбраться из этого упорядоченного столпотворения и направилась к Эйпону. Тот проверял по контрольному списку, что загружается Хиксом, который стоял рядом. Рипли молча остановилась неподалеку. Наконец сержант обратил на нее внимание.

— У вас проблемы? — поинтересовался он.

— Да, именно проблемы. У меня такое ощущение, будто я здесь — пятое колесо в телеге. Мне надоело бездельничать.

Эйпон усмехнулся.

— Мы тоже не любители безделья. Ну и что?

— Может, у вас найдется занятие и для меня?

Эйпон почесал в затылке и недоуменно уставился на Рипли.

— Не знаю. Что здесь может найтись для вас?

Повернувшись, она жестом указала на мощный погрузчик.

— Я умею обращаться с подобной техникой. Работая в порту, я получила второй разряд. Последний рывок в моей карьере.

Эйпон повернул голову в том направлении, куда показывала Рипли. Там в своем отсеке стоял мощный резервный погрузчик. Подчиненные Эйпона умели многое, но все же прежде всего они были солдатами, десантниками, а не строительными рабочими. Конечно, лишняя пара рук здесь не помешала бы, особенно если эти руки, как у того погрузчика, сделаны из титанового сплава.

— Это не игрушка, — скептически заметил Эйпон, а Хикс недоверчиво взглянул на женщину.

— Да, — сухо ответила Рипли, — и сегодня не Рождество.

Сержант поджал губы.

— Говорите, второй разряд?

Вместо ответа Рипли резко повернулась, решительно зашагала к погрузчику, поднялась по лестнице и села в кресло оператора, защищенное страховочной сеткой. Она бросила взгляд на приборную панель. Как она и ожидала, погрузчик мало отличался от тех, с которыми ей доводилось иметь дело в Порт-Сайде. Может быть, немного усовершенствованная модель. Рипли нажала одну за другой несколько кнопок. Включился двигатель, и изнутри машины донесся басовитый звук, вскоре перешедший в монотонный гул.

Руки и ноги привычно скользнули к сенсорным системам управления. Погрузчик, словно внезапно оживший динозавр, расправил титановые ноги. Громко топая, он направился к высокому штабелю ящиков, приготовленных для погрузки. Огромные

клешни вытянулись, немного опустились и скользнули под ближайший верхний ящик. Погрузчик аккуратно поднес свою ношу к сержанту. Рипли крикнула:

— Куда этот?

Хикс обменялся взглядом с Эйпоном и одобрительно поднял брови.

Личное имущество десантники готовили так же быстро, как и загружали шаттл, но еще тщательней. И с бронетранспортером, и с находящимися в нем боеприпасами и провиантом, и со связью, и с огневой поддержкой может произойти что угодно, поэтому ни один десантник никогда не допустит, чтобы его личное оружие и снаряжение было не в порядке. Каждый из них был способен вести свою личную маленькую войну и выиграть ее.

Сначала десантники собирали индивидуальную бронезащиту и проверяли, нет ли в ней трещин или вмятин. Потом наступала очередь специальных боевых ботинок, способных выдержать любое сочетание погоды, корродирующей атмосферы, когтей и зубов хищников. После этого осматривали рюкзаки, содержимое которых позволяло хрупкому человеческому существу по меньшей мере месяц продержаться в самых неблагоприятных условиях без посторонней помощи. Потом проверяли ремни безопасности, предохранявшие от ударов при жесткой посадке или передвижении в бронетранспортере по сильно пересеченной местности, затем шлемы и лицевые щитки. В последнюю очередь — коммуникаторы для связи с шаттлом, бронетранспортером и напарником, которому случится прикрывать тыл.

Пальцы привычно бегали по креплениям и застежкам. А потом, когда все уже было проверено и готово, когда каждый убедился, что его снаряжение в полном порядке, процедура повторялась снова. Когда же кончалась и повторная проверка, а в запасе оставалась пара минут, это время посвящалось экипировке соседа.

Эйпон прогуливался среди солдат, поглядывая то на одного, то на другого, хотя понимал, что в этом нет особой надобности. Вместе с тем он хорошо помнил, что случается, если в кузнице не достает гвоздя. Настало время бросить последний взгляд, заметить незастегнутую пряжку, забытое крепление. В критических ситуациях, где тонко, там обычно и рвется.

— Девушки, пошевеливайтесь! Полная боевая готовность. Пошли, пошли. Вы и так долго спали.

Десантники небрежно построились и направились к шаттлу, оживленно переговариваясь на ходу и еще больше нарушая и без того не идеальный строй. Конечно, при желании Эйпон мог заставить своих подопечных шагать в ногу, но он считал это излишним и не занимался муштрай. Сержант был рад, что и молодой лейтенант кое-чему научился и поприкусил язык. В шаттл отряд входил без развевающихся флагов и бодрых маршей. Вместо исполнения гимна десантники перекидывались ругательствами — таков был их ритуал перед смертельно опасной операцией. Эйпон понимал своих подопечных. Уже не одну тысячу лет всякому пехотинцу известно, что в смерти нет благородства, а только раздражающая безысходность.

Оказавшись на борту шаттла, солдаты направились к бронетранспортеру. Как только корабль коснется грунта, бронетранспортер будет готов к бою. Передвижение в этой боевой машине по пересеченной местности не обещало комфорта, но колониальные десантники не были избалованы.

Когда посадка закончилась и задраили люки, прозвучала сирена, которая оповестила о вакуумировании грузового отсека. Обслуживавшие корабль роботы поспешили в укрытие. Замигали предупреждающие огни.

Десантники расположились в бронетранспортере в два ряда — лицом друг к другу. Рядом с солдатами, облаченными в объемные, внешне неуклюжие бронежилеты, Рипли чувствовала себя особенно слабой и беззащитной — ведь к ее обычной форме добавились только летная куртка и шлем с коммуникатором. Никто не считал нужным предложить ей оружие.

Хадсон от возбуждения не мог усидеть на месте. Его глаза округлились, мягко ступая, как приготовившийся к прыжку кот, он метался взад-вперед по единственному проходу. Разумеется, он не мог молчать. В тесном отсеке невозможно было не слушать его почти бессвязную болтовню.

— Ребята, я готов. Готов с ним поговорить. Посмотреть, что это такое. Мимо меня он не пройдет, никто не пройдет. Со мной шутки плохи. Эй, Рипли! — Она равнодушно взглянула на него. — Не беспокойтесь, милая леди. Мое орудие стреляет без промаха. Мы защитим вас. Уж поверьте мне на слово. — Он похлопал по панели управления башенного орудия с сервомеханизмом,

стараясь не задеть кнопки спускового механизма. — Вот многоцелевое протонное орудие с независимым наведением на цель. Чем не умница? Трах! Такой игрушкой можно поджарить полгорода. А еще у нас есть умные тактические ракеты, плазменные импульсные карабины. А еще э-э-электронные пушки, ядерное оружие, ножи, острые...

Хикс встал, сгреб Хадсона и силой усадил на пустое место. Негромко, но убедительно он сказал:

— Прекрати.

Хадсон вдруг стал послушным.

— Конечно, Хикс, — согласился он.

Рипли кивком поблагодарила капрала. Лицо молодое, а глаза старика, подумала она, глядя на него. Пережил больше, чем следовало бы в его возрасте. Возможно, даже больше, чем он сам хотел бы. Она ничего не имела против тишины, воцарившейся после бессвязного монолога Хадсона. Чрезмерной бравадой он лишь пытался прикрыть свое полуистерическое состояние. Ей не хотелось бы выслушивать такое еще раз. К Рипли наклонился капрал.

— Не осуждайте Хадсона, — сказал он. — Не судите строго никого из наших солдат. Все они одинаковы, но в любой переделке лучше их не бывает.

— Если он владеет своим оружием не хуже, чем языком, то, вероятно, я могу немного успокоиться.

Хикс улыбнулся.

— Насчет этого можете не беспокоиться, это точно. Хоть Хадсон и числится у нас только

техником, но, как и любой из нас, по ближнему бою он специалист.

— И вы тоже?

Капрал не без самодовольства откинулся на спинку кресла.

— Я здесь не потому, что хотел стать кондитером, — ответил он.

Загудели подъемные механизмы. Десантный шаттл покачнулся, слегка накренился и повис в воздухе, когда мощный подъемник осторожно выносил его из грузового отсека.

— Эй, — вдруг спохватился Фрост, — а замки на этом гробу проверили? Если они не застопорены, мы имеем шанс через минуту вывалиться из его брюха.

— Не волнуйся дорогуша, — отозвалась Дитрих. — Я их сама проверила. Мы сидим крепко. Эта шестиколесная телега не сдвинется с места, пока корабль не шлепнется в грязь.

Фрост облегченно вздохнул.

Ожили двигатели. Поле искусственной гравитации, создаваемое «Сулако», осталось позади, и десантники будто провалились в пропасть. Шаттл медленно отдалялся от громады военного транспорта. В невесомости руки и ноги десантников сами собой поднялись, но страховочные ремни прочно удерживали каждого на своем месте. Когда шаттл отошел от «Сулако» достаточно далеко, его двигатели заработали на полную мощность. Пол и стенки бронетранспортера завибрировали. Ощущения от вновь появившейся силы тяжести тоже нельзя было назвать приятными.

Глядя на Берка, можно было подумать, что он

собрался на рыбалку у берегов Ямайки. Берк радостно улыбался, предвкушая настоящие приключения.

— Поехали!

Рипли на секунду закрыла глаза. Все что угодно, только не темнота. В темноте моментально, как на видеоэкране, возникали бешеные искры и медленно плывущие зеленые сферы, а в них рождались злобные твари. Уж лучше смотреть на сосредоточенные, уверенные лица Фроста, Кроу, Эйпона и Хикса.

Наверху, в кабине пилота, Спанкмейер и Ферро уверенно вели десантный корабль. Скорость его постоянно увеличивалась, а вместе с ней росла и сила тяжести в бронетранспортере. Перегрузки заставили замолчать даже самых говорливых.

Внизу десантников ждал серый ад. Окружавшая Ахеронт плотная пелена темных облаков вдруг оказалась не просто прекрасной перламутровой завесой, на которую так приятно смотреть со стороны. Атмосфера была плотной и неспокойной, ветер бушевал над сухими пустынями и безжизненными скалами и не позволял увидеть поверхность планеты никому, кроме компьютерных устройств, обладающих особой чувствительностью.

Наткнувшись на особенно мощный восходящий поток, десантный шаттл вздрогнул, и бронетранспортер перекатился с борта на борт. Ферро легко справилась с непроглядной черной пылевой бурей. Громкоговорители внутренней связи донесли ее спокойный, сосредоточенный голос:

— Переключаюсь на систему компьютерного

управления. Видимость нулевая. Отличное место для пикника. Ну и помойка!

— Два-четыре-ноль. — Спанкмейер был слишком занят, чтобы отвечать Ферро в том же тоне. — Приближаемся к поверхности. Корпус немного ионизируется.

Ферро бросила взгляд на приборы.

— Очень плохо?

— Ничего страшного, фильтры должны справиться. Скорость ветра за двести миль в час. — На расположенным между пилотами экране появилась топографическая карта местности, над которой они пролетали. — Вот и планета. А на что ты рассчитывала, Ферро? На тропические пляжи? — Он толкнул тройку переключателей. — Начинаем натыкаться на восходящие потоки теплого воздуха. Смещения по вертикали непредсказуемы. Слишком часто попадаются сильные вихри.

— Понятно, — отозвалась Ферро и нажала на кнопку. — Ничего такого, чего бы не было в наших программах. Слава Богу, погода не ухудшается. — Она пробежала взглядом по приборам. — Но впереди не лучше, чем здесь.

Громкоговоритель донес возбужденный голос Ферро до сидевших в бронетранспортере.

— Говорит Ферро. Вот и поверхность этого комка грязи. Здесь явно не курорт. Приготовьтесь к небольшой болтанке.

В тесноте бронетранспортера Рипли окинула взглядом своих спутников. Не сняв ремней безопасности и навалившись плечом на соседа спал Хикс. Казалось, болтанка его только убаюкивает. Большинство же десантников сидели молча, глядя

прямо перед собой. Каждый думал о своем. Хадсон безостановочно что-то бормотал. Его губы постоянно шевелились, но Рипли даже не пробовала понять его.

Берк с профессиональным интересом изучал оборудование бронетранспортера. Напротив него, плотно сжав веки, сидел побледневший Горман. На лбу и шее лейтенанта выступили капельки пота, а руками он постоянно растирал колени. Должно быть, снимает напряжение массажем или просто вытирает потные руки, подумала Рипли. Может, ему станет легче, если с ним поговорить?

— Лейтенант, какой это у вас по счету десант?

Горман открыл глаза, прищутившись посмотрел на Рипли.

— Тридцать восьмой... если считать учебные.

— А боевой? — многозначительно спросила Васкес.

Горман старался отвечать бесстрастно, будто не придавал этому никакого значения. Мелочь, к тому же совершенно не относящаяся к делу.

— Боевой... второй. Третий, если считать и этот.

Васкес и Дрейк молча переглянулись. Выражения их лиц были красноречивее слов. Рипли с упреком взглянула на Берка, а тот в ответ лишь беспомощно пожал плечами, как бы говоря: «Послушайте, я же человек гражданский. Я не могу приказывать военным, кого назначить на то или другое место».

Конечно, на самом деле все было совсем не так, но теперь спорить об этом все равно поздно, подумала Рипли. Под ними лежал Ахерон, а

земные бюрократы были далеко-далеко. Рипли закусила губу, пытаясь успокоиться. Кажется, Горман — знающий офицер, уговаривала она себя. К тому же в любой стычке командовать отрядом будут Эйпон и Хикс.

Система внутренней связи доносила до десантников голоса из кабины пилотов. Ферро сыпала проклятьями втрое чаще Спанкмейера. В промежутках между руганью и проклятьями пилотам все же как-то удавалось благополучно вести корабль.

— Последний поворот, и идем на посадку, — говорила Ферро. — Выходим на семь-ноль-девять. Включаю систему наведения на конечном участке траектории.

— У тебя все конечное, — улыбнулся Спанкмейер.

Это была старая шутка, и Ферро пропустила ее мимо ушей.

— Следи за своим экраном. Я не могу вести эту посудину и смотреть за рельефом. Держись подальше от гор, — сказала Ферро. Она с минуту помолчала, потом удивленно добавила: — А где же радиомаяк?

— Эфир молчит, — спокойно пояснил Спанкмейер. — Должно быть, маяк вышел из строя вместе со всей связью.

— Не неси чепуху. Радиомаяки всегда автоматические и с независимым источником питания.

— Правильно. Вот и ищи свой маяк.

— Лучше посмотрю, не размахивает ли кто-нибудь драным флагом.

На несколько минут все замолчали. Десантни-

ков проблемы пилотов не очень интересовали. Ферро и Спанкмейер сажали корабль и в худших условиях.

— Ветер стихает. В такую погоду только запускать воздушных змеев. Ребята, мы подержим нашу посудину здесь, пока вы будете играть в свои игрушки.

Десантники зашевелились, готовясь к посадке. Горман расстегнул ремни безопасности и направился к пульту тактического управления бронетранспортером. За ним последовали Берк и Рипли.

Все трое с трудом втиснулись в крохотный отсек. Горман встал у пульта управления, а Берк расположился за его спиной так, чтобы при желании можно было заглянуть через плечо лейтенанта. Рипли с удовольствием отметила, что полет не отразился на умении Гормана работать с машинами и приборами. Занявшись своим делом, он преобразился. Его пальцы ловко, словно пальцы пианиста по клавишам, забегали по тумблерам, кнопкам и регуляторам. Приборы и экраны ожили, а из кабины пилотов до них донесся торжествующий голос Ферро:

— Наконец-то я поймала маяк. Сигнал не очень четкий, но это определенно он. И облака немного рассеялись, кое-что можно увидеть и своими глазами. Это Хадли.

Горман, повернувшись к микрофону, спросил:

— Как выглядит поселок?

— Как в рекламных брошюрах, — насмешливо ответила Ферро. — Галактический курорт. Огромные сооружения, грязь. Горит несколько огней, значит, кое-где у них есть электроэнергия. На

таком расстоянии не могу сказать, то ли это обычное освещение, то ли аварийные огни. Их не много, может, сейчас время послеобеденного сна? Пожалуйста, дайте мне пару недель для отпуска в Антарктиду.

— Спанкмейер, ваши впечатления?

— Всех словно ветром сдуло. Но их не бомбили. Все здания целы, во всяком случае кажутся целыми отсюда, при плохой видимости. Простите, нам надо следить за рельефом.

— Разберемся на месте, — подвел итоги Горман, и переключил все внимание на экраны над пультом управления.

Чем ближе к Ахеронту подходил корабль, тем увереннее становился Горман. Может быть, боязнь высоты просто его слабое место, подумала Рипли. Если это действительно так, беспокоиться не о чем.

Лейтенант посмотрел на небольшие индивидуальные экраны десантников, их было по два на каждого. Под ними располагались таблички с фамилиями. Верхний ряд экранов был связан с видеокамерами на боевых шлемах, а на нижних экранах непрерывно отражались данные о физическом состоянии десантников: частоте пульса и дыхания, работе сердца, мозга и кровеносной системы, зрительной активности и прочем. Одним словом, приборы давали полную информацию о физиологическом и физическом состоянии каждого солдата.

По сторонам от небольших экранов, чуть выше их, располагались мониторы, на которых постоянно давалось изображение местности вокруг

бронетранспортера. Горман нажал несколько кнопок. Скрытое сигнальное устройство, как ему и полагалось, тотчас ответило звонком.

— Вроде бы все в порядке, — пробормотал Горман как бы про себя, но так, чтобы его слышали Берк и Рипли. — Все системы работают.

Рипли отметила, что давление крови у десантников отличается удивительной стабильностью. Да и пульс ни у кого из них не превышал семидесяти пяти ударов в минуту.

На одном из небольших экранов вместо внутреннего вида бронетранспортера были видны только помехи.

— Дрейк, проверьте вашу камеру, — распорядился Горман. — У нас нет изображения. Фрост, покажите мне Дрейка. Возможно, все дело в механических неполадках.

На соседнем экране появилось лицо десантника со смартганом. Он с размаху ударил себя по шлему упаковкой батареек, и на его экране тотчас возникло изображение.

— Теперь лучше. Покачайте головой.

Дрейк выполнил приказ и объяснил собравшимся в кабине управления:

— Этому приему меня научили на технических занятиях. Только обязательно нужно бить слева, иначе ничего не получится.

— А что будет, если стукнуть справа? — поинтересовалась Рипли.

— Произойдет перегрузка регулятора внутреннего давления, того самого, что удерживает шлем на голове. — Рипли видела, что Дрейк нахально смеется прямо в видеокамеру Фроста. — Тогда глаза лопнут, а мозги взорвутся.

— Чему у тебя взрываться? — фыркнула Вассес.

Дрейк быстро нагнулся и хотел было той же упаковкой батареек стукнуть по шлему Вассес справа.

Их успокоил Эйпон. Его не очень интересовали возможные неполадки в шлеме Дрейка — он знал, что тот избавится от шлема при первой возможности. Точно так же, как и Вассес. Дрейк будет драться в своей потрепанной шапочке, а Вассес — в красном платке — уставом не предусмотренных «боевых» головных уборах. Оба уверяли, что шлем мешает смартгану прицеливаться. Эйпон не собирался спорить с ними. Пусть будет так, пусть хоть обреют головы наголо, если им так захочется, лишь бы стреляли метко.

— Ладно, — сказал он. — Приготовиться первому отделению. Проверить резервные системы и источники питания. Если после рассредоточения кто-нибудь погибнет, то скорее всего из-за них. Если вас не прикончит какое-нибудь чудище, это сделаю я. Две минуты на сборы. — Он посмотрел направо. — Разбудите Хикса.

Среди десантников послышались смешки. Взглянув на биомонитор Хикса, Рипли поневоле улыбнулась. Все показания говорили о том, что капрал умирает от скуки. Помощник Эйпона беспробудно спал. Наверняка ему снятся куда более приятные места. Рипли позавидовала умению Хикса расслабляться. Когда-то, давным-давно, ей это тоже удавалось. Может, она снова научится, когда вернется из этого рейса.

Принесли рюкзаки и оружие. В отсеке снова закипела работа. Вассес и Дрейк помогали друг другу надевать сложные крепления для смартганов.

Экран переднего вида показывал десантникам ту же картину, что видели Ферро и Спанкмейер. Впереди возвышался металлический «вулкан». Вершина его конуса, выбрасывавшая вверх горячие газы, скрывалась в облаках. Аудиомониторы доносили до десантников приглушенный шум преобразователя атмосферы.

— Сколько таких установок на Ахеронте? — обратилась Рипли к Берку.

— Это один из тридцати или около того. Не могу назвать точной цифры. Они разбросаны по всей планете. Вернее, не разбросаны, а размещены в определенных местах, чтобы преобразование осуществлялось в оптимальном режиме. Все они полностью автоматизированы, а их работа контролируется центром управления Хадли. По мере того как состав атмосферы на планете будет приближаться к земному, производительность установок станет автоматически снижаться. В конце концов все они выключатся. Но для этого им придется потрудиться еще лет двадцать, а то и тридцать. Установки, конечно, дороги, но очень надежны. Между прочим, их выпускает наша Компания.

Рядом с огромным грохочущим конусом десантный шаттл казался гонимой ветром ничтожной пылинкой. Рипли была поражена. Как и любой человек, имевший дело с космосом, она слышала о преобразователях атмосферы, но не думала, что ей придется увидеть их собственными глазами.

Ловко орудуя регуляторами, Горман опустил главную наружную видеокамеру и поводил ею из стороны в сторону. На экране мелькали лишь крыши строений обезлюдевшей колонии.

— Держитесь на сорока, — приказал он Ферро через микрофон. — Облетайте колонию на малой скорости. Не думаю, что удастся что-то обнаружить с такой высоты, но это предписывает устав. Будем выполнять его требования.

— Можно попробовать, — отозвалась Ферро. — Вы там держитесь крепче. Пока будем кружить, нас может и тряхнуть. Не забывайте, это не пассажирский лайнер для полетов в атмосфере, а всего лишь вшивый десантный шаттл. Тонкое суборбитальное маневрирование не в его репертуаре.

— Делайте, что вам приказано, капрал.

— Слушаюсь, сэр, — ответила Ферро и, понизив голос, неразборчиво пробормотала еще несколько слов. Маловероятно, чтобы это была лестная характеристика.

Корабль кружил над поселком. Внизу мертвые сооружения сменяли друг друга, нигде не было видно никаких признаков жизни, никакого движения. Все так же горели несколько огней, которые десантники заметили раньше. На горизонте возвышался неумолчно гудевший преобразователь атмосферы.

— Вроде бы все цело, — прокомментировал Берк. — Может, их скосила какая-нибудь чума?

— Может быть, — отозвался Горман. Постройки колонии напомнили ему останки древних кораблей, усеявшие дно океана. Он нагнулся к микрофону: — Эйпон! Приступайте.

В другом отсеке старший сержант, поднявшись, оглядел своих солдат. Они крепко держались за поручни — в неспокойной, непроглядно черной атмосфере Ахеронта корабль постоянно швыряло из стороны в сторону.

— Ладно. Все слышали, что сказал лейтенант. Повторять не буду. Сразу после высадки всем рассредоточиться. Не упускать из виду товарища, идущего впереди, но ни в коем случае не наступать ему на пятки. Нарушивший приказ будет немедленно отзван на корабль.

— Точно будет отзван? — Кроу состроил невинные глазки.

— Эй, Кроу, соскучился по мамочке? — поддел товарища Вержбовски.

— Я бы не возражал, чтобы она оказалась здесь, — ответил Кроу. — Она бы с вами живо разобралась.

Десантники строем направились к носовому шлюзу. Проходя мимо Рипли, Васкес хлопнула ее по плечу.

— Остаетесь здесь?

— Можете не сомневаться.

— Ясно.

Васкес отвернулась и уставилась в затылок шагавшего впереди Дрейка.

— Сажайте корабль по эту сторону главной телеметрической башни, в шестидесяти метрах от нее, — распорядился Горман. Он повертел ручку настройки монитора... — по-прежнему нигде никаких признаков жизни. — По моей команде немедленно поднимайтесь, найдите удобное облачко и там держите корабль в состоянии боевой готовности.

— Понятно, — коротко ответила Ферро.

Эйпон посмотрел на хронометр, вмонтированный в рукав куртки.

— Десять секунд. Внимание!

Десантный шаттл спускался в ста пятидесяти

метрах от посадочной полосы колонии. Автоматически зажглись мощные наружные прожекторы, прорезав пыльную атмосферу Ахеронта. Влажное бетонированное покрытие полосы ветер усеял камнями и мусором, но Ферро это не беспокоило. Она осторожно сажала корабль, а выдвинувшиеся гидравлические опоры смягчили удар многотонной машины о поверхность планеты. Не прошло и нескольких секунд, как из грузового люка с ревом выкатился бронетранспортер. Едва он коснулся грунта, как двигатели снова загудели. Десантный шаттл поднялся и исчез в темном небе.

Бронетранспортер двинулся к ближайшему строению. Но никто не выбежал ему навстречу, как никто не собирался и его атаковать. Из-под жестких армированных колес машины летели комья грязи. Бронетранспортер резко свернул вправо, так что его люк оказался точно перед главным шлюзом колонии. Люк еще не открылся до конца, а Хадсон уже выпрыгнул из машины и побежал вперед. За ним последовали и остальные. Они быстро рассредоточились, чтобы держать под контролем возможно большее пространство, не теряя друг друга из виду.

Внимание Эйпона было приковано к экрану усилителя изображения. Он осматривал одно за другим окружавшие их здания. Встроенный в усилитель компьютер контрастировал изображение, раскрашивал его в разные цвета и делал более ярким. Для Эйпона этого было достаточно.

Архитектура колонии была лишена каких-либо излишеств. Украсительством собирались заняться позднее, когда ветры не будут так стремительно

разрушать самые скромные попытки разнообразить стиль. Между зданиями валялись кучи мусора и камней, слишком тяжелых, чтобы ветер унес их прочь. Железный прут, торчавший из неровной бетонной глыбы, беспрестанно бился о стену, и ветер разносил эхо ударов по всей колонии. Неровно мигали несколько неоновых реклам. Десантники слышали в наушниках отрывистые команды Гормана:

— Первая группа, вперед, развернутым строем. Хикс, организуйте охрану пространства между шлюзом и бронетранспортером. Следите за тылом. Васкес, приготовьтесь. Вперед.

Десантники приблизились к главному шлюзу колонии. Никто из них не рассчитывал на торжественную встречу и радостные приветствия, никто не думал, что удастся сразу открыть шлюз и войти на территорию, но вместе с тем никто не ожидал и увидеть два тяжелых вездехода, стоявших нос к носу перед шлюзом и забаррикадировавших все подходы к нему. Это значило, что обитатели колонии использовали все средства, чтобы не пустить тех, кто находился снаружи.

К безмолвным машинам первой подошла Васкес. Она заглянула в кабину вездехода. Приборы контроля и управления были грубо вырваны и валялись по всей кабине. Васкес осторожно протиснулась между вездеходами и флегматично сообщила:

— Похоже, тут поработали монтировкой.

Она подошла к шлюзу и кивнула Дрейку, занявшему позицию справа от нее. К ним присоединился Эйпон. Он осмотрел препятствие и

направился к пульту управления наружным люком шлюза. Эйпон перебрал все комбинации. Сигнальные огни не загорались.

— Сломано?

— Заблокировано. Это большая разница. Хадсон, давай сюда. Нужно открыть люк.

Забыв свои обычные шутки, Хадсон положил оружие и деловито склонился над пультом. Не прошло и минуты, как он заключил:

— Стандартная модель.

Хадсон достал инструмент, снял с пульта верхнюю панель, осмотрел электрическую схему.

— Две секунды, сержант.

Не обращая внимания на холод и ветер, он начал осторожно разбирать поврежденную схему. Эйпон и десантники терпеливо ждали.

— Первая группа! — рявкнул сержант в микрофон. — Ко мне! Всем собраться у главного шлюза.

Над их головами со скрипом и стонами болталась на ветру полусорванная вывеска. Завывание ветра больше действовало на нервы, чем на физическое самочувствие. Хадсон соединил два проводника, и в тот же миг замигали две сигнальные лампочки. С хрустом перемалывая скопившуюся в направляющих рельсах пыль, люк рывками пополз в сторону. Почему-то лампочки мигали синхронно рывкам. На полупути люк окончательно заело. Но десантникам хватило и образовавшейся щели.

Эйпон жестом приказал Вассес идти первой. Выставив вперед дуло смартгана, она шагнула в шлюз. Десантники последовали за ней. В их наушниках не умолкал трескучий голос Гормана:

— Вторая группа, вперед. Занять позиции на флангах, не отставать. Что там, сержант?

Эйпон бегло осмотрел помещение.

— Пока все пусто, сэр. Хозяев дома нет.

— Хорошо. Вторая группа, продвигаясь, не забывайте следить за тылом. — Лейтенант улучил момент и обернулся: — Рипли, у вас все в порядке?

Только теперь Рипли осознала, что дышит слишком часто, словно только что закончила марафонскую дистанцию. Она молча кивнула, сердясь и на себя и на Гормана с его неуместным вниманием. Лейтенант снова повернулся к мониторам.

Васкес и Эйпон шли по широкому пустому коридору, освещенному лишь несколькими синими лампочками под потолком. Аварийное освещение, отметил про себя Эйпон, да и то уже начинает ослабевать. Нельзя сказать, сколько времени работают аккумуляторы. Вместе с десантниками в помещение ворвался ветер. На полу стояли лужи. Через дыры в потолке капал дождь. Эйпон запрокинул голову, чтобы его видеокамера зафиксировала следы стрельбы и передала изображение на бронетранспортер.

— Импульсные карабины, — пробормотал Эйпон, объясняя причину появления пробоин с рваными краями. — Кто-то палил, как сумасшедший.

Увидев на экране следы жестокого боя, Рипли резко повернулась к Берку.

— Прикованные к постели больные не носятся по своему дому с импульсными карабинами, — обвиняющее проговорила она. — Люди, у которых вышли из строя системы связи, не падают из импульсных карабинов куда попало. Что-то заставило их обороняться.

Вместо ответа Берк лишь пожал плечами.
Осмотрев пробоины, Эйпон поморщился.
— Черт знает что.

Это было суждение професионала, а не сожаление о том, что здесь произошло. Старший сержант не терпел неряшливой работы. Конечно, напомнил он себе, стреляли-то колонисты. Инженеры, строители, обслуживающий персонал. Не солдаты. Может, у них была парочка полицейских, но в солдатах уж точно нужды они не испытывали — пока не испытывали. Так что же все это значит? Завывающий ветер будто насмехался над сержантом. Эйпон заглянул в другой коридор, надеясь там найти ответ на свой вопрос. Однако и там было только пусто и темно.

— Двинулись дальше.

Васкес снова шла первой. Сейчас она более всякого робота походила на машину. Дуло ее смартгана безостановочно неторопливо рыскало из стороны в сторону, прощупывая каждый квадратный дюйм впереди. Взгляд Васкес был прикован к монитору системы наведения, она не обращала внимания на то, что оказывалось под ногами, только слышала шаги товарищей позади себя и по сторонам. Впереди была тишина.

Горман постучал пальцем по приборной панели рядом с большой красной кнопкой.

— Разделитесь и продолжайте поиск парами. Вторая группа, приступить к осмотру колонии. Хикс, возьмите под контроль второй уровень. Используйте искатель движущихся объектов. Как только заметите какое-то движение, немедленно подавайте сигнал.

Кто-то пропел *a capella* несколько строк арии Донара из «Золота Рейна», в которой германский бог вызывает бурю. Рипли показалось, что это был голос Хадсона, но точно сказать она не могла. Рипли старалась следить одновременно за мониторами всех индивидуальных видеокамер. Каждый темный угол казался ей воротами в ад, каждая тень таила смертельную угрозу. Она прилагала немалые усилия, чтобы сдерживать участившееся дыхание.

Хикс повел свою группу по пустынной лестнице на второй уровень. Здесь оказался такой же коридор, как и на нижнем. Может, этот был чуть уже, но и тут царило безлюдье. Правда, наверху оказалось одно преимущество: здесь не было ветра.

Стоя в центре группы, Хикс извлек из чехла небольшой металлический прибор с окуляром; как и все приборы десантников, хрупкое устройство было надежно защищено снаружи. Хикс направил окуляр вдоль коридора и подстроил его. Ярко засветились два светодиода, но стрелка застыла на нулевой отметке. Капрал медленно поводил прибором из стороны в сторону.

— Никого, — сообщил он. — Никаких движущихся предметов, никаких признаков жизни.

— Продолжайте поиск, — разочарованно приказал Горман.

Хикс шел с искателем в вытянутой руке, десантники прикрывали его с флангов. Группа миновала несколько жилых комнат и служебных помещений. Иногда их двери были распахнуты настежь, иногда закрыты на замок. Обстановка комнат, не отличаясь разнообразием, не таила никаких сюрпризов.

Чем дальше продвигалась группа, тем более наглядными становились следы сравнительно недавней борьбы. Часто попадались разбросанные по полу бумаги, перевернутая мебель. Под ногами валялись бесценные, но безнадежно испорченные дискеты. Доставленные сюда за бешеные деньги личные вещи были беспорядочно раскиданы, поломаны и порваны. Драгоценные книги, напечатанные на настоящей бумаге, плавали в лужах, которые натекли из разорванных труб и дыр в потолке.

— Похоже на мою комнату в общежитии колледжа, — не слишком удачно пошутил Берк.

Несколько помещений были не просто разорены, а выжжены дотла. Металл и композитные материалы, из которых были сделаны стены, покрывали черные полосы сажи. В некоторых окнах были выбиты прочнейшие трехслойные стекла, и теперь в них врывались ветер и дождь. В одном из кабинетов Хикс обнаружил на журнальном столике недоеденный пирожок. Рядом стояла кофейная чашка, до краев наполненная дождевой водой, а частицы кофейной гущи, словно водяные клещи, плавали на поверхности луж, покрывавших пол.

Группа Эйпона продолжала методично обследовать нижний уровень. Десантники парами обходили одну за другой скромные, тесноватые квартиры колонистов. Смотреть здесь было особенно не на что. Шедший в паре с Васкес Хадсон не сводил взгляда с индикатора искателя и поднял голову лишь однажды, чтобы его видеокамера зафиксировала пятно на стене. Ему не потребова-

лись сложные электронные анализаторы, чтобы понять, что это — засохшая кровь. В бронетранспортере тоже заметили пятно. Никто не проронил ни слова.

Вдруг искатель Хадсона загудел. В пустом коридоре неожиданный звук прозвучал, как удар грома. Васкес резко обернулась и взяла смартган на изготовку. Они с Хадсоном обменялись взглядами. Хадсон кивнул, и Васкес осторожно пошла к полузыбитой двери. И дверь и стена вокруг были испещрены следами пуль импульсных карабинов.

Хадсон отступил в сторону, и Васкес, бочком приблизившись к двери, ударом ноги вышибла ее. В любое мгновение она готова была уничтожить в комнате все живое.

Уничтожать оказалось нечего. Врывавшийся через разбитое окно ветер раскачивал, словно маятник, висевшую на гибком проводе соединительную коробку. Тяжелый металлический предмет методично стучал по поручням детской кроватки.

— Ох уж эти искатели, — недовольно проворчала Васкес. — Терпеть их не могу.

Хадсон и Васкес вернулись в коридор.

Рипли смотрела на видеомонитор Хикса. Вдруг она резко подалась вперед.

— Подождите! Скажите им...

Сообразив, что ее слышат только Берк и Горман, она торопливо натянула шлем и подключилась к системе связи с десантниками.

— Хикс, это Рипли. На вашем мониторе я заметила что-то важное. Отступите назад.

Хикс подчинился, и угол обзора его видеокамеры увеличился.

— Так, хорошо. Теперь повернитесь немного влево.

Горман и Берк тоже переключили внимание на монитор Хикса. Изображение на экране сначала поплыло, а потом стабилизировалось. Теперь был отчетливо виден участок металлической стены, испещренный пробоинами и вмятина-ми, похожими на каверны. Рипли похолодела. Она хорошо знала, как образуются эти неров-ные каверны. Хикс провел перчаткой по искоре-женному металлу.

— Вам хорошо видно? Металл будто оплавлен.

— Не оплавлен, — поправила его Рипли. — Растворен.

Берк повернулся к ней, поднял брови.

— Хм. Кислота вместо крови.

— Похоже, тут кто-то придавил одного из старых знакомых Рипли, — сказал Хикс. Судя по голосу, открытие произвело на него менее сильное впечатление, чем на Берка.

Тем временем Хадсон обследовал одну из комнат на нижнем уровне. Жестом он пригласил присоединиться к нему.

— Эй, если вам нравится та стенка, то от такой дыры, как здесь, вы будете просто в восторге.

В бронетранспортере все трое повернулись к экрану, на который передавала изображение видеокамера болтливого рядового.

Хадсон смотрел вниз. В металлическом полу как раз между его ботинками зияла дыра. Он наклонился, и в тусклом свете фонаря появилась вторая дыра, располагавшаяся точно под первой, а еще ниже — часть служебного отсека подвального

уровня. Страшная жидкость растворила все, что попалось ей по пути: трубы, кабели, провода.

Эйпон тоже осмотрел дыру.

— Вторая группа, внимание. Что у вас? — проговорил он в микрофон.

За всех ответил Хикс:

— Только что закончили осмотр. Хозяев дома нет.

Старший сержант кивнул и доложил лейтенанту:

— Сэр, здесь мертвое место. Мертвое и брошенное. На фронте Хадли все спокойно. Что бы здесь ни произошло, мы опоздали.

— Опять прозевали вечеринку, — расстроенно протянул Дрейк и пнул ногой кусок разъеденного металла.

Горман задумавшись откинулся на спинку кресла.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Здесь все ясно. Давайте посмотрим, что скажет нам их компьютер. Первая группа, следуйте в центр управления колонии. Сержант, знаете, где он находится?

Эйпон нажал кнопку на рукаве. На внутренней стороне лицевого щитка прямо перед его глазами появилась маленькая схема колонии.

— Вот то высокое здание. Его видно отсюда. Это недалеко, сэр. Мы пошли.

— Хорошо. Хадсон, когда окажетесь в центре, постарайтесь подключиться к ихциальному процессору. Ничего особенного. Мы не собираемся его использовать, хотелось бы только с ним побеседовать. Хикс, мы присоединяемся к вам. Ждите меня у южного шлюза рядом с той башней. Конец передачи.

— Хорошо, что конец. — Хадсон хотел было плюнуть, но поблизости не оказалось подходящей мишени. — Он к нам присоединяется. Теперь мне гарантирована полная безопасность.

Предварительно убедившись, что ее микрофон отключен, Васкес согласилась с Хадсоном.

Бронетранспортер медленно покатился по главной улице колонии. Его мощные дуговые прожекторы выхватывали из темноты грязные, ободранные песчаными бурями стены. Машина миновала защищенную от ветра стоянку, на которой находилось несколько сравнительно небольших вездеходов. Сверкающие металлические колеса бронетранспортера, попадая в глубокие рытвины, выбрасывали фонтаны грязной воды. Мощные амортизаторы смягчали удары. По стеклам прожекторов стегал косой дождь.

В кабине водителя бок о бок сидели Бишоп и Вержбовски. Человек и андроид работали на удивление согласованно и легко находили общий язык. Каждый с уважением относился к способностям и возможностям другого. Оба водителя знали, например, что Вержбовски в принципе может игнорировать любой совет Бишопа, но скорее всего ему последует. Вержбовски всмотрелся сквозь узкий иллюминатор и жестом показал:

— Думаю, нам туда.

Бишоп сверился с ярким планом колонии на экране, располагавшемся перед ними.

— Должно быть, да, — согласился Бишоп. — Другого шлюза поблизости нет.

Он взялся за штурвал, и тяжелая машина повернула к похожему на вход в пещеру отверстию.

— Верно. Вот и Хикс.

Бронетранспортер остановился, а в открытом шлюзе появился Хикс. Он молча ждал, пока откроется люк машины. Из бронетранспортера вышел одетый в комбинезон Горман, за ним последовали Берк, Бишоп и Вержбовски. Берк оглянулся на оставшуюся в одиночестве Рипли. Она внимательно смотрела мимо него, мимо их всех на темный вход в колонию.

— Рипли!

Она посмотрела на Берка, их взгляды встретились. Вместо ответа она только резко повела из стороны в сторону головой.

— Этот сектор совершенно безопасен, — попыталася убедить ее Берк. — Вы слышали, что сказал Эйпон.

Рипли еще раз покачала головой. В их шлемофонах зазвучал голос Хадсона:

— Сэр, мы подключились к центральному процессору колонии.

— Отлично, Хадсон, — ответил лейтенант. — Десантникам, находящимся в центре управления, оставаться на месте. Мы скоро там будем. — Он кивнул спутникам: — Пойдемте.

6 Даже беглого осмотра оказалось достаточно, чтобы понять: на самом деле колония разрушена куда более основательно, чем можно было подумать, глядя на экраны.

— Похоже, ваша Компания может списать в расход все свои здешние вложения, — пробормотал Горман, обращаясь к Берку.

— Здания большей частью целы, — на удив-

ление беззаботно отзывался представитель Компании. — Все остальное застраховано.

— В самом деле? А как насчет колонистов? — спросила Рипли.

Берк ответил не без раздражения:

— Пока мы не знаем, что с ними случилось.

Внутри центра управления было холодно. Из-за отсутствия электроэнергии система кондиционирования воздуха не работала. Впрочем, она все равно быстро вышла бы из строя — выбитые стекла и зияющие в стенах дыры заставили бы ее работать с недопустимыми перегрузками. Несмотря на холод и все старания терморегулирующей системы комбинезона, Рипли вспотела. Вместе с десантниками она тщательно проверяла каждую дыру в стенах и на полу, каждый темный угол.

Именно здесь все и началось, думала Рипли. Именно здесь появилась она. Чужая тварь. Рипли ни секунды не сомневалась в том, по какому сценарию развертывались события. В колонии Хадли хозяйничала чужая тварь, точная копия той, что убила всех ее товарищей на «Ностромо» и в конце концов заставила уничтожить сам корабль.

Рипли обследовала разоренный коридор, выжженные дотла кабинеты и складские помещения. Хикс обратил внимание на ее неуверенность и молча подал знак Вержбовски. Тот незаметно кивнул, прибавил шагу и вскоре оказался рядом с Рипли, справа от нее. Сам Хикс замедлил шаг и занял позицию слева. Теперь Рипли была защищена со всех сторон. Она заметила эти перемещения и вопросительно взглянула на капрала. Тот подмиг-

нул в ответ. Может быть, мне это только показалось, подумала Рипли. Уж слишком быстро все произошло. Возможно, виной тому была попавшая в глаз капралу соринка — ведь даже в коридоре ветер гонял песок, пыль и сажу.

Немного впереди из бокового коридорчика появился Фрост. Он кивком приветствовал вновь прибывших и обратился к Горману, хотя смотрел при этом только на Хикса.

— Сэр, возможно, вам лично следует осмотреть кое-что.

— В чем дело, Фрост?

Горман торопился обсудить положение с Эйпоном, но Фрост был настойчив:

— Проще и быстрее показать, чем рассказать, сэр.

— Хорошо, — согласился лейтенант и жестом показал на коридорчик. — Нам туда?

Фрост кивнул и скрылся в темноте. Остальные последовали за ним.

Он привел их в совершенно темное крыло. Фонари десантников высветили еще более серьезные разрушения. Рипли охватила дрожь. Она не могла заставить себя не думать о бронетранспортере, таком надежном, хорошо вооруженном и таком близком. Если постараться, до него можно добежать за несколько минут. Но тогда она снова окажется в одиночестве. Как ни надежна броня боевой машины, Рипли понимала, что здесь, под защитой десантников, она находится в большей безопасности. Она не уставала снова и снова повторять это про себя.

Фрост показал рукой:

— Прямо перед вами, сэр.

Коридорчик был перекрыт. Кто-то наспех воздвиг здесь баррикады из сваренных отрезков труб, стальных плит, запасных панелей и перекрытий. Во многих местах сооружение было насквозь прожжено кислотой или разрушено. Какая-то неведомая страшная сила легко корежила и гнула металл. Справа от Рипли баррикада была просто разорвана, словно старая консервная банка. Десантники по одному протиснулись через узкий проход. В свете фонарей перед ними предстала картина полного опустошения.

— Кто-нибудь знает, где мы находимся? — спросил Горман.

Берк всмотрелся в план колонии.

— В медицинском крыле. Мы в правой секции, на плане все точно показано.

Десантники веером рассыпались по помещению. Укрепленные на их шлемах фонари выхвачивали из темноты перевернутые столы и шкафы, сломанные стулья, разбитое медицинское оборудование, мелкие блестящие инструменты, что усеяли пол, будто стальное конфетти. С внутренней стороны баррикаду подпирали приваренные, привинченные или просто прислоненные предметы и мебель. Стены вокруг, как и повсюду, были изуродованы полосами сажи, пробоинами и кашернами.

Несмотря на отсутствие освещения, в крыле остались следы былой жизни. Тускло светились лампочки отдельных приборов и панелей управления; очевидно, они получали энергию от автономных источников питания. Вержбовски провел

перчаткой по краям дыры, через которую легко прошел бы баскетбольный мяч.

— Последнее убежище. Они соорудили эту баррикаду в надежде укрыться за ней.

— Возможно, — согласился Горман и отбросил ногой пустую пластиковую бутылку. Та с глухим стуком покатилась по полу. — У медиков, надо полагать, были самые мощные аварийные источники питания плюс собственные запасы провианта. Я бы тоже укрылся в медицинском крыле. Тел не обнаружили?

В свете своего фонаря Фрост всматривался в дальний угол помещения.

— Не заметил ни одного ни в первый раз, ни сейчас, сэр. Похоже, здесь было настоящее сражение.

— Не видно и ни одного из ваших проказников, Рипли, — добавил Вержбовски и, подняв голову, огляделся. — Эй, Рипли! — Его палец лег на спусковую кнопку импульсного ружья. — Где она?

— Я здесь.

Десантники пошли на звук ее голоса и оказались в соседнем помещении.

— Медицинская лаборатория, — огляделвшись, сделал вывод Берк. — Здесь довольно чисто. Похоже, сражение сюда не докатилось. Думаю, все было кончено еще в той комнате.

В свете аварийных ламп Вержбовски долго шарил глазами по лаборатории, пока наконец не увидел то, что привлекло внимание Рипли. Пробормотав что-то невнятное, он направился к ней. Его примеру последовали и остальные.

У дальней стены стояло семь прозрачных

цилиндрических сосудов, испускавших фиолетовое свечение. Это свечение и особая жидкость обеспечивали длительное хранение биологических образцов. Все семь сосудов исправно функционировали.

— Не иначе — самогонный аппарат. Кто-то здесь устраивал попойки, — неудачно пошутил Горман.

Никто не улыбнулся.

— Сосуды для консервации живых организмов. Обычная вещь для колониальной медицинской лаборатории такого типа, — объяснил Берк и подошел к цилиндрам.

Семь сосудов, а в них семь образцов. В каждом сосуде лениво плавало нечто, напоминавшее отсеченную ладонь с множеством пальцев. Сама «ладонь» представляла собой плоское туловище, защищенное чем-то похожим на светло-бежевую кожу, тонкую и полупрозрачную. На туловище не было ничего, что напоминало бы орган слуха или зрения. Со «спины» ладони свисал длинный, медленно покачивающийся хвост. Две твари плотно прижали скрученные хвосты к туловищу.

Не в силах отвести глаз от кошмарных созданий, Берк обратился к Рипли:

— В вашем отчете упоминались именно такие существа?

В ответ Рипли только молча кивнула.

Как завороженный, Берк переходил от одного сосуда к другому, наклоняясь к ним все ближе и ближе, пока почти не уперся носом в сверхпрочное стекло.

— Берк, осторожней, — предупредила его Рипли.

Не успела она закончить фразу, как одна из

тварей молнией бросилась к Берку. Ее остановило стекло. Берк испуганно отшатнулся. У твари из середины туловища стремительно вылетел тонкий и длинный мясистый орган. Казалось, тварь выбросила наружу часть своего кишечника. Этой кишкой, как языком, она лизнула стекло сосуда изнутри, потом как бы нехотя втянула ее под защитные пластиинки, напоминавшие жабры. Пальцы и хвост снова безвольно повисли.

Хикс бесстрастно взглянул на Берка.

— Вы ему определенно понравились.

Представитель Компании пропустил замечание мимо ушей и продолжал обследовать сосуды, поочередно проводя рукой по гладкой поверхности каждого цилиндра. Только два существа прореагировали на его жест. Остальные пять безжизненно плавали в жидкости.

— Эти мертвые, — заключил Берк, закончив обследование. — В живых остались только два организма. Конечно, если только эти пятеро не перешли в какое-то особое состояние, в чем, впрочем, я сомневаюсь. Видите, мертвые организмы принимают совершенно другую окраску, как бы блекнут.

На каждом цилиндре лежала папка с документами. Собрав в кулак всю свою волю, Рипли заставила себя взять папку с сосуда, в котором находилась живая тварь. Быстро сделав несколько шагов в сторону, она остановилась, раскрыла папку и в свете фонаря на своем шлеме бегло просмотрела бумаги. Помимо нескольких страниц текста, здесь было множество диаграмм, графиков, сонограмм и даже пара очень нечетких интроскопических изображений внутреннего строения твари,

сделанных с помощью спектрометра ядерного магнитного резонанса. Многочисленные компьютерные распечатки пестрели неразборчивыми пометками, сделанными на полях от руки. Должно быть, это писал врач, решила Рипли.

— Что-нибудь интересное? — спросил Берк, не переставая кружить возле сосуда, с которого Рипли сняла папку. Он внимательно изучал плавающее создание со всех сторон.

— Наверно, здесь много интересного, но о большей части этих материалов я судить не могу, это дело специалистов, — ответила Рипли и захлопнула папку. — Отчет врача. Его звали Линг.

— Честер О. Линг, — подтвердил Берк и постучал ногтем по цилиндру. На этот раз тварь не отреагировала. — В Хадли было три врача. Кажется, Линг был хирургом. Так что же он счел нужным сообщить об этом подарке судьбы?

— Этот, как вы говорите, подарок судьбы был удален с помощью особых хирургических приемов до того, как он успел отложить эмбрион. Обычная хирургия оказалась бессильной.

— Любопытно, почему? — спросил Горман.

Образцы тварей интересовали лейтенанта не меньше, чем остальных, но все же не в такой степени, чтобы он забыл посматривать по сторонам.

— Жидкости, содержащиеся в этом организме, растворяют любые металлические инструменты. Пришлось воспользоваться лазерами как для удаления организма, так и для прижигания. Чужой организм паразитировал на некоем Джоне Л. Марчуке, — объяснила Рипли и перевела взгляд на Берка, который в ответ лишь покачал головой.

— Это имя мне ничего не говорит. Не администратор и не из руководства колонии. Должно быть, водитель вездехода или подсобный рабочий.

Рипли снова углубилась в отчет.

— Он умер во время операции. Чужую тварь сняли, а его, пытаясь спасти, убили.

К Рипли подошел Хикс и через ее плечо заглянул в отчет. Он не успел прочесть ни слова, так как его искатель движущихся объектов неожиданно издал поразительно громкий звуковой сигнал.

Все четверо десантников резко повернулись, взяв на прицел прежде всего вход в лабораторию, затем все темные углы. Хикс повернул искатель в сторону баррикады.

— Где-то там, — сказал он, жестом указывая на коридор, из которого они вышли несколько минут назад.

— Кто-нибудь из наших? — с надеждой в голосе спросила Рипли и инстинктивно подошла поближе к капралу.

— Трудно сказать. Этот прибор не отличается особой точностью показаний. Он терпеливо переносит самое небрежное отношение и исправно работает даже в моих неуклюжих руках, но иногда сбивает с толку.

Горман включил микрофон.

— Эйпон, мы в медицинском крыле. Нашли кое-что интересное. Где ваши люди? — Он бегло осмотрел план колонии на лицевом щитке своего шлема. — В блоке D кто-нибудь есть?

— Никого. — Все хорошо слышали немного искаженный наушниками голос сержанта. —

Мы все в центре управления, как и было приказано. Хотите, чтобы мы составили вам компанию?

— Пока нет. Будем держать вас в курсе, — ответил Горман и выключил микрофон. — Васкес, вперед!

Васкес коротко кивнула и перевела смартган в положение боевой готовности. Смертоносное оружие со щелчком легло на крепление. Васкес и Хикс направились к источнику сигнала, а Фрост и Вержбовски прикрывали их сзади.

Искатель капрала привел их сначала в уже знакомый им главный коридор, потом в правый узкий проход этого лабиринта из нержавеющей стали.

— Сигнал усиливается. Определенно движение не механической природы, — сообщил Хикс. Правой, не занятой искателем рукой, он поудобнее перехватил винтовку. — Движения беспорядочные. Кстати, куда нас черти занесли?

Берк огляделся.

— Это кухня, — сказал он. — Если пройдем чуть дальше, должны наткнуться на кухонное оборудование.

Рипли замедлила шаг, ее тотчас обогнали Вержбовски и Фрост. Вдруг осознав, что за ее спиной лишь темнота, Рипли поспешила присоединиться к товарищам.

Предположение Берка подтвердилось. Вскоре лучи фонарей отразились от сверкающих холодильников, печей, стерилизаторов, посудомоечных и размораживающих машин. Хикса все эти машины не интересовали, он не сводил взгляда с искателя.

— Опять движется.

Лаская пальцами спусковые кнопки своего оружия, Вассес ледяным взором окинула помещение кухни. Здесь было где спрятаться. Путь десантникам преградил длинный разделочный стол.

— Куда дальше?

Хикс несколько секунд помедлил, потом жестом показал на сложный комплекс, предназначавшийся для обработки сухих мясных и овощных концентратов. Десантники осторожно направились туда. Вержбовски споткнулся о жестяную коробку и ногой сердито отбросил ее в сторону. Жестянка с грохотом укатилась в темноту. Вержбовски сохранил равновесие и не потерял хладнокровия, но Рипли едва не оледенела от страха.

Теперь искатель гудел громко и безостановочно, и это гудение постепенно перерастало в вой. Вдруг справа от десантников со страшным шумом обрушилась стопка кастрюлек, а за разделочными прилавками промелькнула чья-то тень.

Вассес моментально повернулась и нажала спусковую кнопку. В тот же миг Хикс снизу ударила своим карабином по тяжелому стволу смартгана. Трассирующий снаряд попал в потолок, и вниз полетел сноп капель расплавленного металла. Разозленная Вассес чертыхнулась и резко повернулась, готовая выразить словами все, что она думает о капрале.

Не обращая внимания на разгневанную Вассес, Хикс побежал туда, куда она только что целилась, и направил луч своего фонаря под стоявшие вплотную друг к другу металлические шкафы. Он

что-то высматривал там несколько секунд, которые показались Рипли вечностью, потом поманил ее рукой. Рипли не могла заставить себя пошевелиться, ее ноги будто приросли к полу. Хикс еще раз махнул рукой, теперь уже более требовательно, и Рипли помимо своей воли побрела к капралу.

Согнувшись так, что его шлем почти касался пола, Хикс пытался осветить щель под высоким шкафом. Рипли опустилась на колени рядом с капралом.

Как булавка бабочку, луч фонаря пригвоздил к стене крохотную, насмерть перепуганную девочку, грязную, сжавшуюся в комочек, с широко раскрытыми от страха глазами. В одной руке она сжимала надорванный пластиковый пакет с каким-то полуфабрикатом, а другой рукой держала за волосы голову большой куклы. Самой куклы не было видно. Девочка была истощена до предела, кожа туго обтягивала скулы на ее крохотном личике. Она казалась беззащитнее даже той куклы, что была у нее в руке. Светлые волосы ребенка, обрамлявшие лицо, были настолько грязны и спутаны, что походили на гирлянду стальных колец.

Рипли старалась услышать дыхание девочки, но не могла уловить ни звука.

Яркий свет фонаря заставил девочку моргнуть. Этого ничтожного движения оказалось достаточно, чтобы Рипли пришла в себя. Она осторожно протянула к девочке руку и улыбнулась.

— Вылезай, — сказала она, стараясь говорить как можно мягче. — Все в порядке. Теперь тебе нечего бояться.

Рипли просунула руку чуть дальше. Девочка попятилась и задрожала. В этот момент она была похожа на кролика, загипнотизированного светом автомобильных фар. Рипли почти дотянулась до девочки и раскрыла ладонь, намереваясь погладить ее по изодранной кофточке.

Вдруг девочка резко метнулась вправо и с непостижимой ловкостью поползла под шкафами. Рипли вертелась на коленях, стараясь не упустить ребенка из виду. Хикс отчаянно вцепился в шкаф, немного отодвинул его и с трудом протиснулся в образовавшуюся щель. Он вслепую пошарил рукой, поймал девочку за крохотную лодыжку и тут же отдернул руку:

— Ой! Осторожно, она кусается.

Рипли бросилась на пол, хотела было схватить девочку за другую ногу, но та ловко увернулась. Через секунду девочка была уже возле вентиляционного отверстия с выломанной решеткой. Прежде чем Хикс успел протянуть руку, девочка изогнулась как змея и исчезла в воздуховоде. Хикс даже не пытался преследовать ее. Он не смог бы влезть в узкий воздуховод даже нагишом, не то что в полной боевой экипировке.

Не раздумывая ни секунды, Рипли нырнула в воздуховод. Вытянув руки вперед, она продвигалась на локтях и коленях. Ее бедра едва протиснулись в узкое отверстие. Девочка опередила ее не намного, но упорно ползла дальше. От напряжения и недостатка кислорода Рипли тяжело дышала. Вдруг впереди со стуком опустилась металлическая заслонка. Рипли рванулась вперед и подняла заслонку, прежде чем девочка успела запереть ее

с другой стороны. Стукнувшись головой о металлический выступ, она выругалась.

Рипли направила луч фонаря вперед и... забыла про боль. Девочка прислонилась спиной к дальней стенке небольшой сферической камеры, служившей для разгрузки давления в системе вентиляции. Камера оказалась хорошо оборудованным убежищем.

Здесь были наброшены ватные одеяла и подушки, а вперемежку с ними валялись игрушки, куклы, дешевые украшения, детские книжки с картинками и пустые пакеты из-под пищевых концентратов и полуфабрикатов. Тут был даже проигрыватель, который работал на батарейках, его акустические колонки прикрывали разорванные подушки. Очевидно, девочка совершила набеги на помещения комплекса и приносила сюда то, что ей нравилось, благоустраивая свое жилище в соответствии с собственными представлениями.

Убежище больше походило на птичье гнездо, чем на жилище человека.

Каким-то чудом этот ребенок выжил. Непостижимо, но девочка сумела приспособиться к жизни в разоренной колонии, где не осталось ни одного взрослого человека. Пока Рипли с трудом пыталась осознать увиденное, девочка бочком осторожно продвигалась вдоль стенки камеры. Она явно хотела добраться до другой заслонки. Если эта труба еще уже, мне туда никак не забраться, подумала Рипли. Тогда девочка ускользнет и, возможно, навсегда.

Девочка повернулась и кинулась к заслонке. В то же мгновение Рипли бросилась вперед и крепко

обхватила ребенка руками. Поняв, что на этот раз ей так просто не ускользнуть, девочка отчаянно сопротивлялась, отбиваясь руками и ногами и даже пытаясь пустить в ход зубы. Рипли не на шутку перепугалась. Больше того, вся сцена казалась ей каким-то кошмаром — отбиваясь, девочка не издавала ни звука. В тесной камере было слышно только ее учащенное дыхание, но Рипли чувствовала, что почему-то девочка старается даже дышать потише. Лишь раз в жизни Рипли пыталась успокоить столь же отчаянно сопротивлявшееся маленькое существо. Им был Джонс, когда она пришла с котом к ветеринару.

Увертываясь от ударов локтей и ног и от маленьких, но острых зубов, Рипли успокаивала ребенка:

— Все хорошо, все хорошо. Теперь все будет хорошо, самое страшное кончилось. Успокойся, теперь тебе нечего бояться.

Наконец девочка выбилась из сил, ее движения стали замедляться, словно внезапно выключили двигатель. На руках у женщины она обмякла, почти потеряла сознание и уже совсем не сопротивлялась, когда Рипли стала ее убаюкивать. Было больно смотреть не лицо ребенка, на бледные, трясущиеся губы, было страшно встретиться с ее диким, отсутствующим взглядом. Теперь девочка старалась поглубже спрятаться на груди взрослого человека, укрыться там от преследовавших ее кошмаров.

Рипли укачивала ребенка, негромко приговаривая нехитрые убаюкивающие слова, а тем временем осматривала камеру. На кучке хлама она увидела вставленную в рамку фотографию. С

первого взгляда Рипли стало ясно, что это портрет этой же девочки, хотя теперь он разительно отличался от оригинала. С фотографии на нее смотрел чистенький, улыбающийся ребенок с яркой лентой в аккуратно расчесанных светлых волосах и в безукоризненно отглаженном платьице. Под фотографией золотыми буквами значилось:

*ГРАЖДАНСТВО ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ
ПРИСУЖДЕНО РЕБЕККЕ ДЖОРДЕН*

— Рипли! Рипли! — донесся издалека голос Хикса, многократно повторенный эхом. — С вами все в порядке?

— Да, — тихо ответила Рипли, потом, поняв, что ее не слышат, повысила голос: — Все в порядке. И со мной и с девочкой. Мыходим.

Девочка не сопротивлялась, когда Рипли потащила ее по воздуховоду за лодыжки. Самой Рипли пришлось ползти ногами вперед.

7 Девочка, прислоняясь к спинке стула, обхватила уками колени, прижатые к груди. Она не осматривалась по сторонам, ни разу не взглянула ни на кого из взрослых, которые с интересом разглядывали ее. Отсутствующий взгляд девочки был устремлен куда-то вдаль. Ее левую руку укутывала манжета биомонитора. Дитрих пришлось немало потрудиться, чтобы закрепить ее на тощей ручке.

Горман сел рядом с Дитрих, которая погрузилась в расшифровку показаний биомонитора.

— Как, вы сказали, ее зовут? — спросил он.

Дитрих отметила что-то в медицинском электронном блокноте.

— Что? — переспросила она.

— Я спрашиваю, как ее зовут? Ведь нам известно ее имя?

Не отрываясь от блокнота, Дитрих рассеянно кивнула.

— Кажется, Ребекка, — сказала она.

— Хорошо. — Лейтенант положил руки на колени и, наклонившись, постарался изобразить приятную улыбку. — Теперь подумай, Ребекка. Сосредоточься. Ты должна попытаться помочь нам, тогда мы сможем помочь тебе. Для этого мы сюда и прилетели — чтобы помочь тебе. Не спеши, как следует подумай и расскажи нам все, что ты помнишь. Все до самых мелочей. Постарайся вспомнить все события с самого начала.

Девочка не шевельнулась, выражение ее лица не изменилось. Она была в сознании, но ни на что не реагировала. Она молчала, однако это не значило, что она вообще не умела говорить. Разочарованный Горман выпрямился и бросил взгляд на Рипли, которая в этот момент вошла в комнату с чашкой горячего шоколада.

— Где твои родители? Ты должна постараться... — не унимался лейтенант.

— Горман! Прекратите этот нелепый допрос!

Лейтенант хотел было ответить резкостью, но вместо этого лишь покорно кивнул. Он встал и покачал головой.

— Сознание полностью отключено. Я перепробовал все подходы, разве только не кричал на нее.

Впрочем, кричать я и не собирался. Это слишком опасно в ее состоянии. Если ее психика вообще уже не нарушена.

Дитрих выключила диагностические приборы и осторожно сняла манжету с руки Ребекки. Девочка не сопротивлялась.

— Не нарушена, — сказала Дитрих. — Девочка психически здоровья. Она ужасно истощена, но я не думаю, что истощение привело к необратимым изменениям в организме. Поразительно, как она вообще выжила, питаясь одними необработанными концентратами и полуфабрикатами. — Дитрих бросила взгляд на Рипли. — Вы не заметили там упаковок от витаминов?

— У меня не было времени на осмотр всех достопримечательностей, а быть гидом она отказалась, — ответила Рипли, кивком показав на девочку.

— Да, конечно. Что ж, должно быть, она что-то знала о витаминных добавках, потому что у нее нет симптомов хронического авитаминоза. Умная малышка.

— А что вы можете сказать о ее психическом состоянии?

Рипли медленно пила кофе, рассматривая сидевшую все в той же позе сиротку. Кожа на ее руках напоминала пергамент.

— Наверняка сказать не могу, но моторные реакции у нее в норме. Мне кажется, психических отклонений у нее тоже нет. Я бы сказала, что она просто смертельно напугана.

— Болтайте дальше. — Горман встал и направился к выходу. — Как бы там ни было, мы впустую тратим время, стараясь заставить ее говорить.

Он быстрым шагом направился в центр управления колонией, где Берк и Бишоп молча созерцали операторские терминалы главного компьютера. Дитрих ушла в другую сторону.

Некоторое время Рипли внимательно смотрела на трех мужчин, склонившихся перед экранами, которые наконец воскресил Хадсон, потом опустилась на колени рядом с Ребеккой и осторожно убрала прядь волос, закрывавшую девочке глаза. Если Рипли надеялась на какую-то реакцию, то ее надежды не оправдались. С тем же успехом она могла причесывать статую. Улыбнувшись, женщина протянула девочке чашку с горячим шоколадом.

— Попробуй. Может быть, ты не голодна, но пить, наверно, хочешь. Могу поспорить, что в твоем гнездышке стало холодно, когда отключилось отопление и все прочее. — Рипли поводила чашкой перед лицом девочки, чтобы та уловила аромат горячего напитка. — Это всего лишь горячий шоколад. Ты его не любишь?

Не дождавшись ни ответа, ни какой-нибудь другой реакции, Рипли сама вложила чашку в руки девочки и, осторожно согнув пальчики ребенка, поднесла напиток ко рту.

Дитрих оказалась права: моторные реакции Ребекки были в норме. Она пила механически, не обдумывая свои движения. Немного напитка пролилось, но все же большая его часть попала по назначению. Рипли почувствовала облегчение.

Чтобы не перегрузить ослабленный длительным голоданием желудок, Рипли отобрала чашку, когда Ребекка отпила лишь половину содержимого.

— Молодец. Правда, вкусно? Через минуту я

дам тебе еще немножко. Не знаю, что ты здесь ела и пила, но мне совсем не хочется, чтобы тебе стало плохо. Опасно давать тебе сразу много.

Рипли снова откинула прядь с лица девочки и продолжала:

— Бедняжка. Ты не любишь разговаривать, я угадала? Я ничего против не имею. Если тебе нравится молчать — молчи. Мне кажется, часто люди говорят слишком много, болтают и болтают, а смысла в этой болтовне никакого. Особенно взрослые, когда они разговаривают с детьми. Им нравится не беседовать с тобой, а произносить назидательные речи. Они хотят, чтобы ты их слушала всегда, а тебя слушать не хотят. Если ты ребенок, то это совсем не значит, что тебе нечего сказать, ведь может быть, ты знаешь что-то очень важное.

Рипли отставила чашку в сторону и вытерла коричневые капли с подбородка девочки. Под тугонатянутой кожей легко прощупывались еще не окрепшие косточки.

— Ай-яй-яй, — засмеялась Рипли. — Получилось чистое пятно. Кажется, я перестаралась. Что ж, придется доводить начатое до конца, уж слишком выделяется чистое место.

Из открытого пакета Рипли достала гибкую пластиковую бутылку со стерилизованной водой, смочила салфетку и принялась стирать с лица Ребекки застарелую грязь, въевшуюся сажу и оставшиеся следы какао. Рипли терла на совесть, но девочка сидела тихо и не сопротивлялась. Лишь ее яркие голубые глаза впервые подали признаки жизни и повернулись к Рипли.

Рипли разволновалась, но постаралась скрыть свои чувства.

— Не верится, что под всей этой грязью скрывается девочка, — приговаривала она, с преувеличением вниманием рассматривая салфетку. — Здесь столько грязи, что впору начинать раскопки. — Наклонив голову, она критически оценила результат своей работы. — В самом деле девочка. И к тому же хорошенъкая.

Рипли оглянулась и с облегчением заметила, что никто не спешит возвращаться из центра управления. В этот момент любое вмешательство могло разрушить хрупкий мостик, который Рипли с таким трудом воздвигла между собой и Ребеккой с помощью горячего шоколада и чистой воды.

Но причин для беспокойства не было. В центре управления все столпились возле главного терминала. За пультом сидел Хадсон, остальные с нетерпением ждали результатов.

На главном экране появилась трехмерная схема колонии. Подчиняясь командам Хадсона, схема медленно поползла сначала вправо, потом вверх. Сейчас Хадсон совсем забыл о зубоскальстве, он молча что-то выискивал. Ни одного грубого слова, ни единого ругательства не сорвалось с его языка. Хадсон работал. Если он и ругался, то лишь про себя. Компьютер знал все, но поиск правильных вопросов был мучительно медленным процессом.

Тем временем Берк осматривал другие устройства центра управления. Чтобы лучше видеть экран, он отошел на шаг в сторону и шепотом спросил Гормана:

— Что он ищет?

— ПП. Персональные передатчики. Каждому колонисту по прибытии на Ахеронт имплантировали такой передатчик.

— Я знаю, что такое ПП, — тихо сказал Берк. — Их производит наша Компания. Я хотел сказать, что не вижу смысла в поисках сигналов ПП. Останься в комплексе кто-то в живых, мы бы давно нашли его. Или он нас.

— Не обязательно, — вежливо, но без особого почтения возразил Горман.

Официально Берк числился в экспедиции наблюдателем, в обязанности которого входила лишь защита финансовых интересов Компании. Его участие в экспедиции оплачивалось и руководством Компании и Колониальной администрацией, но о его полномочиях в документах не говорилось ни слова. Он мог советовать, но не приказывать. Это была военная экспедиция, и возглавлял ее лейтенант Горман. На бумаге они были равны. Но не на деле.

— Возможно, кто-то еще жив, но не может передвигаться, — продолжал Горман, — например, ранен или завален обломками. Конечно, поиск ПП — дело долгое, но этого требует устав. Мы обязаны довести проверку до конца. — Горман повернулся к технику: — Хадсон, аппаратура работает нормально?

— Если в радиусе двух километров осталась хоть одна живая душа, мы ее вычислим вот здесь, — постучал по экрану Хадсон. — Но пока что один лишь фон, если не считать сигнала от ребенка.

Из дальнего угла комнаты донесся голос Вержбовски:

— А если человек умер, то его ПП все равно работает?

— Нет, новая модель ПП после смерти владельца отключается, — объяснила Дитрих, укладывая медицинские приборы. — Частично они получают подзарядку от электрического поля человека. Со смертью человека сигнал пропадает. У трупа электрическое поле отсутствует. Это единственный недостаток человека как аккумулятора.

— Ты это серьезно? — Хадсон бросил на Дитрих насмешливый взгляд. — А как ты точно отличишь, у кого переменный ток, а у кого постоянный?

— Хадсон, с тобой все ясно и без приборов. — Дитрих захлопнула медицинскую сумку. — Типичный случай аномально низкого напряжения.

Оказалось легче найти чистую салфетку, чем пытаться оттереть грязную. Теперь Рипли трудилась над ручками Ребекки, стирая грязь между пальчиками и выскабливая ее из-под ногтей. Постепенно толстый слой грязи уступал место чистой розоватой коже. Борясь с грязью, Рипли ни на секунду не переставала успокаивать девочку разговорами:

— Ума не приложу, как тебе удалось остаться живой, когда погибли все взрослые. Ты, Ребекка, очень храбрая девочка.

До ушей Рипли донесся еле слышный шепот:

— Н-ныют.

Рипли вся напряглась и поспешно отвернулась,

чтобы не выдать охватившее ее волнение. Потом, не переставая водить салфеткой по руке девочки, она наклонилась к ней.

— Извини, малышка, я не расслышала. Иногда я не очень хорошо слышу. Что ты сказала?

— Ньют. Меня зовут Ньют. Так меня все называют. Кроме брата, никто не называет меня Ребеккой.

Рипли кончила оттирать вторую ручку. Если я ничего не отвечу, подумала она, девочка снова замолчит. Но надо быть очень осторожной, чтобы ненароком не огорчить малышку. Говорить как бы между прочим и не задавать никаких вопросов.

— Что ж, Ньют так Ньют. А меня зовут Рипли — все так ко мне и обращаются. Но, если тебе захочется, можешь придумать мне любое другое имя.

На это предложение девочка ответила молчанием. Тогда Рипли взяла только что очищенную ладошку в свою руку и слегка пожала ее.

— Рада познакомиться с тобой, Ньют, — сказала она и показала на куклу, которую девочка по-прежнему крепко сжимала в руке. — А это кто? У нее есть имя? Могу поспорить, что есть. Любую куклу как-нибудь зовут. Когда мне было столько лет, сколько сейчас тебе, у меня было много кукол, и каждой я придумывала свое имя. А как же иначе их различать?

Девочка безучастно посмотрела на игрушку.

— Кейси. Это моя единственная подруга.

— А как же я?

Девочка резко подняла голову и посмотрела на

Рипли таким взглядом, что та была застигнута врасплох. Во взгляде Ньют чувствовались совсем не детские убежденность и твердость. Голос девочки был ровным и бесстрастным.

— Не хочу, чтобы ты была моей подругой.

Рипли попыталась скрыть удивление.

— Почему?

— Потому что ты скоро пропадешь, как и другие. Как все. — Ньют перевела взгляд на голову куклы. — А Кейси хорошая. Она останется со мной. А вы все пропадете. Все вы умрете и снова оставите меня одну.

В этом коротком монологе ребенка не чувствовалось ни обиды, ни злобы. Ньют никого не обвиняла, не жаловалась на предательство взрослых. Все было сказано спокойно и очень уверенно, будто речь шла о чем-то уже свершившемся. Это было не предсказанием событий, а констатацией неизбежного конца, от которого никуда и никому не уйти. Голос девочки и ее тон заставили Рипли похолодеть от ужаса больше, чем все увиденное с той минуты, когда десантный шаттл покинул орбиту «Сулако».

— Бедняжка Ньют! Твои папа и мама тоже пропали, да? Ты просто не хочешь об этом рассказывать?

Девочка молча кивнула, опустила голову и уставилась на свои коленки. Ее пальцы, сжимавшие голову куклы, побелели.

— Милая малышка, они бы вернулись, если бы смогли, — торжественно сказала Рипли. — Я уверена, они бы обязательно вернулись.

— Они умерли и поэтому не могут вернуться.

Они умерли, как и все остальные, — возразила Ньют. Было страшно ощущать ту холодную уверенность, с какой она произнесла эти слова.

— Может, и не умерли. Откуда ты знаешь?

Ньют подняла голову и какое-то время смотрела ей в глаза не мигая. Дети так не глядят на взрослых, но Ньют лишь внешне была ребенком.

— Знаю. Они умерли. Они умерли, и ты тоже скоро умрешь. Тогда я и Кейси снова останемся одни.

Рипли не отвела взгляд и не улыбнулась. Почему-то она была уверена, что этот ребенок моментально заметит малейшую фальшь.

— Посмотри на меня, Ньют. Я не собираюсь исчезать. Я не брошу тебя и не умру. Обещаю. Я останусь здесь и буду с тобой столько, сколько ты захочешь.

Девочка снова опустила глаза. Рипли чувствовала, что Ньют борется с собой, хочет поверить ее словам, старается поверить. Через несколько минут она подняла глаза.

— Ты обещаешь?

— Честное слово, — ответила Рипли и вспомнила детский жест, означавший самую суровую клятву.

— И можешь поклясться?

На этот раз Рипли не удержалась от скупой улыбки.

— Клянусь.

Рипли и Ньют молча долго смотрели друг на друга. Потом губы девочки задрожали, а глаза наполнились слезами. Напряжение понемногу отпускало ее, и маска безразличия сменилась гораздо

более естественным для ребенка выражением: теперь на Рипли смотрела просто донельзя перепуганная девочка. Ньют бросилась ей на шею и разрыдалась. Слезы ручьями стекали по только что отмытым щекам и капали на шею Рипли. Крепко прижав к себе ребенка, Рипли ласковым шепотом утешала и укачивала ее.

Потом женщине пришлось самой сдерживать слезы. Она снова ощутила страх и близость смерти. Эти чувства преследовали ее в Хадли. Оставалось лишь надеяться, что она сдержит свое обещание.

Установление отношений между Рипли и девочкой по времени совпало с другим событием. В центре управления Хадсон издал торжествующий вопль:

— Ура! Кончайте скалиться, берите ноги в руки. Я их нашел. Я же всегда вам говорил: дайте Хадсону приличную машину и он разберется и с вашими деньгами, и с вашими секретами, и даже найдет вашего давно пропавшего братца Джеда. — Он удостоил пульта управления нежным шлепком. — Этот малыш побывал в крупной переделке, но с ним еще вполне можно потрепаться.

Горман перегнулся через плечо техника.

— Как их состояние?

— Неизвестно. Эти колониальные ПП дают мощный сигнал, но подробностей не сообщают. Похоже, вся колония там.

— Где?

— Где-то на станции преобразования атмосферы, — сказал Хадсон и, сверившись с планом колонии, уточнил: — Подуровень С в южной части

комплекса. — Он постучал пальцем по экрану. — Когда дело доходит до локации, этот симпатяга — просто прелесть.

Десантники столпились возле техника, торопясь собственными глазами взглянуть на экран. Хадсон затормозил сканирование колонии и дал увеличенное изображение одного из секторов. В том месте плана, который соответствовал центральным отсекам станции, мерцало множество голубых точек, напоминавших обитателей морских глубин.

Глядя на экран, Хикс неопределенно хмыкнул:

— Похоже на общее собрание колонистов.

— Черт побери, почему все собрались именно там? — вслух размышляла Дитрих. — Мне казалось, мы пришли к единому мнению, что последняя линия обороны колонистов была здесь.

— Может быть, им удалось прорваться и найти более безопасное убежище? — предположил Горман и с видом знатока развил свою мысль: — Не забывайте, станция работает на полную мощность. Для колонистов это большое преимущество. Ладно, собирайтесь, проверим все на месте.

— Есть! Девочки, пойдем! — позвал Эйпон, надевая рюкзак.

В центре управления все зашевелились.

— Поторопитесь, мы не на почасовой оплате, — добавил Эйпон и повернулся к Хадсону: — Как туда добраться?

Хадсон уменьшил увеличение, и на экране снова появилась схема всей колонии.

— Вот тут узкий служебный коридор. До станции путь неблизкий, сержант.

В ожидании распоряжений Эйпон вопросительно посмотрел на Гормана.

— Не знаю, как вы, сержант, — сказал лейтенант, — но я не люблю длинные, узкие коридоры. Кроме того, я предпочел бы, чтобы к месту назначения десантники прибыли полными сил и чтобы на месте нас прикрывал бронетранспортер.

— Совершенно согласен с вами, сэр, — ответил Эйпон.

Он вздохнул с облегчением. Эйпон уже почти примирился с необходимостью возражать и даже спорить с лейтенантом и был очень рад, что в данном случае обошлось без разногласий. Все остались довольны, а два-три десантника одобрительно кивнули. Конечно, Горману не хватает опыта участия в боевых действиях, но по крайней мере он не дурак, подумал Эйпон.

Повернувшись к двери, которая вела в соседнюю небольшую комнату, Хикс крикнул:

— Эй, Рипли, мы собираемся на прогулку за город. Не хотите составить нам компанию?

— Мы обе поедем с вами.

Рипли вывела девочку за руку. Десантники с удивлением смотрели на них.

— Это Ньют. Ньют, это мои друзья. Теперь они будут и твоими друзьями.

Девочка молча кивнула, как бы давая понять, что в отличие от Рипли пока не считает остальных своими друзьями. Кто-то, навешивая на себя оружие, кивнул девочке в ответ, Берк ободряющее улыбнулся, а Горман выглядел озадаченным.

Ньют повернулась к своей единственной живой подруге.

— Куда мы поедем? — спросила девочка, никак не решаясь расстаться с куклой, которую она крепко сжимала в правой руке.

— В безопасное место. Скоро увидишь.

Поездка от центра управления до станции преобразования атмосферы не улучшила настроение десантников. Всеобщее опустошение, полуразрушенные пустые здания и бросавшиеся в глаза последствия тяжелых боев заметно остудили их пыл.

Всем давно стало ясно, что причина прекращения связи между колонией и Землей совсем не в ретрансляционном спутнике или поломке оборудования. Все дело в тех существах, о которых рассказывала Рипли. Колонисты прервали связь, потому что сделать так их вынудили какие-то обстоятельства. Если верить Рипли, то эти «обстоятельства» еще не ушли. Очевидно, настоящим кладезем ценнейшей информации была девочка, но никто не осмеливался мучить ее расспросами. Так распорядилась Дитрих. Ребенок только начинал выздоравливать, и травмировать его психику неприятными вопросами было опасно. По этой причине десантникам оставалось только в меру своей фантазии самим дополнять те скучные сведения, которые сообщила им Рипли, а недостатка воображения у солдат обычно не бывает.

В сумерках Вержбовски вел бронетранспортер по мощеной дороге, соединявшей комплекс сооружений колонии со станцией, расположенной примерно в километре от него. Ветер швырял в тяжелую машину тучи песка, но бронетранспортер

ни разу даже не покачнулся. Он был рассчитан на скорость ветра до трехсот километров в час, и ураганы Ахеронта были для него детской забавой. Бронетранспортер оставил позади специальную площадку, на которую сел десантный шаттл; он ждал возвращения солдат. Впереди возвышалась громада станции, мерцавшая таинственным светом. Она все продолжала улучшать негостеприимную атмосферу Ахеронта.

Рипли и Ньют, тесно прижавшись друг к другу, сидели за кабиной водителей. Верхбовски все внимание сосредоточил на управлении бронетранспортером. За толстой броней машины Ньют почувствовала себя в относительной безопасности и понемногу разговорилась. Рипли не терпелось задать ей по меньшей мере десяток вопросов, но пока она лишь слушала болтовню своей подопечной. Впрочем, иногда Ньют отвечала и на незаданный вопрос. Вот как сейчас.

— Я играла лучше всех, — сказала она, сжимая в руке голову куклы и глядя прямо перед собой. — Я хорошо знала весь лабиринт.

— Какой лабиринт? — переспросила Рипли и вспомнила, где она нашла девочку. — Ты имеешь в виду воздуховоды?

— Да, конечно, — гордо ответила Ньют. — И не только их. Я забиралась даже в тоннели, в которых уйма проводов и всяких других штук. Они в стенах, под полом. Я вообще могла залезть куда угодно. Я была асом. Я умела прятаться лучше всех. Ребята всегда говорили, что я играю нечестно, потому что я самая маленькая, а на самом деле я просто проворнее всех. И еще у

меня хорошая память. Я могла вспомнить всякое место, где была хоть раз.

— Да, ты самый настоящий ас.

Похвала польстила девочке. Рипли перевела взгляд на лобовое стекло, через которое уже была видна гигантская станция.

Сооружение не отличалось изяществом, его конструкция была строго утилитарной. Именно целесообразность была причиной уродливости. Сложное переплетение труб и резервуаров было изрядно побито песком и камнями, которые в течение двух десятилетий обрушивали на них ветры Ахеронта. Все эти годы станция не прекращала работу ни на минуту. В конце концов она и другие такие станции, разбросанные по всей планете, должны были уничтожить все вредные компоненты атмосферы Ахеронта, очистить ее, добавить полезные газы и таким образом создать биосферу с мягким климатом, напоминающим климат родины человека. Это страшилище строило прекрасный мир.

Вержбовски остановил бронетранспортер возле главного входа грозно возвышавшейся станции. Возглавляемые Хиксом и Эйпоном, десантники развернулись перед громадным люком. Вблизи рев преобразователя заглушал даже завывания ветра. Надежные машины и механизмы продолжали работать и в отсутствие хозяев.

Первым у пульта управления входным люком оказался Хадсон. Он привычно, как опытный взломщик перед очередным сейфом, пробежал пальцами по кнопкам.

— Ребята, просто удивительно. Все работает.

Он нажал какую-то кнопку, и тяжелый люк пополз в сторону, открывая широкий бетонированный проход. Он вел вниз и направо.

— Что будем делать дальше, сэр? — осведомился Эйпон.

— Следуйте по бетонированному коридору, — распорядился Горман из бронетранспортера. — Ниже будет еще один коридор. Спускайтесь до уровня С.

— Вас понял, — отозвался сержант и повернулся к десантникам. — Дрейк, пойдешь впереди. Остальные за ним парами. Шагом марш!

У пульта управления люком Хадсон на секунду задержался.

— А что будем делать с ним? — спросил он.

— Здесь никого нет. Оставь его открытым.

Десантники пошли по широкому коридору в глубь станции. Сверху падал тусклый свет. Он отражался от металлического покрытия полов, от стальной сетки, огораживавшей проходы, от стальных трубопроводов, плотно, словно трубы органа, прижатых друг к другу. Десантники включили фонари на шлемах. Со всех сторон доносилось монотонное гудение машин.

На индивидуальных мониторах в бронетранспортере изображения постоянно смешались вверх-вниз, скользили то вправо, то влево, затрудняя наблюдение. Потом, очевидно, пол стал ровнее и изображение стабилизировалось. На экранах, сменяя друг друга, мелькали огромные цилиндрические резервуары, трубопроводы, штабели пликовых ящиков, высокие металлические сосуды.

— Уровень В, — сказал Горман и взял микро-

фон: — Колонисты находятся уровнем ниже. Постарайтесь двигаться помедленней. Нам трудно уловить что-либо, когда вы быстро спускаетесь по коридору.

Дитрих обернулась к Фросту.

— Может, он хочет, чтобы мы летели? Тогда уж точно изображение плясать не будет.

— У меня другое предложение. Хочешь, я тебя понесу? — отозвался Хадсон.

— Хочешь, я тебя выкину за ограждение? — вопросом на вопрос ответила Дитрих. — Тогда изображение тоже будет очень устойчивым — пока ты не шлепнешься.

— Эй, болтуны, заткнитесь! — прорычал Эйпон.

Десантники замолчали. Они приближались к очередному повороту коридора, который спускался все ниже.

В бронетранспортере Рипли заглядывала через правое плечо Гормана, Берк — через левое, а Ньют пыталась прятаться между взрослыми. Несмотря на все старания лейтенанта ни на одном из мониторов не удавалось получить такое изображение, которое дало бы достаточно полное представление о том, что видят перед собой десантники.

— Попробуйте подстрочное усиление, — предложил Берк.

— Это я сделал в первую очередь, мистер Берк. Беда в том, что здесь слишком сильны помехи. Чем ниже они спускаются, тем большую толщу всякого хлама приходится преодолевать сигналам, а камеры на их шлемах мощностью не отличаются.

Между прочим, из чего сделана начинка этих преобразователей?

— Из композитных материалов на основе углеродного волокна. Где возможно, для большей прочности они покрыты слоем кремнезема. В переборках много металлического стекла. Что касается фундаментов и стен подуровней, то там нет надобности в подобных тонкостях. Их обычно делают из бетона, а полы — стальные с крепежными деталями из титановых сплавов.

Поняв, что ему ничего не удастся добиться от приборов, Горман не стал сдерживать раздражения:

— Черт возьми! Конечно, если отключить станцию и аварийные источники питания, изображение улучшится, но тогда единственным источником освещения станут фонари на шлемах солдат. Неизвестно, что лучше. — Не отрывая глаз от расплывшихся изображений на экранах, лейтенант сокрушенно покачал головой и наклонился к микрофону: — Мы не можем понять, где вы находитесь. Что перед вами?

В наушниках прозвучал искаженный помехами голос Хадсона:

— Это я у вас должен спросить. Я здесь только делаю свое дело.

Лейтенант повернулся к Берку:

— Это строила ваша Компания?

Берк подался к видеомониторам, напряженно вглядываясь в смутные изображения, передаваемые из глубины станции.

— Нет, черт меня побери!

— Следовательно, вы не знаете, что это такое?

— Понятия не имею. Никогда в жизни не видел ничего подобного.

— Могли ли колонисты построить это сами?

Берк, не отрываясь от экранов, с минуту подумал, потом покачал головой:

— Если их построили они, то это стопроцентная импровизация. Ни в одной инструкции по строительству и монтажу станций ничего подобного нет.

Помимо обычного переплетения трубопроводов, резервуаров и кабелей на нижнем уровне станции появилось нечто новое. С первого взгляда становилось ясно, что нововведение не было результатом какой-то аварии, а создавалось с определенными целями, по определенному плану. Все новые конструкции были изготовлены из странного материала, казавшегося влажным, местами блестящим, местами матового; он напоминал отвердевшую эпоксидную смолу или застывший клей. Кое-где свет проникал на несколько сантиметров в глубь необычного вещества и обнажал его сложную внутреннюю структуру. А местами материал был непрозрачен. Насколько можно было понять, глядя на экраны видеомониторов, разнообразием окраски он не отличался: преобладали приглушенные сероватые и зеленоватые тона и лишь иногда попадались темно-зеленые пятна.

Замысловатые конструкции отличались друг от друга и размерами: диаметр самых маленьких из них не превышал полуметра, но изредка встречались гиганты до десяти метров в поперечнике. Эти сооружения, напоминавшие камеры или со-

суды, были соединены причудливо изогнутыми тонкими трубками, на первый взгляд довольно хрупкими. При ближайшем рассмотрении оказалось, что по прочности они не уступают стальному тросу. В глубь этого лабиринта из камер и трубок уходило несколько тоннелей, а пол под камерами был испещрен странными коническими углублениями. Новые сооружения настолько сливались с оборудованием станции, что нередко трудно было сказать, где кончается оно и начинается нечто чуждое человеческой природе. Кое-где камеры и трубы почти копировали оборудование станции и никто не мог определить, сделано это случайно или намеренно.

Насколько позволяли увидеть видеокамеры десантников, комплекс поблескивавших в полумраке чужих сооружений тянулся по всему уровню С. Хотя смолистые камеры и трубы заполняли все пространство между оборудованием и арматурой станции, почему-то они не мешали ее работе. Станция монотонно гудела, не обращая внимания на причудливые конструкции, заполнившие весь ее нижний уровень.

Лишь Рипли могла догадываться, на что наткнулись десантники, но от ужаса она потеряла дар речи. Словно зачарованная, смотрела она на экраны, постепенно осознавая, что много лет назад уже видела нечто подобное.

Горман случайно обернулся и обратил внимание на необычное выражение ее лица.

— Что это такое? — спросил он.

— Не знаю.

— Вы знаете больше любого из нас. Не

молчите, Рипли. Соберитесь с мыслями. Я бы многое отдал за любую разумную догадку.

— Я в самом деле не знаю. Кажется, я видела нечто подобное, но я не уверена... Здесь все намного запутаннее, гораздо сложнее...

— Дайте мне знать, если вспомните. — Разочарованный лейтенант нагнулся к микрофону: — Сержант, продолжайте движение.

Десантники с опаской двинулись по лабиринту. Свет их фонарей отражался от покрытых смолообразной массой стен. Чем дальше в глубь лабиринта уходил отряд, тем сильнее было впечатление, что все эти сооружения не построены, а скорее выращены или секретированы неведомыми чудовищами. Иногда десантникам казалось, что они находятся во чреве какого-то гигантского существа.

Для чего бы ни предназначались эти камеры и трубки, одна из их функций была очевидна: они утилизировали тепло термоядерного реактора. В лабиринте было жарко, с потолка капало, над лужами поднимался пар. Попадая на особенно горячие детали, капли с шипением вскипали, и это шипение казалось дыханием станции.

— Впереди вроде бы попросторней, — доложил Хикс.

Он поводил видеокамерой из стороны в сторону. Отряд входил в большое помещение с куполообразным потолком. Стены здесь были совсем другими. Лишь благодаря длительной тренировке никто из десантников не содрогнулся от ужаса, не закричал, не потерял рассудка.

— Боже! — пробормотала Рипли.

Остолбеневший Берк выругался вполголоса.

На экранах появилось изображение стены, освещенной фонарями десантников. В отличие от гладких стен коридоров ее поверхность была неровной, грубой. В сущности все стены огромной камеры представляли собой гигантский барельеф, сложенный из обломков мебели, обрывков проводов, деталей электронных приборов и машин, личных вещей колонистов, частей их одежды, человеческих костей и черепов. Все это было принесено сюда из поселка и плотно склеено тем же полупрозрачным веществом, напоминавшим отвердевшую эпоксидную смолу.

Хадсон провел перчаткой по стене, осторожно коснулся того места, где под слоем смолы были видны ребра человека. Он попытался отковырнуть кусочек материала, но ему не удалось даже поцарапать его.

— Вы когда-нибудь видели подобное вещество?

— Ни разу в жизни, — ответил Хикс. Если бы не шлем, он непременно сплюнул бы. — Я не химик.

Все обернулись к Дитрих, ожидая услышать ее мнение.

— Похоже на клеобразные выделения желез каких-то организмов, — сказала она. — Рипли, уж не твои ли озорники так плюются?

— Я... я не знаю, как они выделяют эту смолу, но я ее видела прежде, правда, не в таких количествах.

Горман сжал губы. Он постепенно приходил в себя.

— Похоже, они разнесли вдребезги всю коло-

нию в поисках строительного материала, — сказал лейтенант и показал на экран видеомонитора Хикса. — Вот здесь замурована целая упаковка чистых дисков.

— А вот портативные элементы питания. — Берк кивнул в сторону другого экрана. — Дорогие штучки. И все переломаны.

— Вы забыли про колонистов, — заметила Рипли. — То, что осталось от них, твари тоже притащили сюда.

Она повернулась к стоявшей рядом насупившейся Ньют.

— Ньют, ты бы лучше посидела в кабине. Иди, малышка.

Девочка кивнула и ушла.

По мере того как отряд спускался в более глубокие отсеки уровня С, клубы пара становились все плотнее. Соответственно росла и температура.

— Ну и пекло! — проворчал Фрост.

— Да, — язвительно подтвердил Хадсон, — только здесь еще и сухой пар.

Рипли посмотрела на небольшой экранчик со схемой станции.

— Отряд находится как раз под первичными теплообменными аппаратами, — заметила она.

— Да, — отозвался Берк. Он не отрывал глаз от кадров, передаваемых камерой Эйпона. — Возможно, эти организмы любят тепло. Поэтому они и построили...

— Я вовсе не то имела в виду, Горман, если вашим десантникам придется пустить в ход оружие, они выведут из строя систему охлаждения реакторов.

Берк вдруг понял, к чему клонит Рипли.

— Она права, — сказал он.

— Ну и что? — спросил лейтенант.

— А то, — продолжала Рипли, — что тогда из системы охлаждения будут спущены фреон и вода, конденсированная из здешней атмосферы.

— Прекрасно, — Горман постучал пальцами по экрану. — Ребятам будет прохладней.

— Сначала им будет прохладней, но потом станет слишком жарко.

— Почему?

— Откажет система управления термоядерным реактором.

— Ну и что? И что из того? — Горман выругался про себя. И почему эта женщина никак не доберется до сути дела? Неужели она не понимает, что он направляет поиски десантников, руководит всей операцией?

— Я хотела сказать, что тогда последует термоядерный взрыв.

Это заявление заставило Гормана задуматься. Он оценил возможные последствия в каждом случае. У него оставался единственный вариант, что облегчало принятие решения.

— Эйпон, отберите у всех магазинные коробки любого стрелкового оружия. Там, где вы находитесь, стрелять нельзя.

Приказ слышал не только Эйпон. Десантники обменялись недоуменными взглядами.

— Он что, с ума сошел? — Вержбовски инстинктивно прижал оружие к груди, как будто опасался, что Горман вот-вот спустится и лично разоружит его.

Хадсон едва не зарычал.

— А чем, интересно, мы будем драться? Или просто пожурим их? — Он включил свой микрофон. — Эй, лейтенант, может, вы хотите, чтобы мы применили дзю-до? А если у них нет рук?

— Руки у них есть, — серьезно ответила Рипли.

— Вы не голым оставетесь, Хадсон, — сказал Горман. — У вас есть другое оружие.

— А что, мысль неплохая, — пробормотала Дитрих.

— Какая, использовать другое оружие? — переспросил Вержбовски.

— Нет. Пустить вперед голого Хадсона. Такого зрелица ни одно живое существо не вынесет.

— Дитрих, заткнись, — отозвался Хадсон.

— Ни за что, — ответила Дитрих и со вздохом вытащила полный магазин из своего карабина.

— Применять следует только огнеметы. — Тон Гормана не допускал двусмысленных толкований. — Карабины всем взять на плечо.

— Все слышали, что сказал лейтенант? — Эйпон обходил десантников, собирая магазинные коробки. — Вытаскивайте.

Через минуту все стрелковое оружие стало не опаснее палок. С большой неохотой отдала сумку с боеприпасами для смартгана Васкес. У троих десантников, кроме обычного оружия, были ручные огнеметы. Их извлекли из чехлов, собрали и проверили. Тайком от Эйпона и товарищей Васкес вытащила из заднего кармана запасную магазинную коробку и быстро вставила ее в свой карабин.

Улучив момент, когда видеокамеры сержанта и остальных десантников отвернулись от него, Дрейк сделал то же самое. Операторы смартганов молча подмигнули друг другу.

Хикс подмигивать было некому, не было у него и самонаводящегося оружия, которое можно было бы зарядить тайком от сержанта и лейтенанта, зато к подкладке его боевого бронежилета был прикреплен цилиндрический чехол. Хикс расстегнул бронежилет, раскрыл чехол и вытащил древнее двуствольное ружье с обрезанным стволом двенадцатого калибра. Хадсон, не скрывая профессионального интереса, наблюдал, как капрал извлек бережно сохраняемую реликвию, щелкнул затвором и загнал заряд в патронник.

— Где ты достал эту штуку, Хикс? Я давно заметил, что у тебя под бронежилетом что-то есть, и подумал, уж не запасся ли ты бутылкой виски, да только на тебя это не похоже. Стащил в каком-нибудь музее?

— Я получил его по наследству. Занятная штука, правда?

— Да, здорово. А на что эта штука способна? Хикс показал ему патрон.

— Это, конечно, не твоя современная сверхскоростная бронебойная пуля, но я бы не хотел получить такой игрушкой в морду, — сказал он и, понизив голос, продолжил: — Я всегда держу обрез при себе. На всякий случай, если доведется столкнуться с неприятелем нос к носу. Правда, с мало-мальски дальнего расстояния им не собьешь и шляпки с гриба.

— Да-а, занятная штука... — протянул Хадсон,

не сводя с обреза восхищенного взгляда. — Ты, Хикс, видно, любитель старины.

— Есть такая слабость, — скромно улыбнулся капрал.

Десантников прервал Эйпон, занявший позицию во главе отряда.

— Пошли, ребята. Хикс, кажется, тебе нравится тащиться в хвосте, так что будешь прикрывать нас с тыла.

— С удовольствием, сержант.

Капрал взял станичный обрез на плечо и, слегка поддерживая его одной рукой, положил палец на тяжелый спусковой крючок. Хадсон ободряюще усмехнулся, показал Хиксу поднятый вверх большой палец и не торопясь побрел на свое место во главе отряда. В тяжелом, насыщенном клубами пара воздухе свет фонарей на шлемах быстро рассеивался. У Хадсона возникло такое ощущение, будто они пробиваются через джунгли из стали и пластика.

В его наушниках зазвучал далекий, искаженный голос Гормана:

— Есть ли движущиеся объекты?

Казалось, лейтенант находится за десятки миль, хотя его отделяли лишь два уровня станции. Техник не сводил взгляда с индикатора искателя.

— Сэр, докладывает Хадсон. Пока ничего. Фон. Здесь внизу движется только воздух.

Повернув за угол, Хадсон поднял голову. То, что он увидел, заставило его забыть и об искателе, и о станичном ружье Хикса, и обо всем на свете.

Прямо перед ним высилась изуродованная

складками и выступами стена. Это нечеловеческое творение казалось бредовым вариантом роденовских «Врат ада». Все пропавшие колонисты были заживо погребены здесь в той же смоле, из которой таинственные твари слепили камеры и трубы, тоннели и ямы и с помощью которой превратили нижний уровень станции в неземной кошмар, способный свести с ума человека.

Твари втискивали колонистов в коконы, не заботясь об их удобстве. Руки и ноги пленников были вывернуты и скручены самым невероятным образом, а порой и просто переломаны во многих местах, очевидно, для того, чтобы несчастные жертвы заняли нужное тварям положение. Головы многих были повернуты под неестественным углом. Некоторые тела уже превратились в высущенные скелеты, на которых сохранились лишь остатки разлагающейся плоти и кожи; кости других были очищены добела. Этим колонистам повезло, им была дарована сравнительно быстрая смерть. Независимо от того, где и как располагалось тело в стене, у них было нечто общее: их ребра были отогнуты вперед, словно грудина пленника взрывалась изнутри.

Десантники медленно входили в большую камеру, где еще зрели эмбрионы чужих тварей. Никто не проронил ни слова, все угрюмо смотрели на стену. Среди них не было ни одного, кому не приходилось бы хоть раз смотреть в лицо смерти, но то, что они увидели сейчас, было хуже. Это было надругательством над человеком.

Дитрих подошла к тому месту, где под слоем смолы было замуровано пока не тронутое тленом

женское лицо, иссушеннное, бледное, будто призрак. Женщина была еще жива. Когда она почувствовала чье-то присутствие, какое-то движение, ее веки дернулись и поднялись. В ее глазах светилось безумие. Невыразительным, мертвым голосом женщина что-то прошептала. Пытаясь понять ее, Дитрих наклонилась к стене.

— Пожалуйста... убей меня.

Дитрих в ужасе широко раскрыла глаза и отшатнулась от стены.

За толстой броней боевой машины Рипли оставалось лишь смотреть на экраны и до крови кусать губы — от сознания собственного бессилия. Она знала, что последует вскоре, чем вызвана ужасная просьба женщины, знала, что никто не сможет ей помочь — разве только выполнит эту последнюю мольбу. В наушниках было слышно, как кого-то из десантников вырвало, но никто даже не улыбнулся этой понятной человеческой слабости.

Замурованная в стене женщина стала корчиться в судорогах. Каким-то чудом она нашла в себе силы, чтобы закричать. В ушах десантников долго не умолкал безумный вопль предсмертной агонии. Рипли шагнула к ближайшему микрофону, намереваясь предупредить об опасности, но не смогла вымолвить ни слова.

Впрочем, в этом не было необходимости. Солдаты не зря слушали ее рассказ, не зря тратили время на приготовленные ею диски.

— Огнеметы! — рявкнул Эйпон. — Живо!

Фрост протянул свой огнемет сержанту и отступил в сторону. Эйпон схватил оружие, в тот

же момент грудь женщины разорвалась, и из нее брызнул фонтан крови. Издавая злобное шипение, в образовавшейся полости показалась отвратительная зубастая голова.

Эйрон нажал на спусковой крючок. Еще два десантника, тоже вооруженные огнеметами, последовали его примеру. Камеру заполнили яркие вспышки горящего напалма. Стало невыносимо жарко. Пламя пожирало стену и замурованных в ней людей — точнее, то, что еще оставалось от них. Коконы и их содержимое плавились, текучая масса, полупрозрачная и густая, как карамель, стекала на пол. Все, что могло гореть, было выжжено до конца. Не успевшая обуглиться смола разлилась огромной лужей у ног десантников, словно была сделана из пластика. Только смрадный запах горелой плоти говорил о том, что это был вовсе не пластик.

Все внимание десантников было поглощено этой стеной и огнеметами. Никто не заметил, как задрожала часть другой стены.

8 Растигнувшись в укромной нише так, что ее тело почти сливалось со стенами, спала чужая тварь. Ее разбудили клубы дыма от горящих коконов и человеческих тел. Из-за этого дыма человек ничего не смог бы разглядеть и в метре от себя. Тварь осторожно поднялась из своего убежища.

Что-то заставило Хадсона бросить взгляд на индикатор искателя. Его зрачки расширились, и он в смятении крикнул:

— Движущийся объект! Прибор регистрирует движение!

— Где?! — заорал Эйпон.

— Не могу сказать. Здесь слишком тесно, помещение мало и много людей.

— Не неси чепуху, Хадсон. — В голосе сержанта чувствовалось раздражение. — Доложи, как полагается. Где движущийся объект?

Техник всеми силами старался уточнить показания прибора. С этими искателями всегда одна проблема: они надежные, но неточные.

— Ага, похоже, движение передо мной и сзади.

В бронетранспортере Горман отчаянно крутил регуляторы усиления и резкости на индивидуальных видеомониторах.

— Эйпон, нам здесь ничего не видно. Что у вас происходит?

Только Рипли точно знала, что там происходит и чем все это кончится. Она тоже ничего не видела, но сразу почувствовала опасность — так человек ночью не видит, но ощущает ногами морскую волну, набежавшую на песчаный берег. Рипли нащупала микрофон, она снова обрела дар речи.

— Горман, прикажите отряду отходить. Немедленно выводите людей со станции.

Лейтенант свирепо посмотрел на нее.

— Не приказывайте мне, леди. Я знаю, что делаю.

— Возможно. Но вы понятия не имеете о том, что там происходит.

На уровне С вдруг будто ожили уцелевшие стены и потолок. Просыпавшиеся твари выпускали

когти, способные рвать толстый металл, бесшумно зашевелили мощнейшими челюстями. Чувствуя опасность, пришельцы с Земли старались следить за этими пока для них неясными, неопределенными движениями, почти незаметными в клубах дыма.

Эйпон невольно попятился.

— Включить приборы ночного видения! Внимательней, ребята!

Приборы со щелчком стали на место. На их полупрозрачных экранчиках появились странные изображения: силуэты кошмарных тварей, беззвучно, как привидения, двигавшиеся в клубах дыма и пара.

— Множественный сигнал, — доложил Хадсон. — Приближаются со всех сторон.

Первой не выдержала Дитрих. Она резко повернулась, намеренная немедленно бежать из этого ада. В тот же момент из облака дыма появилось высокое и невероятно сильное чудовище. Своими длинными лапами, будто стальными прутьями, оно обхватило Дитрих и сдавило ее так, что та вскрикнула и невольно нажала на спусковой крючок своего огнемета. Огненная струя угодила во Фроста, мгновенно превратив того в слепо спотыкающийся живой факел. Его предсмертный вопль эхом отозвался в наушниках всех десантников.

Эйпон крутился на месте, стараясь хоть что-то разглядеть в этом кромешном аду, который лишь кое-где неглубоко прорезали лучи фонарей на шлемах. Даже приборы ночного видения мало помогали из-за располагавшихся уровнем выше

теплообменников, которые выделяли слишком много тепла. Сержант почти ничего не видел, но слышал очень многое.

В бронетранспортере Горман беспомощно следил за тем, как вдруг погас видеомонитор Фроста, а затем на экране его биомонитора зигзаги, означавшие жизнь, быстро выровнялись, превратившись в суровые прямые. На еще светившихся экранах других видеомониторов невозможно было что-либо понять. Свет от пламени горящего напалма, выбрасываемого оставшимися двумя огнеметами, оказался слишком большой нагрузкой для светочувствительных элементов, и видеокамеры передавали на бронетранспортер почти одни сигналы яркого фона.

В этом всеобщем смятении и хаосе Васкес и Дрейк с трудом отыскали друг друга. Васкес многозначительно кивнула напарнику и со щелчком загнала в смартган скрытую от сержанта магазинную коробку.

— Давай займемся делом, — сказала она.

Встав спинами друг к другу, они одновременно открыли огонь из двух смартганов. На стены камеры пролегли две огненные дуги — будто сварные швы на корпус строящегося космического корабля. В сравнительно небольшом помещении рев двух тяжелых орудий смерти заглушил все другие звуки. Для слуха операторов этот рев был прекраснейшей музыкой.

В их наушниках раздался голос Гормана, едва пробивавшийся сквозь шум сражения:

— Кто стреляет? Я же запретил использовать тяжелое оружие!

Васкес сорвала наушники. Теперь все ее внимание было приковано только к экранчику системы наведения. Она слилась в единое целое со своим оружием. Помещение заполнили грохот и вспышки выстрелов и разрывающихся снарядов, пламя и дым горящего напалма, крики людей и вопли чужих тварей. Уровень С превратился в маленький Армагеддон, но Васкес была поразительно спокойна. Возможно, примерно таким она представляла себе не ад, а рай.

Когда в бронетранспортере громкоговорители донесли до ушей Рипли еще один предсмертный крик, она вздрогнула. Перестали поступать сигналы от камеры Вержбовски. Одновременно выровнялись и кривые на его биомониторе. Рипли сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Ей нравился спокойный Вержбовски.

А что она вообще здесь делает? Почему она не дома, пусть униженная и лишенная лицензии офицера космического флота, пусть в крохотной квартирке, но зато в безопасности, в компании Джонса, вместе с обычными людьми, наделенными здравым смыслом? Почему она согласилась лететь в это царство кошмаров и ужасов? Может, это было проявлением альтруизма? Она ведь с самого начала знала истинную причину прекращения связи между Ахеронтом и Землей! Или ей не терпелось снова получить эту чертову лицензию пилота?

В глубинах станции обезумевшие, охваченные паникой десантники старались перекричать друг друга на единственной частоте индивидуальной связи. Рипли пыталась уловить хотя бы несколько фраз. Громче всех кричал Хадсон. Немудреный

прагматизм техника взял верх над основами тактики военных действий.

— Бежим отсюда!

Еще Рипли слышала, как на кого-то заорал Хикс. Судя по голосу, капрал был растерян не меньше любого рядового.

— Не в тот тоннель, в другой! — кричал он.

— Ты уверен? — переспросил Кроу и резким движением уклонился от лап невидимого на экране врага. Экран регистрировал лишь клубы дыма, а в них неясные силуэты неведомых существ. — Осторожно... сзади! Быстрей, шевелись!

Горман медлил. Он оставил в покое видеомониторы. Рипли понимала, что сейчас нужно не только нажимать кнопки, необходимо срочно принять какое-то решение, но растерянный взгляд и посеревшее лицо лейтенанта говорили о том, что никакого решения у него нет.

— Да прикажите же наконец им отходить! — выкрикнула Рипли. — Прикажите немедленно!

— Помолчите! — Горман судорожно глотал воздух, не сводя безумного взгляда с приборов. Все рухнуло, его тщательно продуманный план с треском провалился. На тех экранах, что еще не успели погаснуть, обстановка менялась слишком быстро, не оставляя времени на размышления. — Да замолчите же!

Микрофон Кроу донес до Гормана и Рипли скрежет разрываемого металла. Еще один крик, еще один экран погас. Лейтенант пробормотал что-то нечленораздельное, очевидно, пытаясь хотя бы не потерять самообладание, если уж полностью утрачен контроль над ходом боевой операции.

— Э... Эйпон, приказываю подавить противника огнеметами и группами отходить к бронетранспортеру. Передачу закончил.

Ответ сержанта утонул в шуме помех, реве огнеметов и грохоте смартганов.

— Повторите! Что вы сказали про огнеметы?

— Я сказал... — Горман повторил приказ.

В сущности, было неважно, слышал кто-то из десантников приказ Гормана или нет. Попавшие в ловушку солдаты едва успевали отстреливаться, у них просто не было ни секунды на то, чтобы слушать и рассуждать.

Лишь Эйпон пытался настроить наушники, чтобы понять суть бессмысленных приказов. Голос Гормана был искажен до неузнаваемости. Система связи между центром тактического управления и десантниками работала безотказно в любых условиях, даже под водой, но здесь происходило нечто такое, чего никак не могли предугадать конструкторы, чего не мог предвидеть никто, потому что человек никогда не попадал в подобные ситуации.

За спиной сержанта кто-то вскрикнул. К черту Гормана, решил Эйпон и переключился на частоту связи между десантниками.

— Дитрих? Кроу? Отзовитесь! Вержбовски, где ты?

Он уловил какое-то движение слева и резко развернулся, едва не выстрелив в голову Хадсону. В глазах техника застыл непреодолимый ужас, он был на грани безумия и с трудом узнал Эйпона. Вся его наигранная бравада бесследно испарилась. Он был настолько перепуган, что даже не пытался скрыть свой страх..

— Вляпались! Мы все здесь сдохнем!

Эйпон сунул ему в руку магазинную коробку. Хадсон вставил ее в патронник своего карабина, стараясь не упускать из виду происходящее вокруг.

— Так лучше? — спросил Эйпон.

— Да, конечно. Конечно! — благодарно ответил Хадсон. — Черт с ними, с теплообменниками!

Он почувствовал сбоку от себя какое-то движение, резко повернулся и выстрелил. Ощущение надежного оружия в руках и несильной отдачи после выстрела помогло ему прийти в себя и вернуть хотя бы долю прежней уверенности.

Справа от Эйпона Вассес непрерывно поливала огнем все и вся, что находилось от нее на расстоянии более метра, будь то живая тварь или мертвая, ее кокон или просто что-то из оборудования станции, все, кроме своих товарищей. В этот момент она могла показаться неуправляемой, но Эйпон знал, что это не так. Утратить Вассес самоконтроль, и через минуту никого из них не осталось бы в живых.

Хикс бросился к ней. Вассес, неспешно поворачиваясь, выпустила длинную очередь. Когда ствол ее тяжелого орудия опасно приблизился, капрал нырнул вниз, и огненная струя отбросила нацелившееся было на него чудовище. Его когти были всего в нескольких сантиметрах от шеи Хикса.

В центре тактического управления внезапно на мгновение ярко вспыхнул и тут же погас экран монитора Эйпона. Горман не сводил с него взгляда, будто надеялся оживить и экран и того, чья камера передавала на него изображение.

— Я же приказал им отступать, — неуверенно проговорил он. — Должно быть, они не слышали приказа.

Рипли подошла к лейтенанту вплотную, взглянула в его испуганное, растерянное лицо.

— Они же там отрезаны. Сделайте хоть что-нибудь!

Горман медленно поднял глаза. Губы его почти беззвучно шевелились, он пробормотал что-то нечленораздельное и едва заметно покачал головой.

От него помочи ждать нечего, поняла Рипли. Это конченый человек. Берк прислонился к противоположной стене, словно отстранившись и от немногих еще светящихся экранов, и от сражения, кипевшего в чреве станции.

Оставшимся в живых десантникам могло помочь только немедленное подкрепление, удар по чужим тварям с тыла. Горман не собирался ничего предпринимать, а Берк не мог. Значит, оставалась только она одна, единственное существо человеческого рода, к которому с уважением относился кот по имени Джонс.

Рипли ни секунды не сомневалась в том, что предпринял бы кот, окажись он на ее месте: он бы развернул этот бронетранспортер и на предельной скорости погнал его к посадочной площадке. Потом на десантном шаттле он поднялся бы на борт «Сулако» и, впав в гиперсон, отправился домой. Маловероятно, чтобы в колониальной администрации нашелся хоть один неверующий, который и на этот раз усомнился бы в достоверности ее отчета. В качестве доказательств она предъявила бы им едва не сошедшего с ума

Гормана и лишившегося дара речи Берка, а еще те записи, которые с видеокамер десантников автоматически переносились в память компьютера на бронетранспортере. Тогда она с удовольствием посмотрела бы на гладкие, самодовольные рожи представителей Компании.

Убирайся отсюда немедленно, отправляйся домой, улетай, подсказывали ей разум и инстинкт самосохранения. Ты уже получила все доказательства, ради которых прилетела сюда. Колония разрушена до основания, из колонистов в живых остался один человек, остальные мертвы или их постигла такая участь, по сравнению с которой даже смерть кажется избавлением. Отправляйся на Землю и следующий раз возвращайся сюда с целой армией, а не с горсткой солдат. С самолетами, способными летать в здешней атмосфере, — для прикрытия с воздуха. С тяжелыми орудиями. Если понадобится, пусть армия выжжет все живое, сровняет все строения с поверхностью планеты, но только будет лучше, если они обойдутся без тебя.

Все так, все правильно, но у этого плана был один существенный недостаток. Улететь сейчас — значило оставить Вассес, Хадсона, Хикса и всех других сумевших пока уцелеть людей на милость чужим тварям. Если им повезет, они будут убиты. В противном случае чудовища замуруют их в коконы — в качестве компенсации за тех колонистов, которых десантники из милосердия сожгли заживо.

На это Рипли пойти не могла. Она бы не смогла жить, сознавая, что обрекла на верную гибель

людей. Она бы видела лица десантников и слышала их крики каждый раз, как только прислонит голову к подушке. Если сейчас она бросит их, то взамен одного кошмара наяву получит сотни, тысячи ночных кошмаров. Невыгодная сделка. Снова трезвый расчет обернулся против нее.

То, что она собиралась предпринять, приводило Рипли в ужас, но неуемная злость на бесполезного и беспомощного Гормана, на Компанию, пославшую ее сюда с совершенно зеленым офицером и десятком солдат (конечно, только ради того, чтобы не слишком тратиться на экспедицию), заставила ее, миновав окаменевшего лейтенанта, пройти в кабину водителей.

Там ее ждала единственная оставшаяся в живых колонистка. Она встретила Рипли серьезным взглядом.

— Ньют, отправляйся в задний отсек и пристегни ремни безопасности.

— Ты собираешься за солдатами, да?

Возясь с ремнями в кресле водителя, Рипли помедлила с ответом.

— Так надо, — наконец ответила она. — Там внизу остались живые люди, и мы должны им помочь. Ты ведь понимаешь?

Девочка кивнула. Она все прекрасно понимала. Рипли щелкнула замками ремней, а Ньют поспешила в задний отсек.

Рипли посмотрела на панель управления. Теплый свет, исходивший от шкал и индикаторов, дремлющих, но готовых в любой момент включиться в работу приборов, подействовал на нее успокаивающее. Пусть Горман и Берк не в состо-

янии ни пошевелиться, ни произнести хоть слово, зато двигатель бронетранспортера в порядке, его не может сковать психический шок. Она уверенно села в кресло водителя, с благодарностью вспомнив последний год, когда ей пришлось управлять самыми разными погрузочными и транспортными машинами. Мощные турбины успокаивающие загудели, и бронетранспортер вздрогнул, как бы подтверждая, что он готов к бою.

Вибрация двигателя словно разбудила Гормана, вернула его в реальный мир. Не вставая с кресла, он крикнул:

— Рипли, что вы делаете?!

Рипли не обратила внимания на крик, решив, что сейчас ей нельзя отвлекаться. Она включила передачу, и тяжелая машина, развернувшись на месте, неторопливо двинулась к огромному входному люку станции.

Оттуда вырывались клубы дыма. Когда Рипли, повернув бронетранспортер направо, на большой скорости повела его вниз по широкому коридору, машину немного занесло. Пока проблем с движением не возникало, ширины коридора было вполне достаточно. Он был рассчитан на то, чтобы по нему могли проехать мощные бульдозеры и другая строительная техника. Все колониальные постройки сооружались с большим запасом объема и прочности, и все же под тяжестью бронированной машины металлические конструкции станции слегка прогнулись. К счастью, они не треснули, и Рипли погнала бронетранспортер вперед. Она нажимала на кнопки независимого управления колесами с такой си-

лой, будто именно они несли ответ за все беды, обрушившиеся на нее.

Дым и туман не позволяли разглядеть что-либо на экране внешнего обзора, и Рипли включила автопилот. Бронетранспортер ловко обходил стены и ограждения. Двадцать раз в секунду лазерные устройства измеряли расстояние между машиной и возникавшими на ее пути препятствиями, двадцать раз в секунду эти данные поступали в главный компьютер, который теперь управлял бронетранспортером. Рипли была уверена в автопилоте и не сбавляла скорости.

Горман наконец оторвался от экранов в центре управления, на которых мелькали еле различимые стены тоннелей и коридоров, снял ремни безопасности и, пошатываясь, побрел в носовую часть бронетранспортера. Рипли гнала машину на предельной скорости даже на самых крутых поворотах, и лейтенанта бросало из стороны в сторону.

— Что вы делаете?

— А как вы думаете, что я делаю? — не поворачиваясь к Горману, вопросом на вопрос ответила женщина. Все ее внимание было приковано к пульту управления.

Лейтенант положил руку ей на плечо.

— Немедленно поворачивайте! Это приказ.

— Горман, вы не имеете права мне приказывать. Я человек гражданский, вы не забыли?

— Это военная экспедиция, и руководят ею военные. Как старший офицер я приказываю вам немедленно развернуть машину!

Рипли стиснула зубы и, не сводя взгляда с видеомониторов внешнего обзора, ответила:

— Горман, убирайтесь к черту. Мне некогда болтать с вами.

Лейтенант наклонился и хотел было силой вытащить Рипли из кресла, но вовремя подошедший Берк отшвырнул его. Ей следовало бы поблагодарить представителя Компании, но и на это не было времени.

Бронетранспортер уже спустился на уровень С. Рипли отключила автопилот и лазерные устройства, перешла на ручное управление и так круто повернула машину, что ее огромные колеса жалобно взвизгнули. Двигатель работал на предельных оборотах, и тяжелый бронетранспортер несся вперед, круша на ходу и станционное оборудование, и сложные конструкции, созданные чужими тварями. Рипли отыскала на приборной панели блок управления наружными сигнальными устройствами: мощными прожекторами, сиреной, мигающими огнями. Ладонью она нажала на все кнопки сразу.

Пространство вокруг бронетранспортера осветили мощные дуговые натриевые лампы прожекторов, включились инфракрасные системы наведения, вращающаяся антенна локатора, мигающие огни, пронзительно завыла боевая сирена. Экраны индивидуальных видеомониторов вновь ожили, но Рипли не было надобности поворачиваться к ним — путь ей указывали вспышки выстрелов, просматривавшиеся впереди сквозь толстую стену, слепленную тварями из той же ужасной смолы. Свет от вспышек и разрывов рассеивался так странно, что казалось, будто огороженная этой стеной камера с коконами пульсирует изнутри.

Рипли до отказа нажала на акселератор. Бронетранспортер, как пушечное ядро, прошел сквозь овальную перегородку. В стороны полетели куски смолы, обломки замурованных в стену предметов. Рипли круто развернула бронетранспортер, и тот своей хвостовой частью довершил разрушение.

Из клубов дыма появился Хикс. Он на ходу отстреливался из большого импульсного карабина, который держал в одной руке. Другой он поддерживал сильно хромавшего Хадсона. Эти двое как-то держались — благодаря недюжинной физической силе, огромной выносливости и собственной решимости. Рипли повернулась и крикнула в глубь бронетранспортера:

— Берк, они подходят!

В шуме и грохоте Рипли с трудом расслышала ответ:

— Уже иду! Держитесь!

Берк добрался до входного люка, долго возился с незнакомыми кнопками и ручками и, наконец, открыл его. Вслед за Хиксом и Хадсоном из сплошной стены дыма и огня появились оба оператора смартганов. Они отступали к бронетранспортеру более расчетливо, держась плечом к плечу, отстреливаясь на ходу и прикрывая друг друга. Почти у самого входа смартган Дрейка замолчал. Движением, доведенным до автоматизма, он отбросил крепления. Не успело оружие упасть на пол, как Дрейк уже снял с ремня и пустил в ход огнемет. Оглушительный свист струи горящего напалма смешался с грохотом еще работавшего смартгана Вассес.

Хикс добрался до бронетранспортера, положил оружие и почти вбросил раненого Хадсона в люк, потом кинул туда же свой карабин и одним прыжком оказался на борту машины. Васкес все еще вела огонь, когда Хикс схватил ее под мышки и потащил в люк. В этот момент за спиной Дрейка появился зловещий темный силуэт. Повисшая на руках Хикса Васкес успела изменить прицел.

Огненная струя буквально рассекла чужую тварь пополам, и из ее туловища фонтаном брызнула ярко-желтая жидкость. Попала она и на Дрейка. Он зашатался, над его головой и грудью, которые быстро растворяла едкая кровь, поднялся дымок. Дрейк стал заваливаться на спину, его пальцы судорожно дернулись и нажали на спусковой крючок огнемета. Оружие выплюнуло струю горящего напалма.

Пламя лизнуло открытый люк бронетранспортера. Васкес и Хикс едва успели отскочить в сторону, а способные гореть детали машины мгновенно воспламенились. Увидев, что Дрейк упал, Хикс стал закрывать люк. Васкес на четвереньках бросилась назад к входному проему. Капрал оставил блок управления люком и схватил Васкес. С трудом ему удалось справиться с ней и не дать выпрыгнуть из машины.

— Дрейк! — кричала Васкес, утратив все свое хладнокровие и самообладание. — Он там, внизу!

Хикс был вынужден применить всю силу, чтобы поднять Васкес и развернуть ее лицом к себе.

— Его больше нет! Успокойся, Васкес. Пойми, Дрейка больше нет.

Она смотрела на него безумными глазами, по ее испачканному грязью и сажей лицу текли слезы.

— Нет! Нет, не может быть! Он...

Хикс кивнул товарищам:

— Подержите ее. Нужно закрыть люк.

Хадсон и Берк оттащили упирающуюся Васкес в глубь машины. Капрал повернулся к кабине водителя и срывающимся голосом крикнул:

— Поехали! Все на борту!

— Двинулись! — отозвалась Рипли.

Она надавила на несколько кнопок, до отказа выжала педаль акселератора. Тяжелая машина развернулась и с грохотом покатила наверх, по тем же тоннелям и коридорам.

Бронетранспортер швыряло из стороны в сторону. Стеллаж с запасным снаряжением не выдержал. С грохотом посыпались коробки, похоронив под собой Хадсона. Расшвыривая их и не обращая внимания на маркировку — «Неприкосновенный запас» или «Взрывчатые вещества», — Хадсон с проклятиями выбрался из кучи.

Хикс повернулся к люку. Он уже почти закрыл его, когда в узкой щели появились две мощные когтистые лапы. Они молотом ударили по ребру толстого металла. Пронзительно вскрикнула Ньют, забившись в страхе в самый дальний угол машины. Должно быть, такой же страх испытывал первобытный человек, когда у входа в свою пещеру обнаруживал саблезубого тигра, гигантского медведя или другое чудовище и ему негде было укрыться от хищника.

Васкес присоединилась к Хиксу и Берку,

пытавшимся захлопнуть люк. Несмотря на общие отчаянные усилия, щель все расширялась.

— Помогите нам! — задыхаясь крикнул Горману Хикс.

Все еще не пришедший в себя лейтенант отреагировал по-своему. Широко раскрыв глаза, он отшатнулся и молча покачал головой. Хикс вполголоса выругался и уперся плечом в рычаг, удерживающий люк. Теперь у него освободилась одна рука. Он достал ею старинный обрез двенадцатого калибра как раз в тот момент, когда в щели появилась омерзительная голова чужой твари. Чудовище разинуло пасть, обнажив покрытые слизью клыки и потянулось к Хиксу. Тот сунул ствол обреза в пасть и нажал спусковой крючок. Прогремел оглушительный выстрел старинного оружия, и разбитый вдребезги череп твари откинулся назад, а из раны фонтаном ударила желтая кровь, которая тотчас стала растворять и металл люка и пол бронированной машины.

Хикс и Вассес успели отскочить, но на руку Хадсону попало несколько капель едкой жидкости. От нее сразу пошел дымок, ткани стали быстро расползаться. Хадсон с воплем свалился в пустое кресло.

Наконец Хиксу и Берку удалось захлопнуть и заблокировать люк.

Словно сорвавшаяся с орбиты комета, бронетранспортер несся по тоннелям и коридорам и с разгону врезался в сложную систему трубопроводов. Рипли стала осторожно выводить машину из завала. Тем временем позади нее откуда-то посы-

пался сноп искр. Женщине показалось, что почти одновременно раздался общий крик. Десантники, сорвав огнетушители, довольно быстро потушили пожар. Ньют не мешала взрослым. Она молча наблюдала, как те в панике мечутся по машине. Она дышала тяжело, но ровно, а ее глаза внимательно и серьезно следили за происходящим. Все это она уже видела.

Что-то тяжело, но мягко шлепнулось на крышу бронетранспортера.

Горман молча стоял в стороне, слева от прохода, и безучастно смотрел на суетившихся товарищев. Он не заметил, как начал подрагивать щиток орудийной амбразуры, к которому прислонился, и почувствовал неладное, лишь когда люк с треском сорвался. Лейтенант хотел повернуться, но было поздно: что-то плотно прижало его к отверстию.

Хвост чужой твари с невероятной быстротой обвился вокруг лейтенанта и вонзил свой острый конец в его плечо. Горман закричал. Хикс бросился в отсек управления огнем и упал в кресло наводчика, одной рукой включив мотор, вращающий кресло и орудийную башню, а другой нашупывая тумблеры системы наведения. На панели замигали огоньки. Они не подняли настроение тем, кто находился в осажденной машине, но Хикс довольно усмехнулся.

Подчиняясь его приказам, зажужжали сервоприводы, и орудие ожило. Когда башня сделала полоборота, новый звук привлек внимание чудовища, пытавшегося вытащить Гормана через крохотный люк. Тварь резко обернулась как раз в тот

миг, когда Хикс открыл огонь из спаренных стволов. Тяжелые снаряды моментально сдули тварь с крыши, и ни одна капля ее едкой крови не успела попасть на металл.

Берк оттащил потерявшего сознание Гормана в глубь машины, а Васкес искала, чем бы заткнуть образовавшуюся дыру.

Волоча за собой шлейф дыма и огня, бронетранспортер мчался вверх по широкому коридору. Рипли не сбавляла скорости. На одном из поворотов машину занесло, и она врезалась в конторское помещение. В стороны полетели обломки стен; оставляя за собой груды переломанного пластика и композитных материалов, бронетранспортер понесся дальше.

Теперь почти все, шептала про себя Рипли, теперь почти выбрались. Еще минута, самое большее — две, и если ничего не сломается, они будут уже вне кошмарного лабиринта станции. На свободе...

Прямо перед ее глазами появилась лапа чужой твари и одним ударом разбила сверхпрочное лобовое стекло. В образовавшуюся дыру сунулась мерзкая осклизлая морда с мощными челюстями. Рипли отпрянула и на мгновение закрыла лицо руками. Однажды она уже была так же близка к гибели. На спасательном кораблике «Нарцисс». Тогда ей удалось струей воздуха выбросить тварь из шлюза. Здесь не было ни шлюза, ни тяжелого, но такого удобного скафандра, ничего не приходило в голову, не оставалось даже времени, чтобы что-то придумать.

Но все же Рипли нашла путь к спасению. Она

резко нажала на тормоз. С оглушительным визгом тяжелая машина остановилась. Рипли бросило вперед, казалось, прямо в эту мерзкую раскрытую пасть, однако ремни безопасности удержали ее в кресле.

У твари ремней не было. Лежа на лобовом стекле, она неловко попыталась уцепиться за край крыши, но чтобы удержаться, даже ее нечеловеческой силы оказалось мало. Тварь бросило вперед. Как только она оказалась на полу, Рипли резко рванула машину. Бронетранспортер даже не качнуло, когда он всей своей массой прошелся по чудовищу. Машина пронеслась так быстро, что несколько капель едкой крови, брызнувшие на колеса, оставили только незначительные язвочки.

Впереди был полумрак. Спокойный, безопасный полумрак. И ничто кроме него сейчас не волновало Рипли. Еще мгновение, и машина вырвалась на поверхность Ахеронта, загрохотав по мощеной дороге, что вела к посадочной площадке.

Вдруг в хвостовой части бронетранспортера заскрежетало так, будто стиральную машину загрузили болтами. Изредка скрежет сопровождался еще более сильным грохотом. Так обычно заявляет о себе неисправность, которую не устранишь ни смазкой, ни мелким ремонтом. В надежде избавиться от тревожных звуков Рипли отчаянно давила на кнопки, но тщетно: как и ее ночные кошмары, скрежет и грохот отказывались ей повиноваться.

К побледневшей Рипли подошел Хикс и мягко,

но настойчиво снял ее руки с панели управления. Она вздрогнула и обернулась.

— Ничего страшного, — попытался утешить ее капрал. — Мы прорвались. Твари остались позади. Не думаю, что сражение на открытом месте придется им по вкусу. Успокойтесь. Все равно на этой куче хлама мы уже далеко не уедем.

Бронетранспортер замедлял ход, а скрежет все нарастал. Останавливая машину, Рипли внимательно вслушивалась.

— Не знаю, что случилось, — сказала она. — Я всего лишь оператор, а не механик.

Хикс тоже прислушался.

— Похоже, лопнул ведущий мост или разлетелась коробка передач, а может, и то и другое. Удивляюсь, как мы не оставили все брюхо этой крошки еще на уровне В. Что ни говори, а машина надежная.

— Не слишком надежная, — донесся из пассажирского отсека голос Берка.

— Никто не рассчитывал на встречу с такими монстрами. Никто и никогда, — возразил Хикс.

Он наклонился к приборной панели, покрутил ручки видеомониторов внешнего обзора. Снаружи бронетранспортер выглядел ужасно: куча дымящегося, прожженного кислотой металлома. Считалось, что машина неуязвима. Теперь она годна разве что на переплавку.

Рипли повернулась в кресле, бросила взгляд на пустовавшее место второго водителя, потом посмотрела в глубь машины.

— Ньют, — вспомнила она. — Где Ньют?

Кто-то осторожно, чтобы не испугать, потянул Рипли за брюки. Ньют втиснулась в узкую щель между креслом водителя и толстой лобовой броней машины. Она дрожала от страха, но держалась и вполне сознавала, что происходит. Просто ей не за чем было бурно реагировать. Когда чужие твари громили колонию, девочка была свидетельницей более страшных сцен.

Уж не следила ли она по экранам видеомониторов, как десантники входили в камеру с коконами? Не видела ли они лицо той женщины, которая шепотом умоляла Дитрих убить ее? Что, если та женщина была...

Нет, это исключено. Если бы та женщина была матерью Ньют, девочка не только потеряла бы сознание, а и лишилась бы рассудка и, наверное, навсегда.

— Ты цела?

Иногда приходится задавать глупые вопросы, к тому же сейчас Рипли было просто необходимо услышать ответ Ньют.

Девочка молча показала Рипли поднятый вверх большой палец. Очевидно, ее молчание было своего рода защитной реакцией. Рипли решила не заставлять девочку говорить. В конце концов именно умение молчать сохранило ей жизнь, когда все колонисты погибли.

— Мне нужно посмотреть, что с нашими товарищами, — сказала Рипли, глядя на поднятое вверх лицо девочки. — Ты не боишься оставаться здесь одна?

На этот раз Ньют ответила кивком и слабой, застенчивой улыбкой. У Рипли сжалось сердце.

Она изо всех сил старалась скрыть свои чувства — время и место не слишком подходили для их бурных проявлений. Позже, когда они окажутся на борту «Сулако», можно будет не сдерживаться.

— Отлично. Я скоро вернусь. Если тебе надоест прятаться здесь, вылезай и присоединяйся к нам, ладно?

Улыбка на лице девочки стала чуть шире и на этот раз сопровождалась более энергичным кивком, но все же пока Ньют не решалась покинуть свое убежище. Она доверяла своим инстинктам больше, чем любому взрослому. Рипли не обиделась. Она отстегнула ремни и направилась вдоль прохода.

Немного в стороне стоял Хадсон. Он внимательно осматривал свою руку. Раз ему есть что рассматривать, подумала Рипли, значит, на руку попало лишь несколько крохотных капель. Он снова и снова мысленно возвращался к последним двадцати минутам своей жизни, снова и снова прокручивал в сознании каждую секунду этого в сущности ничтожного отрезка времени и никак не мог поверить, что все это было наяву, а не приснилось ему в кошмарном сне. До ушей Рипли донеслось его бормотание:

— ... невероятно. Ребята, этого не может быть, такого просто не бывает.

Берк хотел было — больше из любопытства, чем из желания помочь, — взглянуть на ожоги Хадсона, но тот отшатнулся от представителя Компании.

— У меня все нормально. Оставьте меня в покое!

Берк поджал губы. Ему не терпелось посмотреть, какие ранения оставляет едкая кровь твари, но настаивать он не решался.

— Я только хотел сказать, что лучше кому-то показать руку, ведь не исключены неприятные последствия. Кислота может быть токсичной.

— Да? Даже если это и так, то, надо думать, вы пороетесь в аптечке и через пару минут дадите мне противоядие? В медицине разбирается только Дитрих... — Хадсон осекся, его злость постепенно утихала. — Разбиралась. Эти вонючие клопы...

Хикс нагнулся над неподвижно лежавшим Горманом, нащупал пульс. К ним подошла Рипли.

— Что с ним? — коротко спросила она.

— Сердцебиение замедленное, но ритмичное. Дыхание в норме. И все остальное тоже. В общем все в порядке. Если бы я не знал всех обстоятельств, я бы сказал, что он спит. Но это не сон. Думаю, он парализован.

Васкес оттолкнула Хикса и Рипли и схватила лежащего без сознания лейтенанта за воротник.

— Даже если он еще не умер, считайте, что он уже покойник!

Одной рукой она приподняла Гормана, другую, сжатую в кулак, отвела за спину и крикнула ему в лицо:

— Проснись, подонок! Просыпайся! Я убью тебя, слышишь, дермо поганое!

Хикс втиснулся между Васкес и лейтенантом. Он не кричал, но, глядя прямо в глаза Васкес, твердо проговорил:

— Успокойся. Возьми себя в руки. Отойди от него. Сейчас же.

Их взгляды встретились. Васкес еще не отпустила лейтенанта, но ее ярость постепенно утихала. Она была десантником, а они живут по своим законам. В этом случае действовал простой закон. Эйпона уже нет, значит, командует отрядом Хикс.

— Не стоит пачкать руки, — наконец пробормотала она, отпустила лейтенанта и отвернулась, бормоча проклятья.

Голова Гормана стукнулась о пол. Рипли не сомневалась: не вмешайся Хикс, Васкес превратила бы так и не пришедшего в себя Гормана в кровавое месиво.

Когда Васкес ушла, Рипли наклонилась над Горманом, расстегнула его комбинезон. Бескровная рана на его плече уже зарубцевалась, остался лишь крохотный розовый шрам.

— Похоже, тварь его ужалила или что-то в этом роде. Интересно. Не знала, что они способны еще и на это.

— Эй!

Рипли и Хикс повернулись на возглас. Это подал голос Хадсон. Он без особой цели мрачно разглядывал экраны био- и видеомониторов. Что-то привлекло его внимание, и он позвал товарищей.

— Смотрите! Кроу и Дитрих живы, — он возбужденно показал на биомониторы, потом тяжело вздохнул. — Может, они в том же состоянии, что и Горман. — Возбуждение быстро спадало, и Хадсон закончил совсем тихо: — Сигналы слабые, но они не мертвы...

Если они живы и в том же состоянии, что и

Горман, значит... От злости, от жалости к товарищам, от сознания собственного бессилия Хадсона стало трясти. Он был на грани истерики. Впрочем, с этой точки зрения все они были не лучше. Стоило лишь на мгновение дать волю эмоциям, лишь раз не сдержаться, и любому из них грозил серьезный психический срыв.

Рипли понимала, что означают слаженные кривые на экранах биомониторов. Она хотела объяснить Хадсону, но у нее не хватало мужества посмотреть ему в глаза.

— Им уже не поможешь.

— Слушайте, но если они еще живы...

— Выбросьте эти мысли из головы. Сейчас, именно в этот момент твари замуровывают их в коконы. Как и всех других. Как колонистов, которых вы нашли в стене той камеры. Вы ничего, совершенно ничего не можете сделать для них. Черт побери, никто не может. Вот так обстоят дела. Радуйтесь, что не вы оказались на их месте. Если бы Дитрих была здесь, она бы поняла, что помочь им невозможно.

Хадсон опустил руки.

— Этого просто не может быть.

Рипли отошла от Хадсона и встретилась взглядами с Вассес. Казалось, самое время сказать что-нибудь вроде: «Я вас предупреждала...» Но говорить Рипли не пришлось, та все поняла и без слов.

На этот раз первой отвернулась Вассес.

9 В медицинской лаборатории колонии Бишоп склонился над микроскопом. На предметном

столике прибора лежал срез ткани одного из мертвых паразитов, извлеченного из цилиндрического сосуда. Даже мертвое, даже беспомощно распостертое на столе для биопсии, это создание имело устрашающий вид. Казалось, вот-вот оно, оттолкнувшись мощным хвостом, взметнется вверх и вольется всеми своими шупальцами в лицо неосторожно приблизившегося человека.

Бишоп никак не мог оторваться от окуляра микроскопа, уж слишком необычным, слишком функционально совершенным было строение чужого организма. Универсальность искусственного зрения андроида вместе с высокой разрешающей способностью микроскопа позволяли увидеть многое из того, чего не в состоянии были разглядеть колонисты.

Бишопа особенно интересовало, не может ли этот организм паразитировать на андроиде, например на нем, Бишопе? Ясно, что его внутренности ничем не напоминают внутренние органы человека, но сможет ли паразит обнаружить эти различия, прежде чем совершил свой прыжок? Первый вопрос порождал второй: если существо не почувствует заранее разницу, если оно все же попытается использовать андроида в качестве инкубатора, то к чему это приведет? Возможно, тварь просто вскоре отцепится и отправится искать другую жертву. Но не исключено, что она слепо попытается ввести эмбрион в тело андроида. Если это так, то сможет ли зародыш развиваться в теле, лишенном плоти и крови?

Может ли робот стать организмом-хозяином для чужого паразита?

Возле входа в лабораторию послышался какой-то шум. Бишоп обернулся. Оказалось, командир десантного шаттла катил в лабораторию тележку, доверху нагруженную приборами, запасными частями и инструментами.

— Куда все это сгрузить?

— Вон туда, — показал Бишоп. — Рядом со скамьей очень удобное место.

Спанкмейер принялся разгружать тележку.

— Что-нибудь еще вам понадобится?

Не отрываясь от окуляра микроскопа, Бишоп махнул рукой.

— Ладно. Я буду на корабле. Если все же что-то понадобится, сообщите.

Бишоп еще раз молча махнул рукой. Спанкмейер пожал плечами и вышел.

Интересный парень этот Бишоп, размышил командир, толкая перед собой пустую тележку. Насвистывая незамысловатую мелодию, он шел по длинным пустым коридорам к посадочной площадке. Не парень, а андроид, поправил он себя и улыбнулся. Спанкмейер поднял воротник. Ветер дул не очень сильно, но все же на планете без скафандра было холодновато. Он старался не думать о несчастьях, обрушившихся на экспедицию.

Кроу, Дитрих, Эйпон — никого из них уже нет. Хадсон бубнит, что в это трудно поверить. Трудно поверить и стыдно признать такое поражение. Спанкмейер хорошо знал всех погибших, они побывали вместе не в одной экспедиции. Впрочем, нельзя сказать, что с кем-то из них он сошелся достаточно близко.

Спанкмейер еще раз пожал плечами, хотя

поблизости не было никого, кто мог бы обратить внимание на его жест. Все они свыклись с мыслью о возможной смерти. Любой из десантников мог встретиться с ней, так и не дождавшись отставки. Кроу и Дитрих просто не повезло, вот и все. Тут уж ничего не поделаешь. Но Хикс и другие выкарабкались. Теперь им осталось закончить обследование колонии, довести до конца кое-какие работы, и завтра можно будет улетать. Во всяком случае так они собирались сделать. Еще несколько часов работы, несколько последних записей — и все. Спанкмейер понимал, что не только он ждет не дождется, когда десантный шаттл поднимется и возьмет курс на старый добрый «Сулако».

Мысли Спанкмейера снова вернулись к Бишопу. То ли в эту новую модель внесли какие-то незаметные на первый взгляд, но довольно важные усовершенствования, то ли Бишоп был собран с отклонениями от стандартов, но Спанкмейеру он почему-то нравился. Говорят, те ребята, что занимаются искусственным интеллектом, годы ухлопали на улучшение персонального программирования искусственных людей, вплоть до того, что в программу каждой модели, сходящей с конвейера, вводили элементы случайности. Должно быть, так оно и было: во всяком случае Бишоп — это личность. Достаточно немного поболтать с ним, и сразу поймешь, что он не похож на других андроидов. К тому же в толпе хвастливых болтунов совсем не вредно иметь хотя бы одну уравновешенную, обходительную личность.

Толкая тележку вверх по грузовому трапу шаттла, Спанкмейер поскользнулся. Восстановив равновесие, он наклонился и присмотрелся к влажному пятну. Вмятин в трапе не было, значит, дождевая вода здесь скопиться не могла, размышил он. Должно быть, разлили драгоценную консервирующую жидкость Бишопа, решил Спанкмейер. Но едкого, навязчивого запаха формальдегида он не ощущал. Прилипшая к металлу трапа дрянь скорее напоминала толстый слой какой-то слизи или желе.

Спанкмейер выпрямился, еще раз недоуменно пожал плечами. Насколько он помнил, бутылки с похожей дрянью он здесь не ронял. Впрочем, раз никто не спрашивает, можно не беспокоиться. Да и времени нет, чтобы обращать внимание на такие пустяки. До отлета следовало сделать еще очень многое.

Налегел сильный порыв ветра. Атмосфера паршивая, подумал Спанкмейер, но все же после того, как тут несколько лет потрудились преобразователи, стала намного лучше. Перед отправкой экспедиции им сообщили, что она вообще «непригодна для дыхания». Спанкмейер стащил тележку в корабль, убрал трап и закрыл люк.

Васкес мерила шагами пассажирский отсек бронетранспортера. Она не могла примириться с бездеятельностью, когда на планете оставалось еще множество живых тварей. Ей было просто необходимо сжимать в руках оружие и видеть в его прицеле противника. Она понимала, что десантники попали в сложное положение, требовавшее тщательного анализа. Пожалуй, это раз-

дражало ее больше всего, потому что у нее не было ни малейшей склонности к анализу и рассуждениям. Она была человеком действия, а не разговоров, да и действовать предпочитала прямо и решительно. Но вместе с тем ей хватало ума, чтобы сообразить, что эта операция с самого начала пошла совсем не так, как предполагалось. Все предусмотренные уставом действия противник разжевал и выплюнул. Сознание этого не могло охладить пыл Васкес. Она хотела убивать тварей.

Время от времени ее пальцы сгибались, словно все еще лежали на спусковом устройстве самонаводящегося смартгана. Возможно, в другой ситуации, глядя на Васкес, Рипли вышла бы из себя, но сейчас ее нервы и без того были напряжены, словно заведенная до отказа пружина старинных часов.

Так продолжалось довольно долго. Потом терпение Васкес лопнуло. Она почувствовала, что должна либо предложить что-то, либо начать рвать на себе волосы.

— Ладно, мы не можем расстрелять этих тварей. Мы не можем вернуться туда пешком или даже на бронетранспортере, потому что они разорвут его, как консервную банку. А почему бы нам не закатить туда несколько канистр CN-20? Почему бы не обработать нервно-паралитическим газом все их гнездо? На шаттле этого добра хватит, чтобы сделать необитаемой всю колонию.

Хадсон умоляюще посмотрел на товарищей, стараясь заглянуть в глаза каждому.

— Слушайте, ребята, давайте отсюда сматываться, и будем считать, что мы квиты. — Он перевел взгляд на стоявшую рядом женщину. —

Я согласен с Рипли. Если им нравится, пусть они хоть всю колонию превратят в игровую площадку, ну, а мы пока смоемся, а потом возвратимся, но уже с военным кораблем.

Васкес, прищурившись, посмотрела на него:

— Что, Хадсон, струсил?

Обвинение в малодушии не застало Хадсона врасплох.

— Струсил? Мы здесь завязли по уши. Нас никто не предупредил, что можно попасть в такую переделку. Я первым соглашусь лететь сюда со следующей экспедицией, но только если она будет снаряжена так, как надо. Пойми, Васкес, это совсем не похоже на усмирение бунта. Здесь ты только соберешься дать пинка какой-нибудь заднице, как тебе тут же отхватят всю ногу.

Рипли повернулась к Васкес.

— Нервно-паралитический газ все равно не подействует. Откуда мы знаем, как он повлияет на их биохимические процессы? Может, они только фыркнут. Судя по их повадкам, этот газ может даже прийтись им по вкусу. Одну такую тварь я проткнула стальной пикой, вышвырнула из шлюза в космический вакуум, а она только стала чуть медленнее двигаться. Пришлось включить двигатели и поджарить ее.

Рипли прислонилась к стене и продолжала:

— Я думаю, мы должны подняться на «Сулако» и сбросить с орбиты ядерные бомбы на поселок колонистов, станцию и на то плато, где когда-то мы нашли чужой корабль, который занес сюда этих тварей. Это единственный способ надежно решить проблему.

Неожиданно в разговор вступил Берк, до этого времени хранивший полное молчание:

— Подождите минутку. С таким планом я не согласен. Это слишком серьезные меры.

— А вы не думаете, что ситуация тоже слишком серьезная? — прорычал Хадсон, поглаживая забинтованную руку и свирепо глядя на представителя Компании.

— Разумеется, серьезная.

— Тогда почему же вы против ядерного оружия? — настаивала Рипли. — Вы потеряете колонию и одну станцию, но на планете останется девяносто пять процентов установок, которые будут продолжать преобразование атмосферы. Не понимаю, почему вы колеблетесь?

Почувствовав в тоне Рипли вызов, Берк решил немного отступить и перейти к методам убеждения.

— Что ж, я понимаю, что все вы находитесь под впечатлением недавних событий. Я огорчен случившимся не меньше, чем любой из вас. Но это еще не означает, что мы должны принимать скоропалительные решения. Нам следует проявить максимальную осмотрительность. Давайте все обдумаем, а потом уже решим, стоит ли вместе с водой выплескивать и ребенка.

— Берк, вы, кажется, не заметили, что ребенок давно мертв, — возразила Рипли. Переубедить ее было невозможно.

— Я хочу сказать только одно, — настаивал Берк. — Пора взглянуть на ситуацию в целом, не только в рамках этой планеты, если вы понимаете, что я имею в виду.

Рипли скрестила руки на груди.

— Нет, Берк, не понимаю.

В голове представителя Компании молниеносно проносились сотни аргументов. Отобрав наиболее убедительные, он перешел в наступление.

— Прежде всего, не забывайте, что в это предприятие вложены весьма значительные средства. Я имею в виду все постройки, все оборудование колонии. Не будем считать стоимость ремонтных работ, это мелочи. Одни лишь расходы на транспортировку огромны, а процесс преобразования Ахеронта только начинает давать первые результаты. Вы правильно отметили, что другие станции работают в автоматическом режиме, но все же и они требуют периодического осмотра и наладки. Если на планете негде будет разместить обслуживающий персонал, значит, на околовселенской орбите нам придется держать несколько космических транспортных кораблей в качестве отелей. Это повлечет за собой такие дополнительные расходы, размеры которых вы даже представить себе не можете.

— Пусть Компания выставит счет мне, — без улыбки сказала Рипли. — У меня хватит средств. Что еще?

— Во-вторых, те существа, с которыми нам пришлось здесь столкнуться, очевидно, являются представителями очень важного вида живых организмов. Мы не имеем права по своей прихоти истреблять тех, кто нашел свой способ существования в этом мире. Потери для науки могут оказаться невосполнимыми. Человек может никогда больше не встретить подобных существ.

— Да, это было бы просто ужасно, — сказала Рипли и опустила руки. — Берк, вы ни о чем не забыли? Вы уверяли меня, что если мы встретим здесь враждебную форму жизни, то уничтожим ее, забыв об интересах науки. Вот поэтому я никогда не любила иметь дело с бюрократами, у них всегда какая-то выборочная память.

— Послушайте, серьезные дискуссии так не ведутся! — запротестовал представитель компании.

— Бросьте, Берк!

— Да, бросьте, — подхватила Вассес слова и тон Рипли. — Лучше посмотрите на нас.

— Возможно, вы не следили за последними событиями, — вмешался Хадсон, — так я вам объясню. Твари разделали нас, как беспомощных котят.

— Берк, послушайте, — недовольно сказала Рипли. — У нас с вами была определенная договоренность. Мне кажется, я доказала свою правоту, свою точку зрения, называйте это, как хотите. Мы прилетели сюда для подтверждения или опровержения моего доклада и для выяснения причины прекращения связи между Ахеронтом и Землей. Вы получили подтверждения, Компания нашла объяснение, а я реабилитирована. Все задачи выполнены, настало время улетать домой.

— Знаю, знаю, — сказал Берк и обнял Рипли за плечи, стараясь, однако, сделать это так, чтобы его жест не показался слишком фамильярным, потом отвел ее в сторону и, понизив голос,

продолжил: — Поймите, теперь сценарий сложился сам по себе, совсем по-другому. Не следует поддаваться эмоциям, нельзя принимать необдуманные решения, мы должны постараться в любой ситуации извлечь выгоду. Мы выжили здесь, теперь нам нужно готовиться к борьбе за выживание на Земле.

— К чему вы клоните, Берк?

Представитель Компании то ли в самом деле не заметил неприязненного взгляда Рипли, то ли просто сделал вид.

— Я всего лишь пытаюсь объяснить вам, что мы столкнулись с очень важным открытием, чрезвычайно важным. Человечество никогда не встречало ничего похожего на эти создания и, возможно, никогда больше не встретит. Их сила, их приспособляемость просто невероятны. Нельзя уничтожать живые существа с такими гигантскими возможностями. Конечно, сейчас, пока мы не научились их приручать, нам следует отступить, но истреблять их всех до единого просто неразумно. Уверен, вы сами никогда не решитесь на это.

— Хотите пари?

— Вы отказываетесь рассуждать разумно. Не думайте, будто я не могу понять, через что вам пришлось пройти. Но вы должны на время забыть обо всем и постараться взглянуть на сложившуюся ситуацию шире. Что произошло, того не поправить. Мы не в состоянии воскресить колонистов, мы не можем помочь Кроу, Эйпону и другим. Давайте же поможем сами себе. Узнаем больше об этих существах, научимся использовать их

богатые возможности, приручим их, превратим
наше поражение в победу.

— Таких тварей никому и никогда не уда-
стся приручить. Лучше всего с ними вообще
не встречаться, а уж коли так случилось, то
при первой возможности их нужно поджарить,
чтобы от них не осталось ничего крупнее атома.
И не говорите мне о борьбе за выживание на
Земле.

— Рипли, перестаньте упрямиться. — Берк
глубоко вздохнул. — Чужие существа обладают
такими уникальными возможностями, о которых
мы пока даже не догадываемся. Такие организмы
встречаются во Вселенной не часто. Их необхо-
димо тщательно изучить в соответствующих
условиях — с тем, чтобы и мы могли что-то у
них перенять. Главная ошибка колонистов за-
ключалась в том, что они принялись за изучение
этих существ, не располагая необходимым ми-
нимумом оборудования. Они не знали, чего им
следует ожидать, чего опасаться. Мы знаем.

— Знаем ли? Вспомните, что случилось с
Эйпоном и другими десантниками.

— Вот они-то действительно не знали своего
противника, слишком самоуверенно ввязались в
драку и оказались в окружении врага на крохотном
пятачке. Мы не повторим их ошибки.

— Вы уверены?

— Конечно, мы стали свидетелями большой
трагедии, но она не повторится. Когда мы
вернемся, у нас будет все необходимое снаряже-
ние. Эта кислота не может разъедать все подряд.
Мы каким-нибудь образом возьмем с собой

образец, изучим его в лабораториях Компании. Там химики разработают методы защиты, найдут материалы, на которые кислота не действует. А мы тем временем поищем способ обездвижения взрослых тварей, такой, чтобы потом с ними можно было работать, и не просто работать, а извлекать определенную пользу. Согласен, эти твари сильны, но и они не всемогущи. С ними можно расправиться ручным оружием, вроде импульсного карабина или огнемета. Кстати, это доказала наша экспедиция. Вы сами это доказали, — с наигранным восхищением добавил Берк.

Откровенная лесть не произвела на Рипли никакого впечатления.

— Повторяю, нам предоставляется единственная в своем роде возможность. Неразумно отказываться от нее, поддавшись сиюминутным эмоциям. Мне казалось, вы, Рипли, не относитесь к числу тех, кто отмахнется от представившегося шанса, который может уже никогда в жизни не повториться, и предпочтет мелочную месть.

— Месть здесь совершенно ни при чем, — спокойно возразила Рипли. — Речь идет о том, как остаться в живых. Нам с вами.

Берк понизил голос до шепота:

— Вы решительно не хотите меня слушать. Поймите, поскольку вы являетесь тем представителем Компании, который открыл этот вид, ваша доля в доходах от его использования составит очень значительную сумму. Тот факт, что когда-то Компания осудила вас, а потом пересмотрела решение комиссии по расследованию, теперь не имеет никакого значения. Общеизвестно, что вы —

единственный оставшийся в живых член экипажа, которому было суждено впервые столкнуться с этими существами. По закону вы должны получить соответствующее вознаграждение. Вам и не снилось такое богатство.

Рипли некоторое время молча смотрела на Берка, будто ей впервые встретился представитель совершенно неизвестного науке, особенно мерзкого вида живых организмов.

— Ах ты, сукин...

Берк отшатнулся, выражение его лица мгновенно изменилось. Фальшивый дружелюбный тон уступил место официальному.

— Искренне сожалею, что вы так и не захотели меня понять. Не заставляйте меня использовать мое служебное положение, Рипли.

— Какое положение? С этим мы уже разобрались. — Рипли кивнула в сторону прохода. — Насколько я понимаю, теперь здесь командует капрал Хикс.

Берк рассмеялся, потом с удивлением убедился, что Рипли говорит совершенно серьезно.

— Вы смеетесь? Это что, шутка? Капрал Хикс? С каких это пор капрал командует чем-либо, кроме собственных ботинок?

— Берк, это военная экспедиция, — спокойно напомнила Рипли. — Так говорилось в приказе, который нам вручили перед отправлением «Сулако». Возможно, вы не удосужились ознакомиться с ним, зато я прочла. Колониальная администрация сформулировала цель экспедиции именно такими словами. Вы, Берк, и я — просто наблюдатели, вроде экскурсантов. Эйпон убит, Горман,

считайте, тоже мертв. По старшинству следующий — Хикс. — Она бросила взгляд на капрала. — Верно?

— Похоже, что так, — коротко ответил Хикс.

Берк, как ни старался избежать этого, начинал терять самообладание.

— Послушайте, эта экспедиция стоит не один миллион. Хикс не может принимать такие решения. Капралам не дано право судить, нужно применять ядерное оружие или нет. Он простой исполнитель. — Секунду поразмыслив, Берк бегло взглянул на Хикса и примирительным тоном добавил: — Я не хотел вас оскорбить.

— Я не обидчив, — с холодной вежливостью проговорил Хикс и, наклонившись к микрофону своего шлема, повысил тон: — Ферро, ты все это записываешь?

Наушники донесли ответ пилота десантного корабля:

— Так точно.

— Приготовиться к старту. Похоже, нам нужно будет срочно убираться.

— Из ваших разговоров я так и поняла. Туговато вам приходится.

— Ты не поняла и половины. — С тем же выражением лица Хикс повернулся к замолчавшему Берку. — В одном вы совершенно правы. Такие решения не следует принимать поспешно.

Берк воспрянул духом.

— Это уже лучше. Итак, что мы предпримем?

— Как вы сказали, сначала все обдумаем, — сказал капрал, закрыл глаза и несколько секунд

помолчал. — Ладно. Я все обдумал. Считаю, нам нужно подняться на «Сулако» и с орбиты сбросить ядерную бомбу на это чертово место. Единственный надежный способ.

Краска сбежала с лица Берка. В гневе он шагнул было к Хиксу, но вовремя сдержался и благородно предпочел выразить свое возмущение лишь словами.

— Это бред! Не верю, что вы всерьез намереваетесь сбросить на колонию ядерную бомбу.

— Всего одну и то маленькую, — серьезным тоном успокоил его Хикс. — Но достаточно мощную. — Он сложил руки, улыбнулся и резко развел их в стороны. — Тттт-ах!

— Последний раз заявляю вам, что вы не имеете права предпринимать что-либо...

Тираду Берка прервал громкий щелчок. Это Васкес, поигрывая импульсным карабином, щелкнула затвором. Нельзя сказать, что Васкес нацелилась в Берка, но карабин был направлен в его сторону. Лицо ее не выражало никаких эмоций. Берк не сомневался, что с таким же отсутствующим выражением она способна продырявить его насекомый. Дискуссия закончилась. Берк упал в одно из кресел у стенки машины.

— Все вы ненормальные, — пробормотал он. — И вы сами это знаете.

— А какой же нормальный пойдет в десантники? — спокойно сказала Васкес и перевела взгляд на капрала. — Хикс, скажи, раз мы ненормальные, значит, я могу пристрелить это дерьмо и потом сослаться на невменяемость? Если так, я бы заодно отправила в преисподнюю и

лейтенанта. Грех не воспользоваться таким удобным случаем.

— Никто не будет никого пристреливать, — твердо ответил капрал. — Мы уходим.

Рипли встретилась с Хиксом глазами, коротко кивнула и села. Она обняла за плечи девочку — единственного человека, не принимавшего участия в споре. Ньют крепко прижалась к ней.

— Мы собираемся домой, милая, — сказала Рипли девочке.

Теперь, когда было решено, что делать, Хикс выбрал минутку, чтобы проверить состояние бронетранспортера. Поврежденная огнем, во многих местах продырявленная насквозь кислотой, боевая машина годилась только на металлом.

— Давайте соберем все, что нам пригодится и что мы сможем унести на себе. Хадсон, помоги поднять лейтенанта.

Хадсон с нескрываемым отвращением посмотрел на бесчувственного офицера.

— А как насчет того, чтобы усадить его в кресло в центре управления и привязать покрепче? Там он будет чувствовать себя как дома.

— Не болтай зря. Он еще жив, и мы обязаны перенести его в безопасное место.

— Да знаю, знаю. Только не надо мне об этом то и дело напоминать.

— Рипли, вы будете присматривать за девочкой. Она вроде бы привязалась к вам.

— Я к ней тоже, — ответила Рипли и крепче прижала Ньют к себе.

— Ваксес, сможешь прикрывать нас, пока не сядет шаттл?

Васкес улыбнулась, показав великолепные зубы.

— Не знаю, смогу ли, но попробую, — сказала она и постучала по прикладу импульсного карabinа.

Капрал повернулся к Берку:

— Вы с нами или остаетесь?

— Перестаньте шутить, — проворчал Берк.

— Не буду. Во всяком случае здесь. Обстановка не располагает. — Хикс включил микрофон. — Бишоп, что-нибудь интересное обнаружили?

Из громкоговорителей донесся голос андроида:

— Почти ничего. Здесь только типовое оборудование для колониальных медицинских лабораторий. На нем я сделал все, что мог.

— Теперь это уже неважно. Мы улетаем. Собирайтесь и присоединяйтесь к нам. Вы справитесь без посторонней помощи? Мне не хотелось бы покидать бронетранспортер, пока не придет десантный корабль.

— Нет проблем. Здесь все спокойно.

— Хорошо. Оставьте все, что не сможете унести. Поторопитесь.

Преодолевая ужасные порывы ветра, десантный шаттл поднялся над бетонной площадкой. Управляемый твердой рукой Ферро, он завис в воздухе и через несколько секунд поплыл над сооружениями колонии в сторону заглохшего бронетранспортера.

— Вижу вас. Поднялся ветер. Сяду так близко, как смогу, — передала Ферро.

— Понял, — ответил Хикс и повернулся к

товарищам. — Готовы? — Все, кроме Берка, кивнули. Вид у представителя Компании был довольно кислый, но он промолчал. — Тогда выходим.

Хикс открыл люк. Уже на трапе на них обрушились ветер и дождь. Десантники быстро вышли из бронетранспортера. На бортах и брюхе приближавшегося десантного корабля были включены прожекторы. Свет одного из них выхватил из туманной мглы направляющуюся к ним фигуру.

— Бишоп! — помахала рукой Васкес. — Давно не виделись.

— Получилось не так хорошо, как хотелось, да? — отозвался Бишоп.

— Хуже некуда, — подтвердила Васкес и сплюнула. — Когда-нибудь все тебе расскажу.

— Потом. После гиперсна. Когда это проклятое место останется позади.

Васкес согласно кивнула. Казалось, ее одну не очень интересовал приближавшийся шаттл. Темные глаза беспрестанно обшаривали местность вокруг бронетранспортера. Рядом с ней стояла Рипли, крепко держа Ньюта за руку. Хадсон и Хикс тащили так и не пришедшего в себя Гормана.

— Стойте одной группой, — распоряжалась Ферро. — Освободите мне площадку. Я не хочу сесть кому-нибудь на голову. — Она выключила микрофон. — Эй, Спайнкмейер, было бы совсем неплохо, если бы ты немножко помог. Оторвись от своих дел на минутку.

За спиной Ферро дверь в кабину пилотов скользнула в сторону. Не считая нужным скрывать раздражение, Ферро оглянулась через плечо.

— Лучше поздно, чем никогда. Где...

Ее глаза расширились, а последние слова повисли в воздухе.

Это был не Спанкмейер.

Огромная чужая тварь с трудом протиснулась в проем и раскрыла клыкастую пасть. Последовало молниеносное движение. Ферро едва успела вскрикнуть. Тварь мгновенно раздавила ее, с невероятной силой прижав спиной к панели управления.

Внизу беглецы, ждавшие с нетерпением корабль, не поверили своим глазам. Шаттл вдруг резко накренился на левый борт, его главные двигатели ожили, и он, теряя высоту, стал стремительно набирать скорость! Рипли схватила Ньют и бросилась к ближайшему строению.

— Бежим!

Корабль зацепился за скалу рядом с дорогой, его бросило влево, он ударился о базальтовый гребень, потом на мгновение встал на нос, словно умирающая стрекоза, перевернулся на спину, упал на дорогу и взорвался. Во все стороны брызнули обломки, часть из них уже была охвачена пламенем. Подскочив на каменистой дороге, то, что осталось от корпуса шаттла, в последний раз взвилось в воздух. Из его двигателей вырывался столб огня.

Огромный блок энергетической установки упал на бронетранспортер и сорвал орудийные надстройки. Взорвались топливные баки, потом весь боезапас бронетранспортера, и боевую машину разнесло на куски. Пылающий корпус корабля, словно адское огненное колесо, пролетел над десантниками и понесся в сторону преобразователя

атмосферы. Гигантский огненный шар на несколько секунд осветил темное небо Ахеронта и быстро померк.

Выйдя из укрытий, потрясенные десантники долго не могли поверить своим глазам: вся их огневая мощь, все их техническое превосходство в мгновение ока превратилось в обуглившиеся обломки и пепел. Вместе со всем этим улетучилась и надежда покинуть проклятую планету.

— Это потрясающе! — почти истерически выкрикнул Хадсон. — Это просто потрясающе! Интересно, что теперь мы будем делать? Теперь-то наше положение — хуже не придумаешь.

— Ты все сказал? — Хикс в упор смотрел на Хадсона, пока тот не стушевался, потом повернулся к Рипли: — С вами все в порядке?

Рипли кивнула и наклонилась к Ньют, стараясь не выдать своей растерянности и страха перед неизбежностью ужасного исхода. Впрочем, ее старания были напрасны. Скрыть что-либо от этой девочки было просто невозможно. Внешне Ньют была довольно спокойна. Правда, дышала она чаще обычного, но не от страха, а от того, что ей пришлось бежать в укрытие. Девочка пожала плечами и совсем по-взрослому сказала:

— Наверно, мы уже не полетим, да?

Рипли прикусила губу.

— Прости меня, Ньют.

— Мне не за что тебя прощать. Ты же не виновата.

Ньют смотрела на догоравшие обломки десантного шаттла.

Хадсон со злостью стал расшвыривать ногами камни и куски металла.

— Кто-нибудь скажет, что мы теперь будем делать? — твердил он.

— Может, разожжем костер и будем петь песни, — раздраженно проворчал Берк.

Хадсон сделал шаг в его сторону. Пришлось вмешаться Хиксу.

— Нам надо вернуться в колонию, — тихо сказала Ньют, все еще не сводя взгляда с догоравших обломков. Все повернулись к ней. — Нам надо вернуться, потому что скоро стемнеет. А они чаще всего приходят, когда темно. Чаще всего.

— Согласен, — отозвался Хикс и жестом показал на искореженный взрывом бронетранспортер. В машине, сделанной большей частью из металла и композитных материалов, уже сгорело почти все, что могло гореть. — Пожар, можно сказать, прекратился. Посмотрим, не осталось ли там чего полезного.

— В этой куче металлолома? — удивился Берк.

— А вдруг? Вы идете?

Представитель Компании быстро поднялся на ноги.

— Уж, конечно, не останусь здесь.

— Как вам будет угодно, — сказал капрал. — Бишоп, — обратился он к андроиду, — проверь, нельзя ли нам расположиться в центре управления колонии. Убедись, что там... чисто.

Бишоп слегка улыбнулся.

— Проверить? Я понимаю, что вы имеете в виду. Конечно, мной можно и пожертвовать.

— Мы не можем жертвовать никем, — возра-

зил Хикс, пересек дорогу и направился к еще дымившемуся бронетранспортеру. — Пошли.

Если день на Ахеронте напоминал мрачные сумерки, то ночью здесь было темней, чем в самом затерянном уголке космического пространства, потому что даже свет далеких звезд не проникал через плотную атмосферу и не мог смягчить непроглядную тьму. Ветер завывал в искореженных металлических постройках колонии, свистел в длинных пустых коридорах, хлопал полуоторванными дверьми, безостановочно швырял песок в разбитые окна. Ни одного успокаивающего звука. Люди с тревогой ждали, что принесет им ночь.

Мощности аварийного генератора едва хватало на освещение центра управления и нескольких соседних помещений. Здесь и собирались все оставшиеся в живых члены экспедиции, усталые и обескураженные. Нужно было оценить свои ресурсы и возможности. Васкес и Хадсон в последний раз тщательно осмотрели разрушенный бронетранспортер и принесли добычу — большой, обуглившийся снаружи, изрядно побитый ящик. Несколько похожих ящиков уже стояли в центре управления.

Хикс бегло взглянул на добычу, стараясь не слишком демонстрировать свое разочарование. Он заранее знал ответ на самый важный вопрос, но все же решил задать его. Вдруг он ошибся?

— Боеприпасы есть?

Васкес только покачала головой и упала в кресло.

— Они хранились между броней и внутренней

стенкой машины. Когда туда добрался огонь, все сразу взлетело на воздух. — Она сорвала с головы намокший от пота платок. — Черт, все бы сейчас отдала за горячий душ и кусок мыла.

Хикс повернулся к столу, на котором было разложено спасенное оружие.

— Значит, так. Вот все, что удалось вытащить из огня, — он не сводил взгляда с небольшой кучки, будто надеялся взглядом устроить количества боеприпасов. — Четыре импульсных карабина, на каждый примерно по пятьдесят зарядов. Не густо. Еще около сорока гранат М-40 и два огнемета, заряженные меньше чем наполовину, к тому же один из них поврежден. Еще у нас четверо роботов-часовых. Эти вместе с их сканерами и дисплеями, как ни странно, остались целы.

Хикс подошел к сложенным в штабель ящикам, вскрыл один из них. Рипли решила помочь капралу разобраться с содержимым.

В пенопластовой упаковке лежало небольшое автоматическое орудие. В других ящиках оказались прилагавшиеся к нему видеонавигаторы, детекторы движущихся целей и другие приборы.

— Выглядит довольно внушительно, — заметила Рипли.

— Это действительно серьезное оружие, — пояснил Хикс и захлопнул ящик. — Без них мы могли бы сразу кончать жизнь самоубийством. С ними же у нас появляется хоть какая-то надежда. Беда в том, что нам нужно бы сотню таких часовных, да раз в десять побольше боеприпасов. Но это лучше, чем ничего. — Он постучал

костяшками пальцев по твердому пластику ящика. — Если б не упаковка, это добро тоже взлетело бы на воздух.

— Так ты считаешь, что у нас есть какой-то шанс? Какой же? — спросил Хадсон.

Рипли сделала вид, что не слышит, и обратилась к Хиксу:

— Предположим, сегодня на Земле станет известно, что мы пропали без вести. Через какое время можно надеяться на прибытие спасательной экспедиции?

Хикс задумался. Он был слишком поглощен заботами о том, как им оставаться в живых в течение ближайших часов, и совсем забыл о возможной помощи с Земли.

— Мы должны были сообщить о завершении экспедиции вчера. Значит, еще примерно семнадцать дней.

Хадсон, горестно всплеснув руками, чуть не подпрыгнул на месте.

— Черт, да нам не продержаться здесь и семнадцать часов. Скоро эти нелюди по проторенной дорожке заявятся сюда и сцепают нас, как слепых котят. Потом, может быть, кто-то прилетит с Земли, сунет сюда свой нос и увидит, что от нас осталось. Увидит нас высосанными и засохшими, как те несчастные колонисты, которых мы сожгли там, на уровне С. Как Кроу и Дитрих, черт побери. — Хадсон всхлипнул.

Рипли кивнула в сторону Ньюта, молча слушавшую его горестные причитания.

— Вот она выжила намного дольше, выжила без оружия и без всякой подготовки. Колонисты

не знали повадок противника, понятия не имели, что их ждет. Мы же представляем, что могут предпринять чужие твари, да и вооружены мы не только молотками и гаечными ключами. Нам не надо очищать всю планету от этих тварей. Все, что от нас требуется, — продержаться пару недель. Не подпускать их близко и самим остаться в живых.

— Ага, совсем ерунда. Только остаться в живых. Дитрих и Кроу тоже живы. — Хадсон горько рассмеялся.

— Но мы здесь, у нас есть кое-что из оружия, и мы знаем, чего нам следует опасаться. Так что лучше, Хадсон, принимайте все так, как есть, и беритесь за работу, потому что у нас каждая пара рук на счету. К тому же мне надоело ваше нытье, — сказала Рипли.

Техник открыл было рот, чтобы возразить, но она не дала ему произнести ни слова и продолжила:

— Сейчас же отправляйтесь к терминалам главного компьютера и разыщите в его памяти поэтажные планы этого здания. Собирайте все, что попадется: строительные чертежи, схемы технологического оборудования, инструкции по его обслуживанию. Мне особенно нужны схемы систем вентиляции, кабельных тоннелей, подвальных помещений, систем водоснабжения, словом, всего, что ведет в это крыло колонии. Хадсон, мне необходимо отчетливо представлять всю начинку этого здания. Если твари не доберутся до нас, они не смогут причинить нам никакого вреда. Сквозь эти стены они еще не проходили; возможно, такое им вообще не

под силу. Мы находимся в центре управления колонии, самом надежном сооружении на планете, если не считать преобразователей атмосферы. Эти комнаты располагаются довольно высоко над поверхностью, а мы пока еще не видели, чтобы твари могли ползать по вертикальной стене.

Хадсон помедлил, потом, обрадовавшись возможности заняться своим делом, немного расправил плечи. Хикс одобрительно кивнул Рипли.

— Слушаюсь. — Хадсон понемногу возвращался к своей роли дерзкого шута. Вместе с дерзостью он в какой-то мере обретал и прежнюю самоуверенность. — Понял вас. Вы хотите знать, где в этой куче хлама находится каждая розетка. Разыщу их все. Хадсон направился к пустовавшим терминалам компьютера, а Хикс повернулся к Бишопу:

— Вам тоже дать работу или вы уже сами нашли себе занятие по душе?

Бишоп в нерешительности задумался. В этом тоже проявились особенности запрограммированного в нем социального поведения. Настоящий андроид не может проявлять нерешительность.

— Если для чего-то вам нужен именно я... — начал Бишоп. Хикс показал головой, и андроид продолжил: — В таком случае я буду в медицинской лаборатории. Мне хотелось бы завершить кое-какие исследования. Возможно, попадется что-то полезное.

— Отлично, — сказала Рипли. — Вот и займитесь этим.

Она внимательно посмотрела на Бишопа. Если

тот и заметил ее изучающий взгляд, то не подал вида и молча направился в лабораторию.

10 Когда у Хадсона появлялось дело, он работал с удовольствием и быстро. Прошло совсем немного времени, а Рипли, Хикс и Берк уже окружили его и внимательно всматривались в схемы и графики, изображенные на большом плоском экране. Ньют, подпрыгивая то на одной ноге, то на другой, пыталась заглянуть через спины взрослых.

Рипли показала на экран:

— Уверена, твари приходили сюда и уходили вот по этому служебному тоннелю.

Хадсон проверил схемы.

— Согласен. Он ведет от станции прямо в подвальные подсобные помещения, вот сюда, — он провел пальцем вдоль линии, обозначавшей тоннель. — Вот так они проникли сюда и застали колонистов врасплох. Я бы тоже выбрал такой путь.

— Хорошо. На этом конце тоннеля есть пожарная дверь. Прежде всего нам нужно поставить одного робота-часового в тоннеле и наглухо эту дверь закрыть.

— Этим их не остановишь. — Хикс шарил глазами по плану. — Если они не пройдут по служебному тоннелю, то быстро найдут другой путь. Мы должны быть готовыми к тому, что в конце концов твари заберутся в комплекс.

— Правильно. Поэтому мы установим сварные металлические баррикады на этих перекрестках, —

не прерывая объяснений, Рипли показала точки на схеме, — и перекроем воздуховоды — вот этот и тот. Тогда твари смогут добраться до нас только по этим двум коридорам, а здесь отличное поле обстрела, мы и поставим двух роботов-часовых. — Рипли постучала ногтем по твердой поверхности светящегося экрана. — Конечно, нельзя исключить и вероятность того, что твари разнесут крышу, но, надеюсь, до этого они додумаются не сразу. А к тому времени прибудет спасательный корабль и заберет нас.

— Действительно, лучше бы к тому времени нас забрали, — пробормотал Хикс. Он внимательно изучал схему центра управления. — В остальном все выглядит превосходно. Мы завариваем противопожарную дверь в тоннеле, перекрываем коридоры, после чего нам будет не хватать лишь колоды карт, чтобы скротить время. — Он выпрямился и оглядел товарищей. — Ладно, мы теперь знаем, что нужно делать, давайте приступать к работе.

Хадсон изобразил полную готовность и, став по стойке «смирно», отчеканил:

— Слушаюсь!

Стоявшая рядом Ньют в тон ему повторила:

— Слушаюсь!

Хадсон посмотрел на девочку и невольно улыбнулся, но сдержал себя. Оставалось только надеяться, что никто не заметил этой улыбки, иначе его репутация человека несгибаемой воли и железного характера могла пострадать.

Устанавливая второго тяжелого робота-часо-

вого на треногу, гасившую отдачу, Хадсон не переставал про себя ворчать. Орудие казалось ему слишком приземистым, каким-то неуклюжим и даже уродливым, на нем не было ни прицела, ни спускового механизма. Васкес поставила на место другого робота, проверила соединения, связывающие огневой механизм с детектором движущихся целей. Убедившись, что Хадсон находится вне зоны поражения, она щелкнула переключателем, под которым значилось «Включено». Сверху загорелся зеленый огонек, а на небольшом контролльном экранчике сбоку вспыхнули сначала желтые, потом красные слова: ОРУДИЕ ГОТОВО К БОЮ.

Десантники отошли в сторону. Васкес подобрала корзину для мусора, выкатившуюся откуда-то в коридор, крикнула в микрофон системы управления: «Проверка!» — и бросила корзину в середину коридора.

Не успела корзина коснуться пола, как оба орудия развернулись и выстрелили, не оставив от мишени ни кусочка крупнее десятицентовой монеты. Хадсон восхищенно воскликнул:

— Получайте, гады! — потом повернулся к Васкес, закатил глаза и, понизив голос, пропел: — Верни меня домой, где стреляют лишь охотничьи ружья, где убивают только оленей и антилоп, да и тех на гамбургер.

— Ты всегда был излишне сентиментален, — заметила Васкес.

— Знаю. Это написано у меня на лице, — покорно согласился Хадсон и уперся плечом в пожарную дверь. — Помоги подтащить эту штуку.

Они подтянули к двери тяжелую стальную

плиту, потом Вассес распаковала портативный, но мощный сварочный аппарат, который предусмотрительно захватила с собой, и включила горелку. Из сопла с ревом вырвалось голубое пламя. Покрутив регулятор на рукоятке, она подобрала нужную длину факела.

— Отодвинься, парень, не то ненароком приварю твои ноги к ботинкам.

Хадсон послушно отошел в сторону. Сначала он смотрел, как работает Вассес, потом беспокойно оглядел пустой коридор, прислушался и включил микрофон.

— Говорит Хадсон.

Хикс откликнулся сразу:

— Как у вас дела? Мы занялись большим воздуховодом, тем, который ты нашел на плане.

— Роботы-часовые А и В установлены и включены. Они производят впечатление. Мимо них тут по коридору и муха не пролетит. — Слова Хадсона сопровождались свистом ацетиленовой горелки, с которой работала Вассес. — Сейчас завариваем пожарную дверь.

— Понял. Когда закончите, присоединяйтесь к нам.

— А ты думал, мне захочется немного побездельничать?

Хикс молча улыбнулся. Это было похоже на прежнего Хадсона. Капрал отвел от лица мешавший крохотный микрофон, поднял толстую металлическую плиту и установил ее так, что она закрыла отверстие воздуховода. Рипли понимающе кивнула и пододвинула еще одну плиту. Хикс достал сварочный аппарат — точно такой, с каким

работала Вассес, — и стал приваривать плиты к полу.

За его спиной работали Берк и Ньют. Они перетаскивали в одно место ящики и коробки с пищевыми концентратами и лекарствами. К счастью, чужие твари не тронули запасы концентратов, хранившиеся в колонии. Еще более важным было то, что работала система очистки воды. Поскольку вода там находилась под давлением, никаких дополнительных механизмов не требовалось, достаточно было открыть кран. Значит, от голода и жажды они не умрут.

Приварив плиту, Хикс выключил горелку и вытащил из поясного кармашка небольшой браслет. Он нажал крохотную кнопку, которая была заподлицо с металлической поверхностью, и на браслете тотчас вспыхнула миниатюрная лампочка. Хикс протянул браслет Рипли.

— Что это?

— Аварийный индивидуальный передатчик. Военный вариант тех, что имплантировали колонистам. У этого радиус действия поменьше, и носится он на руке, а не вживляется под кожу, но идея та же. Вот с этой штукой, — Хикс показал на небольшой искатель, встроенный в его бронежилет, — я смогу найти вас в любом помещении комплекса или возле него.

Рипли с любопытством оглядела браслет.

— Но зачем он мне?

— Послушайте, это так, на всякий случай, понимаете.

Рипли вопросительно посмотрела на капрала, потом пожала плечами и одела браслет на руку.

— Спасибо. А у вас такой есть?

Хикс с улыбкой отвернулся.

— Искатель только один. — Он похлопал по бронежилету. — К тому же я всегда точно знаю, где нахожусь. Что там у нас дальше?

Рипли углубилась в отпечатанный Хадсоном план колонии и тут же забыла о браслете.

Пока они работали, на планете что-то изменилось. Хикс и Рипли были слишком заняты, и первой на непривычную тишину обратила внимание Ньют.

Утих ветер. Не просто ослабел, а вообще замер. За стенами сооружений в неправдоподобной для Ахеронта тишине медленно перекатывались клубы густого тумана. Рипли была тут второй раз, но сейчас впервые не слышала завываний ветра. Странная тишина не успокаивала, а напротив, тревожила.

Без ветра низкая видимость на поверхности стала нулевой. Плотный туман обволакивал все здание центра управления. Изнутри, сквозь тройные стекла, казалось, будто колония погрузилась на дно мертвого моря.

В служебном тоннеле, соединявшем сооружения колонии друг с другом и со станцией, стояли два робота-часовых. Еле слышно жужжали детекторы движущихся целей. Часовой С охранял пустой коридор; на нем ярко горели зеленые буквы «Заряжено». В дальнем конце коридора через пробитую в потолке дыру просачивались струи тумана. Влага конденсировалась на голых металлических стенах и каплями стекала на пол. По падающим каплям робот-часовой не стрелял. Он

был достаточно умен, чтобы отличить безобидные естественные явления от угрожающих движений противника и терпеливо ждал появления тех, кого нужно будет уничтожать.

Ньют перетаскивала ящики и коробки, пока совсем не выбилась из сил. Рипли перенесла ее из центра управления в медицинское крыло. Девочка устало положила голову ей на плечо и время от времени пыталась что-то сказать, а Рипли отвечала ей, как будто понимала ее полусонное бормотание. Рипли искала место, где девочка смогла бы спокойно отдохнуть и где бы ей ничто не угрожало.

В наиболее удаленной части медицинского крыла располагалась операционная. Сложное оборудование размещалось большей частью в стенных нишах, а с потолка свешивались гибкие держатели с инструментами. Впрочем, при взгляде на потолок прежде всего в глаза бросались не они, а огромная полусфера со множеством ламп и с какими-то непонятными на первый взгляд медицинскими приборами. Не имевшие постоянного места шкафы колонисты сдвинули в угол, чтобы освободить место для нескольких переносных металлических коеч.

Вот здесь и будет наша спальня, решила Рипли. Сюда придется отступать, если чужие твари прорвутся через все преграды. Последнее убежище. Если верить найденным Хадсоном чертежам, двери здесь прочней и стены толще, чем в любом другом помещении колонии. Операционная показалась Рипли похожей на гигантский сводчатый склеп, почему-то напичканный сложными приборами.

Если им придется убить себя, чтобы не попасть в лапы чужих тварей, то именно тут когда-нибудь спасатели найдут их тела.

Но пока что в операционной было тихо, спокойно и даже уютно. Рипли осторожно положила девочку на ближайшую койку, улыбнулась ей.

— Ну вот, полежи здесь и немного поспи. Мне нужно помочь остальным, но при первой возможности я загляну к тебе. Ты очень устала, и тебе необходимо отдохнуть.

Ньют смотрела на Рипли широко раскрытыми глазами.

— Я не хочу спать.

— Тебе нужно поспать, Ньют. Человек не может жить без сна. Ты отдохнешь и почувствуешь, что у тебя прибавилось сил.

— Но мне снятся страшные сны.

Это мне знакомо, подумала Рипли. Все тем же успокаивающим тоном она попыталась утешить девочку:

— У всех бывают плохие сны, Ньют.

Девочка забралась поглубже под одеяло.

— Но не такие, как у меня.

Не ручайся за это, малышка, подумала Рипли, а вслух сказала:

— Могу поспорить, у Кейси страшных снов не бывает. — Она взяла куклу из рук девочки и нарочито внимательно стала ее рассматривать. — Так я и думала: не вижу ничего плохого. Слушай, попробуй стать такой же, как Кейси. Притворись, что у тебя здесь ничего нет. — Рипли прикоснулась ко лбу девочки.

— Ты хочешь сказать, мне надо сделать так, как будто у меня пустая голова? — улыбнулась Ньют.

— Да, совсем пустая. Как у Кейси. — Рипли провела ладонью по лицу девочки, убрала упавшую на лоб прядь. — Могу на что хочешь поспорить, если ты так сделаешь, будешь спать спокойно и не увидишь ни одного страшного сна.

Рипли закрыла немигающие глаза куклы и отдала ее хозяйке. Ньют взяла Кейси и закатила глаза, как бы говоря: «Не рассказывайте мне эти детские сказки. Мне уже целых шесть лет.»

— Рипли, ну как ты не понимаешь, она не видит страшных снов, потому что она просто кусок пластмассы.

— Ах, так. Прости меня, Ньют. Тогда, может быть, тебе удастся притвориться, что ты тоже сделана из пластмассы?

Девочка почти улыбнулась. Но только почти.

— Я попробую.

— Умница. Может, я тоже попробую.

Ньют прижала голову Кейси к своему плечу и задумалась.

— Мама всегда говорила, что на свете не бывает никаких чудовищ. Настоящих чудовищ. А они очень даже бывают.

Рипли гладила Ньют по головке, убиравая светлые волосики с бледного лба.

— Да, бывают. Ты сама знаешь.

— И они такие же настоящие, как ты или я. Это вовсе не выдумки, и они приходят не из книжек. Они самые настоящие, совсем не такие, каких я раньше видела в кино. Почему взрослые

обманывают детей, почему говорят неправду? — в голосе Ньют чувствовалась обида.

Рипли понимала, что этому ребенку не сожешь. Впрочем, у нее и не было ни малейшего желания обманывать Ньют. Девочка прошла через слишком тяжелые испытания, и теперь ее так просто не проведешь. Женщина инстинктивно чувствовала, что если она хоть раз обманет Ньют, то потеряет ее навсегда.

— Понимаешь, не все ребята такие сообразительные, как ты. Я хочу сказать, правда не всегда приятна. Если детям говорить правду, они могут испугаться, или взрослые подумают, что они испугались. Взрослые почти всегда недооценивают способность маленьких детей воспринимать правду и потому стараются облегчить им жизнь, приукрашивая ее.

— А вот эти чудовища. Правда, что одно такое росло в маме?

Рипли принялась старательно укрывать одеялом худенькое тельце.

— Не знаю, Ньют. Этого никто не знает. Я правду говорю. Думаю, что люди вообще никогда ничего не узнают.

Девочка на минуту задумалась, потом решила уточнить:

— Эти чудовища рождаются, как дети? Как человеческие дети? Они ведь тоже растут внутри.

По спине Рипли пробежал холодок.

— Нет, не так, совсем не так. У людей все совсем по-другому. По-другому начинается, по-другому ребенок появляется на свет. У людей и мама и ребенок действуют вместе, помогают друг другу. А у чужих тварей...

— Понимаю, — прервала ее Ньют. — А у тебя были дети?

— Да. — Рипли подтянула одеяло к подбородку Ньют. — Только один ребенок. Девочка.

— А где она сейчас? Осталась на Земле?

— Нет. Ее уже нет.

— Значит, тоже умерла.

Ньют не спрашивала, а просто констатировала факт. Рипли задумчиво кивнула, пытаясь вспомнить маленькую девочку — крохотное чудо с падавшими на глаза темными кудряшками. Как и Ньют, как и почти все дети, она ни минуты не сидела на месте, очень любила играть. Потом Рипли вспомнила фотографию пожилой женщины. Ту фотографию она видела всего лишь раз в жизни. Девочку и пожилую женщину связывало время, которое для Рипли прошло в гиперсне. Отца ребенка она помнила еще хуже. Кем она была? Влюбленной девушкой, потерявшей способность здраво рассуждать. Потом были мгновения счастья, померкшие при первом столкновении с реальностью. Развод. Гиперсон. Время.

Рипли встала, принесла портативный обогреватель. Нельзя сказать, чтобы в операционной было неуютно, но добавить тепла не помешает, подумала она. Обогреватель был похож на обычновенный пластиковый стержень, но стоило ей нажать кнопку «Включено», как он тихо зажужжал и засветился изнутри. Ожили нагревающие элементы, и потоки теплого воздуха сделали стерильную операционную более подходящей для жизни человека. Ньют сонно моргнула.

— Знаешь, Рипли, я вот что подумала, —

сказала девочка. — Может, я смогу заменить ее. Твою дочь. Не на совсем, конечно, а так, на время. Давай попробуем? Даже если тебе не понравится — не страшно. Я все пойму. Не беда. Что ты думаешь?

Рипли пришлось собрать всю свою волю, все, что еще оставалось от ее прежнего самообладания, чтобы не разреветься на глазах у девочки. Она крепко обняла Ньют. Рипли понимала, что и она и девочка могут не дожить даже до рассвета, что, возможно, в последнюю страшную минуту ей самой придется направить импульсный карабин в белокурый затылок Ньют.

— Думаю, это самая лучшая из всех мыслей, которые мне довелось выслушать за целый день. Давай поговорим об этом попозже, хорошо?

— Хорошо, — ответила Ньют и робко, с надеждой улыбнулась.

Рипли выключила свет и хотела было встать, но крохотные пальчики отчаянно вцепились в ее руку.

— Не уходи! Пожалуйста!

С большой неохотой Рипли высвободила свою руку.

Все будет хорошо. Я далеко не уйду, буду в соседней комнате, вот за той дверью. И не забывай, что тебя охраняет вот эта штучка, — Рипли показала на маленькую видеокамеру, установленную над дверью. — Ты ведь знаешь, что это такое?

В полуслучае Рипли скорее почувствовала, чем увидела, как девочка коротко кивнула.

— Ага. Это видеокамера безопасности.

— Правильно. Видишь зеленый огонек? Значит, она включена. Мистер Хикс и мистер

Хадсон проверили видеокамеры безопасности и сказали, что все они работают. Камера следит за тобой, а я буду смотреть на экран видеомонитора в другой комнате. Мне будет все видно не хуже, чем здесь.

Ньют все никак не решалась отпустить Рипли, поэтому та сняла браслет-передатчик, который дал ей Хикс, и, укоротив его чуть ли не втрое, застегнула на тоненьком запястье.

— Вот так. Это тебе на счастье. Браслет тоже поможет мне не потерять тебя. А теперь спи — и чтобы никаких снов. Договорились?

— Я постараюсь.

Девочка поудобнее закуталась в чистые простыни. В тусклом мерцании контрольных лампочек, светившихся на медицинских приборах, Рипли видела, как Ньют, улегшись на бочок, прижала к себе куклу и закрывающимися против ее воли глазами следила за крохотным зеленым огоньком, светившимся на браслете. И стараясь двигаться бесшумно, Рипли вышла из операционной.

Горман впервые после шока приоткрыл глаза. Его блуждающий взгляд пока был бессмысленным и свидетельствовал лишь о том, что лейтенант еще жив. Впрочем, и это было хорошим признаком — хоть один робкий шаг к выздоровлению.

Рипли наклонилась над неподвижно лежавшим на столе офицером, заглянула в его зрачки. Интересно, узнает он меня или нет, подумала она.

— Ну как? Я вижу, он открыл глаза, — спросила Рипли.

— Должно быть, только на это у него и хватило сил, — ответил Бишоп.

Он сидел рядом, за рабочим столом, в окружении приборов и сверкающих медицинских инструментов. В ярком свете единственной мощной лампы его лицо заострилось, приобрело какое-то зловещее выражение.

— Он ощущает боль?

— Нет, если верить показаниям приборов. Правда, эти показания не слишком надежны. Уверен, он сам скажет нам, как только сможет справиться со своими голосовыми связками. Между прочим, мне удалось выделить этот яд. Интересное вещество. Оказалось, это мышечно-специфичный нейротоксин. Он действует только на второстепенные системы и органы человека, не затрагивая дыхания и кровообращения. Любопытно, как им удается подбирать дозу для каждого отдельного организма при всем их разнообразии? Неужели инстинктивно?

— При первой возможности я расспрошу одну из этих тварей. — В этот момент одно веко лейтенанта открылось почти полностью, потом снова задрожало и опустилось. — Не пойму, то ли у него непроизвольно подергиваются веки, то ли ему становится лучше?

Бишоп кивнул.

— Очевидно, токсин постепенно разрушается. Он очень устойчив, но организм человека со временем разлагает и его. Продукты распада токсина уже начинают появляться в моче. Все-

таки человеческий организм — поразительно совершенная машина. Приспособливается буквально ко всему. Если токсин и дальше будет выводиться так же быстро, то лейтенант вскоре проснется.

— Разрешите мне сделать кое-какие предварительные выводы, — сказала Рипли. — Очевидно, чужие твари парализовали оставшихся в живых колонистов, перенесли их в ту камеру под станцией и замуровали в коконах, чтобы использовать в качестве инкубаторов для выращивания вот таких молодых особей. — Рипли показала на дверь комнаты, в которой стояли цилиндры с мертвыми и еще живыми тварями. — Следовательно, этих паразитов должно быть достаточно много, я права? По одному на каждого колониста. В лучшем для нас случае сотня с лишним, если считать, что в последнем бою мы уничтожили примерно третью их часть.

— Да, получается так, — охотно согласился Бишоп.

— Но эти паразиты, по крайней мере в форме ладони с пальцами, вылупляются из яиц. Тогда откуда же берутся яйца? Тот человек, который нашел космический корабль, зараженный паразитами, успел нам сообщить, что там было много, очень много яиц, но сколько именно, он не сказал. А после него на том брошенном корабле никого не было, кроме кого-то из колонистов, конечно. С другой стороны, возможно, что не все яйца были жизнеспособными.

Судя по всему, колония была уничтожена сравнительно быстро. Значит, маловероятно, чтобы

первые появившиеся в колонии чужие твари таскали сюда яйца с брошенного корабля, на это у них просто не было времени. Следовательно, существует иной источник их появления.

— Верно. Сейчас это самый важный вопрос. — Бишоп развернул кресло так, что оказался лицом к лицу с Рипли. — После того как стало очевидным постигшее колонию бедствие, я постоянно думаю над этим.

— А не появилось ли у вас каких-нибудь мудрых мыслей или хотя бы глупых идей?

— Пока не будут получены веские доказательства, все мои мысли остаются лишь гипотезами.

— Тогда изложите ваши гипотезы.

— Можно допустить, что существует некая аналогия между чуждыми нам организмами и некоторыми видами насекомых с социальным образом жизни, например, колонией муравьев или терmitов, управляемой одной особью женского пола, которая и является источником новых яиц.

Рипли поморщилась. Наука о насекомых слишком далека от астронавтики, и разговаривать на языке энтомологов для нее было непросто.

— Но ведь матка тоже появляется из яйца?

— Совершенно верно, — кивнул Бишоп.

— А если на чужом корабле не было такого яйца, из которого могла бы вылупиться матка?

— В сообществах насекомых не бывает особых маточных яиц. По мере необходимости их создают сами насекомые-рабочие. Любые насекомые — пчелы, муравьи, терmitы — используют одну и

ту же тактику. Они выбирают обычное яйцо и начинают усиленно подкармливать развивающийся в нем зародыш особой пищей, обогащенной определенными питательными веществами. У пчел, например, эту пищу называют маточным молочком. Компоненты этого молочка изменяют строение зародыша так, что в конце концов из него развивается не насекомое-рабочий, а вполне оформленвшаяся матка. Теоретически колыбелью для матки может стать любое яйцо. Почему для этой цели насекомые выбирают одно яйцо, а не другое, мы пока не знаем.

— Вы хотите сказать, что все эти яйца отложила одна тварь?

— Да, но внешне совсем иная, чем те, с которыми нам пришлось сталкиваться. Если развивать далее аналогию с насекомыми, то можно предположить, что матка чужих тварей по своим размерам намного превосходит тех особей, которые напали на колонистов. Именно так обстоит дело у муравьев и термитов. Матка термитов, например, настолько перегружена яйцами, что даже не может самостоятельно передвигаться. Ее усиленно кормят термиты-рабочие, они же ухаживают за ней, ее оплодотворяют трутни, охраняют особые насекомые-воины. Кстати, матка термитов совершенно безобидна. Напротив, пчелиная матка намного опаснее обычных рабочих пчел — она может жалить неоднократно. В ней сосредоточена вся суть жизни пчел, она в буквальном смысле слова является матерью сообщества.

Нам повезло, что по меньшей мере в одном отношении аналогия между насекомыми и чу-

жими тварями не сохраняется. Муравьи и пчелы развиваются непосредственно из яиц, проходя последовательно стадии личинки, куколки и взрослой особи. Эмбрион чужого организма может развиваться лишь в том случае, если он паразитирует в организме-хозяине. Если бы это было не так, то сейчас весь Ахеронт уже кишел бы этими тварями.

— Все это весьма интересно, — подвела итог Рипли, — но не очень утешительно. Чужие твари намного крупнее термитов или муравьев. А что если они обладают еще и разумом? И существует ли на самом деле матка? Тогда, на «Ностромо», мы не смогли ответить ни на один из подобных вопросов. Времени на размышления не было, мы только боролись за выживание.

— Трудно сказать что-то определенное, — задумчиво протянул Бишоп. — Впрочем, есть одна идея, которая, пожалуй, заслуживает внимания.

— Какая же?

— Возможно, чужие организмы влечет лишь слепой инстинкт, тяга к теплу или еще к чему-то, но если предположить, что матка существует, то она должна была выбрать для инкубации яиц такое место, которое мы не могли бы уничтожить, не разрушив всю колонию. Я имею в виду отсеки под теплообменными установками на станции по преобразованию атмосферы. Если это место выбрано случайно, тогда чужие организмы, вероятно, не разумнее обычного термита. Если же выбор направлял интеллект, то нашему положению не

позавидуешь. Тогда нам грозит серьезнейшая опасность.

Конечно, все это только предположения. Насколько они справедливы, я не знаю.

Может быть, в самом деле яйца были принесены сюда первыми появившимися на свет особями. Не исключено, что у них вообще нет ни матки, ни социальной структуры. Впрочем, неважно, руководствуются эти существа интеллектом или инстинктом, действуют они вполне согласованно. В этом мы могли убедиться на собственном опыте. Мы видели, что они умеют нападать сообща.

Рипли недолго обдумывала слова Бишопа. Выводы в любом случае были неутешительными. Впрочем, на иное она и не надеялась. Она кивнула в сторону цилиндров, в которых плавали чужие твари.

— Как только вы закончите работу, их нужно уничтожить. Вы меня поняли?

Бишоп посмотрел на двух еще живых паразитов, зловеще поблескивавших в своих цилиндрических сосудах-тюрьмах. Казалось, он чем-то расстроен.

— Мистер Берк приказал мне следить за их сохранностью и доставить живыми в лаборатории Компании. Он несколько раз повторил распоряжение.

Удивительно, но Рипли направилась не за импульсным карабином, а к микрофону.

— Берк!

— Слушаю, — донесся почти не искаженный

помехами голос представителя Компании. — Это вы, Рипли?

— Кто же еще? Где вы?

— Копаюсь в документах, пока есть время. Поскольку я, кажется, только мешаю другим, то я подумал, не попытаться ли мне отыскать здесь что-нибудь полезное.

— Я жду вас в лаборатории.

— Сейчас? Но я еще...

— Сейчас же! — Рипли выключила микрофон и перевела взгляд на удрученного Бишопа. — Вы пойдете со мной.

Бишоп послушно отложил в сторону свою работу и встал. Для Рипли этого было достаточно. Она хотела лишь убедиться, что андроид будет выполнять ее распоряжения и, хотя и является собственностью Компании, не находится в полном подчинении Берка.

— Ладно, не нужно.

— Я буду рад сопровождать вас, если вы этого хотите.

— Все в порядке. Я разберусь сама. А вы продолжайте исследования. Для нас это важнее, чем что-либо другое.

Бишоп озадаченно кивнул и вернулся на свое рабочее место.

Берк уже ждал Рипли у входа в лабораторию. Он не скрывал недовольства.

— Надеюсь, у вас важное дело. Кажется, я нашел что-то интересное, а времени у нас немного.

— Возможно, у вас вообще не будет ни секунды. — Берк хотел было возразить, но Рипли

прервала его, махнув рукой в сторону операционной. — Пойдемте туда.

Стены операционной были звуконепроницаемы, и здесь Рипли могла кричать на Берка сколько угодно, от души, не боясь привлечь внимания десантников. Берку следовало бы поблагодарить ее за такую предусмотрительность. Если бы о планах представителя Компании узнала Ваккес, она не стала бы тратить время на споры. Берк тут же получил бы пулю.

— Бишоп сказал мне, что вы намереваетесь тайком прихватить парочку живых паразитов и доставить из на Землю. Это правда?

Берк не стал отпираться.

— Но в этих цилиндрах они совершенно безвредны.

— Эти твари безвредны только мертвыми. Вы этого еще не поняли? Я настаиваю, чтобы они были уничтожены, как только Бишоп извлечет всю доступную информацию.

— Рипли, будьте благоразумны. — На лице Берка промелькнуло подобие прежней самоуверенной улыбки. — Отдел биологического оружия Компании отдаст за эти образцы миллионы. Хорошо, мы сбросим ядерную бомбу на колонию. В этом вопросе я остался в меньшинстве. Но сейчас я говорю об образцах. Всего-то два паршивых образца, Рипли. Какой вред они принесут, плавая в цилиндрах? А если вы боитесь опасных последствий в земных лабораториях, то напрасно. Наши специалисты умеют обращаться с такими существами.

— Никто не умеет обращаться с «такими

существами». Никто и никогда не сталкивался ни с одним подобным существом. Как вы думаете, если из лаборатории биологического оружия произойдет утечка каких-то микроорганизмов, это будет опасно? А теперь попытайтесь представить, каковы будут последствия, если один из этих паразитов ускользнет из лаборатории в большом городе с его тысячами километров подземных коммуникаций — канализационных труб, систем водоснабжения, связи, наконец, энергоснабжения.

— Но он не сможет ускользнуть. Ни одно существо не может вырваться из поля сосуда для хранения биологических образцов.

— Не торгуйтесь, Берк. Мы слишком мало знаем об этих чудовищах. Ваш план чересчур рискован.

Берк действовал убеждением и лестью одновременно:

— Перестаньте, Рипли, я же знаю, что вы умнее любого из них. Если все выйдет так, как я задумал, мы с вами станем героями. Обеспечим себя на всю оставшуюся жизнь.

— Вы действительно так представляете себе финал нашей экспедиции? — Рипли с презрением посмотрела на Берка. — Картер Берк, покоритель и покровитель чужих тварей! Неужели даже то, что произошло на уровне С, ничему вас не научило?

— Десантники были неправильно проинструктированы и слишком самоуверенны, — спокойно, без эмоций объяснил Берк. — Они оказались в окружении на крохотном пятаке, а потому не

смогли ни применить выгодную для себя тактику, ни использовать в полной мере преимущества своего оружия. Если бы они не поддались панике, а организованно отстреливались из импульсных карабинов, если бы они стреляли по тварям, а не по теплообменникам, то все остались бы живы, мы бы уже летели к «Сулако», а не сидели здесь по углам, как перепуганные кролики. Десантников послал туда Горман, а не я. К тому же им пришлось сражаться с взрослыми особями, а не с такими крохотными паразитами.

— Что-то я не слышала ваших возражений, когда обсуждался план операции.

— Кто бы стал меня слушать? Помните, что сказал Хикс? Да и вы сами? Если бы там был Горман, он только поддержал бы вас. — Берк саркастически протянул: — Это во-е-нная операция.

— Берк, выбросьте из головы свой план. Даже если я соглашусь с вами, у вас ничего не выйдет. Вы не пронесете опасный организм через карантинную службу на таможне. Раздел 22350 Устава коммерческого космического флота.

— Вы неплохо знаете Устав. Да, там сказано именно так. Но вы кое-что забываете. Устав — это всего лишь слова на бумаге, а ни слова, ни бумага никогда не могли остановить человека с твердым характером. Если на станции Гейтуэй мне удастся поговорить наедине с инспектором таможни минут пять, не больше, я пронесу образцы. Предоставьте это мне. Карантинная служба не сможет запретить то, о чем она никогда не узнает.

— Но она узнает, Берк.

— Каким образом? Сначала они побеседуют с нами, потом заставят пройти через тоннель-детектор. Подумаешь! Когда прибудет бригада для проверки нашего груза, я уже договорюсь с экипажем спасательного корабля, чтобы они спрятали цилиндры где-нибудь в машинном отделении или в секции переработки отходов. Потом я потихоньку их заберу. К тому же нас забросают вопросами, ловя каждое слово, так что на проверку груза просто не останется времени.

Кроме того, к тому времени все уже будут знать, что мы нашли руины колонии и улетели на Землю при первой возможности. Никому и в голову не придет заподозрить, что мы хотим что-то пронести тайком. Уверяю, Рипли, Компания меня поддержит, стоит им только узнать, какой подарок мы им приготовили. Компания позаботится и о вас, можете не сомневаться.

— Я и не сомневаюсь, что Компания вас поддержит, — сказала Рипли. — На этот счет у меня никогда не было ни малейших сомнений. Если руководители Компании, прослушав мой рассказ, посыпают сюда десяток солдат под командованием неопытного надутого пузыря вроде Гормана, то они способны на все.

— Вы все принимаете слишком близко к сердцу.

— Прошу прощения, если это так. Но я люблю жизнь, и мне совсем не нравится перспектива однажды утром проснуться от того, что моя грудь разрывается и из нее вылезает мерзкое чудовище.

— Этого никогда не будет.

— Правильно, не будет. Потому что, если вы попытаетесь вывезти с Ахеронта этих кошмарных тварей, я расскажу о ваших планах всему экипажу спасательного корабля. Думаю, на этот раз мне поверят. Впрочем, не надо даже ждать спасательного корабля. Достаточно сказать Васкес или Хиксу, или даже Хадсону. Они не станут дожидаться особых указаний и не обойдутся парой ругательств. Поэтому лучше бросьте вашу затею, Берк. — Рипли показала рукой в сторону лаборатории. — Вы и одного цилиндра не вынесете оттуда, не то что заберете его с собой на Землю.

— А если мне удастся убедить других?

— Не удастся. Впрочем, представим на минуту обратное. Тогда каким образом вы убедите их в том, что не виновны в гибели ста пятидесяти семи колонистов?

У Берка заметно поубавилось воинственности, он даже побледнел.

— Подождите. Что вы имеете в виду?

— То, что вы слышали. Я имею в виду колонистов. Всех этих несчастных, ничего не подозревавших людей, которые добросовестно работали на Компанию. Например, семью Ньют. Вы сказали, что я неплохо помню Устав. Так вот, я разбираюсь не только в уставах. Я нашла в памяти здешнего компьютера интересный документ. Он сохранился не хуже, чем те планы и схемы, которые обнаружил Хадсон. Именно вы направили колонистов обследовать брошенный космический корабль. В суде этот документ произведет должное

впечатление. «Распоряжение Компании № 6129 от тринадцатого мая семьдесят девятого года. Провести обследование возможного источника электромагнитного излучения в районе с координатами...» Я же не говорю вам ничего нового, не так ли? Подписано: Картер Дж. Берк.

Рипли дрожала от негодования. Наружу выплеснулся весь давно копившийся в ее душе гнев на некомпетентных и до глупости скupых администраторов, которые снова ввергли ее в это царство кошмаров.

— Именно вы, Берк, послали их туда и даже не сочли нужным предупредить о возможной опасности. Вы все знали. Вы присутствовали на всех заседаниях комиссии по расследованию. Вы слышали мой рассказ и поверили, если не всему, то хотя бы каким-то моим словам, иначе зачем вы приказали обследовать брошенный космический корабль? Должно быть, вы решили, что там что-то есть, в противном случае зачем бы вам беспокоиться, посыпать распоряжение, приказывать кому-то отправиться на разведку к тому броенному кораблю? Возможно, вы не были уверены, но что-то подозревали, чем-то заинтересовались. Конечно, в исследовании, в разведке ничего плохого нет. Но делать-то это следовало очень осторожно, послав хорошо подготовленных специалистов, обеспеченных средствами защиты, а не какого-то простого колониста. И обязательно нужно было сообщить им о всех возможных опасностях, даже если вы считали это маловероятным. Почему вы не предупредили их, Берк?

— О чем я мог их предупредить? — запретествовал Берк.

Значит, он только слышит мои слова, не чувствуя моего гнева и возмущения, подумала Рипли. Кажется, она начинала понимать Картера Дж. Берка.

— Послушайте, — продолжал Берк, — а если бы этих тварей вообще не оказалось, что тогда? Может, здесь ничего никогда и не было? Мы могли полагаться только на ваш рассказ, но принимать его за чистую монету — согласитесь, это было бы слишком.

— Слишком? Берк, а вы не забыли, что записывающее устройство «Нарцисса» было выведено из строя? Помните, я говорила об этом комиссии? Вы, конечно, не знаете, что случилось с моим записывающим устройством, не так ли?

Берк сделал вид, что не слышит вопроса.

— Как вы думаете, чем бы кончилось расследование, если бы я проявил инициативу и полез в дела, которыми занимается служба безопасности?

— Не знаю, — коротко ответила Рипли. — Просветите меня.

— Тогда все взяла бы в свои руки колониальная администрация. Это значит, что правительственные агенты следили бы за каждым моим шагом, слушали бы каждое сказанное мной слово, лишили бы меня всякой свободы передвижения! В моем офисе день и ночь копошились бы в бумагах инспекторы и ревизоры, выискивая любой маломальски благовидный предлог, чтобы прикрыть

мой офис, лишить меня всего — разумеется, исключительно ради того же блага народа. Никаких исключительных прав, вообще никаких прав. Тот факт, что ваш рассказ оказался на сто процентов правдивым, явился откровением как для меня, так и для всех других. — Берк пожал плечами, к нему вернулась его обычная самоуверенность. — Произошла ошибка, вот и все.

В душе Рипли будто что-то взорвалось. Удивив и себя и Берка, она схватила представителя Компании за воротник и припечатала его к стене.

— Ошибка? Колонисты мертвы, Берк! Сто пятьдесят семь человек, все колонисты, кроме единственного ребенка, погибли из-за вашей «ошибки». Это не считая Эйпона и других десантников, разорванных в клочья или парализованных тварями. — Рипли дернула головой в сторону станции. — Если за это вас решат пригвоздить к позорному столбу, я буду стоять рядом и подавать гвозди. Это в том случае, если, несмотря на вашу «ошибку», мы выберемся живыми с этой чертовой планеты.

Рипли, дрожа от негодования, отошла в сторону. В каком-то смысле даже чужие твари лучше, по крайней мере у них ясна мотивация поведения.

Берк выпрямился, поправил куртку и с сожалением сказал:

— Вы не способны видеть перспективу. А жаль. Ваше мироощущение крайне ограничено, вы живете только сиюминутными проблемами. Вас не интересует, как вы смогли бы жить завтра.

— Если и в завтрашней жизни рядом будете вы, то действительно не интересует.

— Я ожидал от вас большего, Рипли. Я полагал, что вы умнее, что я смогу рассчитывать на вас в критический момент.

— Снова ошиблись, Берк. Сожалею, что разочаровала вас.

Она резко повернулась и, хлопнув дверью, вышла. Берк проводил ее глазами, обдумывая свой следующий шаг.

Тяжело дыша, Рипли быстро шла к центру управления. Как раз в этот момент завыла сирена тревоги. Этот звук заставил ее забыть о стычке с представителем Компании. Она побежала.

11

Рядом с терминалом главного компьютера колонии Хадсон установил переносной пульт тактического контроля. От пульта к компьютеру протянулись десятки проводов. Это позволяло управлять немногими еще функционировавшими инженерными системами. Когда Рипли вошла в центр управления, Хикс, щелкнув тумблером, отключил сигнал тревоги. К ним присоединились Васкес и Хадсон.

— Они приближаются, — спокойно сказал Хикс. — Я подумал, что вам это может быть небезинтересно. Они уже в тоннеле.

Не сводя глас с пульта, Рипли облизнула внезапно пересохшие губы.

— Мы готовы к встрече? — спросил она.

Капрал пожал плечами.

— Готовы, насколько это возможно в нашем положении. Конечно, если все, что мы установили, будет работать... От гарантий изготовителей мало проку, если, например, в последний момент замкнет системы управления у этих роботов-часовых. А кроме них у нас нет почти никакого оружия.

— На этот счет можешь не беспокоиться, они будут работать, — заверил Хадсон. С момента первой стычки, произошедшей на нижних уровнях станции, он еще ни разу не был так уверен в себе. — Я установил не одну сотню таких игрушек, и они никогда меня не подводили. Раз загорелся сигнал боевой готовности, можно уходить и забыть о пушках, они все сделают сами. Только вот не уверен, достаточно ли их у нас.

— Теперь нет смысла гадать, достаточно или нет. Мы пустим в ход против чужих тварей все, что у нас есть. Или роботы-часовые остановят их, или нет. Все зависит от того, сколько здесь этих тварей.

Хикс замолчал и одну за другой нажал две кнопки. Если верить приборам, все орудия были в порядке и в состоянии полной боевой готовности. Он бросил взгляд на мониторы детекторов движущихся целей, установленных на орудиях. Световые сигналы мигали сначала медленно, потом все быстрей и быстрей, пока мигание не превратилось в непрерывное яркое свечение. В тот же миг от разрывов мощных снарядов пол в центре управления ощутимо задрожал.

— Это роботы-часовые А и В. Обнаружены цели, по ним ведется стрельба, — объяснил Хикс

и повернулся к Хадсону. — Ты обеспечил неплохой огневой заслон.

Техник пропустил мимо ушей похвалу Хикса, все его внимание было поглощено приборами.

— Еще бы десяток таких роботов, — вполголоса пробормотал он. — Было бы в самый раз. Эх, будь у нас еще хотя бы десяток часовых...

По всем помещениям комплекса разносился несмолкаемый грохот автоматических орудий, непрерывно стрелявших уровнем ниже. На пульте контроля стрелки счетчиков боезапаса неумолимо приближались к нулевой отметке.

— Пятьдесят снарядов на орудие. Разве мы их остановим, если у нас всего лишь по пятьдесят снарядов на орудие? — пробормотал Хикс.

— Должно быть, твари идут сплошной стенной, — Хадсон кивком показал на приборы. — Взгляните, как скачут стрелки счетчиков. Там настоящий тир...

— А как насчет кислоты? — спохватилась Рипли. — Я понимаю, орудия защищены броней, но вы же сами видели, как действует эта дрянь. Она моментально прожигает насквозь все что угодно.

— Пока орудия стреляют, с ними ничего не должно случиться, — успокоил ее Хикс. — У этих снарядов хорошая ударная сила. Если часовые и дальше будут отбрасывать тварей, то кислота на них не попадет. Она может прожечь все стены и пол в коридоре, но орудия останутся целыми.

Очевидно, в тоннеле все именно так и происходило, потому что орудия там не замолкали ни на секунду. Так длилось две минуты, три. Потом

грохот внизу заметно поутих, а счетчик орудия В достиг нулевой отметки. Монитор его детектора движущихся целей продолжал ярко светиться: беспомощное орудие выискивало цели, по которым уже не могло стрелять.

— Орудие В замолчало. У орудия А осталось двадцать зарядов, — сообщил Хикс, не сводя взгляда со счетчиков. Он вдруг почувствовал, что у него пересохло в горле. — Десять. Пять. Все.

В центре управления воцарилось мрачное молчание, которое, однако, продолжалось недолго. Сначала тишину нарушили донесшиеся снизу приглушенные звуки мощных ударов. Эти удары, как звон гигантского гонга, регулярно повторялись каждые несколько секунд. Все поняли, что это означает.

— Они у пожарной двери, — пробормотала Рипли.

Сила и ярость ударов возрастали. Вскоре к глухим звукам добавился скрежет мощных когтей по стали, от которого у Рипли мороз пробежал по коже.

— Думаете, там они не смогут прорваться? — спросила Рипли. Хикс на удивление спокоен, отметила она. Что это — уверенность в своих силах или покорность судьбе? — Помните, одна из тварей сорвала люк бронетранспортера, когда пыталась вытащить Гормана? — напомнила она.

Васкес кивком головы показала вниз.

— Там люков нет. Это двойная пожарная дверь класса А: три слоя стального сплава, а между ними

два слоя композитного материала на основе углеродного волокна. Дверь устоит. Меня беспокоят сварные соединения. У нас было маловато времени. Я бы чувствовала себя уверенней, если бы у меня была пара стержней хромитного присадочного материала и лазер, а не ацетиленовая горелка.

— И еще хотя бы час времени, — добавил Хадсон. — А ты не хочешь еще парочку противопехотных ракетных установок вроде «Катюши-6»? Одна такая штучка запросто очистила бы весь коридор.

Неожиданно для всех зажужжал сигнал системы внутренней связи. Хикс включил громкоговоритель.

— Говорит Бишоп. Я слышал стрельбу. Как у нас дела?

— Как мы и ожидали. Часовые А и В израсходовали весь боезапас, но они должны были нанести заметный урон.

— Это хорошо, потому что, боюсь, у меня плохие новости.

Хадсон скрчил рожу и прислонился спиной к большому шкафу.

— Ну, начинается, — проворчал он.

— Какие именно? — уточнил Хикс.

— Мне будет проще объяснить, если я вам кое-что покажу. Я скоро буду у вас.

— Ждем, — ответил Хикс и выключил связь. — Прекрасно. Только этого нам не хватало.

— Эй, в чем дело? — небрежно бросил Хадсон. — Мы уже по уши в дерьме, стоит ли так переживать?

Бишоп появился довольно быстро и сразу направился к единственному высокому окну, из которого было видно большинство сооружений колонии. Снова поднялся ветер и развеял туман. Видимость все еще оставляла желать лучшего, но все же позволяла десантникам разглядеть вдали силуэт станции. Неожиданно из ее основания вырвался огромный столб пламени, затмив на мгновение даже светящуюся корону над вершиной конуса.

— Что это было? — Хадсон прижался лицом к стеклу.

— Аварийный выброс, — ответил Бишоп.

— Станция может выдержать перегрузку? — спросила стоявшая рядом с техником Рипли.

— Ни в коем случае. Это совершенно исключено. Не выдержит, даже если при расчетах я ошибся раза в два, а у меня нет ни малейших оснований сомневаться в абсолютной точности результатов.

— Так что же там произошло? — спросил Хикс, возвращаясь на свое место. — Это шуточки чужих тварей, что там они натворили на станции?

— На этот вопрос ответить невозможно. Не исключено, это их дело. Но более вероятно, что во время сражения на уровне С выстрелом был поврежден какой-то важный элемент энергетического оборудования. А быть может, повреждение нанес наш шаттл, когда врезался в станцию. Впрочем, теперь это неважно, важен результат, а он для нас крайне неблагоприятен.

Рипли начала было задумчиво постукивать

пальцами по стеклу, потом решила, что стук может привлечь внимание тварей, и опустила руку. В этот момент из основания станции снова вырвался столб раскаленных газов.

— Скоро она взорвётся? — спросил Хикс.

— Нельзя сказать наверняка. Имеющиеся данные позволяют сделать лишь ориентировочные выводы. Соответствующие расчеты очень сложны и включают слишком много переменных, которые можно оценить лишь в первом приближении.

— Так когда же? — настаивал Хикс.

Бишоп повернулся к капралу.

— Те данные, которые мне все же удалось собрать, позволяют предположить, что системы станции полностью выйдут из-под контроля меньше чем через четыре часа. Все будет разрушено в радиусе не меньше тридцати километров. Взрыв будет мгновенным и чистым. Никаких радиоактивных осадков. Мощность его приблизительно десять мегатонн.

— Это утешает, — бесстрастно заметил Хадсон.

Хикс тяжело вздохнул:

— Кажется, мы влипли.

Хадсон развел руками и отвернулся от товарищей.

— Не могу поверить, — безутешно бормотал он. — А вы можете? Роботы-часовые разорвали в клочья десятки тварей, пожарная дверь еще держится, и все это напрасно?

— Может, еще не поздно отключить станцию? Конечно, если необходимые системы управления и контроля еще работают, — спросила Рипли и посмотрела на Бишопа. — Не могу сказать, что

мне доставит большое удовольствие снова тащиться по той дороге, но если в этом единственный шанс на наше спасение, я бы всерьез обсудила такой вариант.

Бишоп с сожалением покачал головой.

— Поберегите свои ноги. Боюсь, в любом случае уже поздно. Наши ли выстрелы, удар ли десантного шаттла или что-то другое причинило слишком большие разрушения. Сейчас перегрузка станции уже неизбежна.

— Ужасно. Так что же нам делать?

— Лечь на пол головой от станции, накрыться белой простыней и попрощаться со своей мамочкой, — зло ухмыльнулась Васкес.

Хадсон расхаживал взад-вперед, как тигр в клетке.

— О, черт! А мне оставалось совсем немного! Еще четыре недели — и все. Из них три в гиперсне. Досрочная пенсия. Нам говорили: десять лет в космических десантниках, и тебе обеспечено безбедное существование на всю оставшуюся жизнь. Вербовщики говорили. А теперь я сдохну на этой проклятой Богом куче камней. Черт побери, это нечестно!

Всем своим видом Васкес показывала, что Хадсон ей до смерти надоел.

— Хадсон, избавь нас от своего нытья.

Техник резко повернулся к ней.

— Тебе, Васкес, легко говорить. Ты чокнутая. Тебя хлебом не корми, дай послоняться по этим грязным планеткам и пострелять всяких чудовищ с лягушачьими глазами. А я пошел в десантники только из-за пенсии. Десять лет — и ты в расчете.

Бери кредит, покупай маленькое кафе, нанимай кого-нибудь, чтобы делал за тебя всю грязную работу, а ты будешь только болтать с посетителями, и денежки сами потекут в карман.

Еще один фонтан раскаленных газов осветил туманный ландшафт, и Ваксес бросила взгляд в окно. Выражение ее лица было безжалостным.

— Ты разбил мое сердце. Лучше займись своими проводками и счетчиками.

— Все очень просто, — сказала Рипли, глядя на Хикса. — Нам нельзя оставаться здесь. Значит, мы должны убраться отсюда. Есть только один способ сделать это: на втором десантном шаттле. Том самом, что остался на «Сулако». Нам как-то нужно передать туда команду на его спуск. Должен быть способ дать такую команду.

— Он существовал. Вы считаете, я не думал об этом с того самого момента, как Ферро врезалась в станцию? — Хадсон наконец остановился. — Команду на спуск шаттла дает специальный передатчик, настроенный на строго определенную частоту.

— Знаю, — нетерпеливо перебила его Рипли. — Я тоже думала о таком варианте, но теперь это не в наших силах.

— Правильно. Передатчик был на бронетранспортере. Он сгорел.

— Значит, должен найтись другой способ вызвать десантный корабль. Какой — это не мое дело. Вы техник, вот вы и ищите.

— Что искать? Бесполезно. Все кончено.

— Нет, не все. Подумайте как следует, Хадсон. Может, использовать местную антенну? На той

вышке слева от нас, на другом конце колонии? Разве нельзя, воспользовавшись ею, передать сигнал такой же частоты? Приемное устройство воспримет сигнал точно так же, как и от стандартного аварийного передатчика. Внешне антенна кажется вполне исправной.

— Такая мысль мне уже приходила в голову, — сказал Бишоп, и все повернулись к нему. — Я проверил, насколько это реально. Кабельная связь между вышкой и центром управления была повреждена в нескольких местах во время первых же сражений между колонистами и чужими тварями. В этом, между прочим, одна из причин того, что колонисты не смогли передать ни одного сигнала на ретрансляционный спутник связи — даже простое предупреждение тем, кто, как мы, прилетел бы сюда для проверки.

Мозг Рипли работал не хуже сверхмощного компьютера, мгновенно анализируя тысячи вариантов и отсеивая нереальные. Наконец, остался единственный.

— Итак, вы утверждаете, что антенна еще работает, но ею нельзя воспользоваться из центра управления?

Бишоп немного подумал, потом согласно кивнул.

— Мы можем передать соответствующий сигнал, если у нее имеется аварийный источник питания. Большой мощности для этого не потребуется, поскольку все другие обычно работавшие каналы давно молчат.

— Тогда все ясно, — заключила Рипли и обвела взглядом товарищей. — Значит, кто-то из нас

должен выйти отсюда. Взять с собой переносной передатчик, добраться до башни и подключить его к антенну вручную.

— Ну конечно, конечно! — с наигранным энтузиазмом подхватил Хадсон. — А кругом шныряют эти веселые ребята. Ничего не выйдет, я не пойду.

Бишоп сделал шаг вперед и спокойно, будто о чем-то само собой разумеющемся, будто не могло быть никаких иных вариантов, сказал:

— Я пойду.

Рипли изумленно уставилась на Бишопа:

— Что?

Андроид примирительно улыбнулся:

— В любом случае из всех присутствующих только я имею право осуществлять дистанционное управление десантным шаттлом. Да и погода действует на меня в меньшей мере, чем на любого из вас. Кроме того, я не столь подвержен действию... разного рода отвлекающих факторов. Мне легче сконцентрировать все свое внимание на работе.

— Если только к вам не будут приставать местные жители, — заметила Рипли.

— Да, все будет прекрасно, если мне не помешают, — согласился Бишоп и улыбнулся еще шире. — Поверьте, я бы предпочел не рисковать. Хотя я и андроид, но не глупец и не самоубийца. Однако поскольку альтернативы гибели в ядерном взрыве нет, я согласен попытаться.

— Хорошо. Так и решим. Что вам потребуется?

— Переносной передатчик, разумеется. И еще мне нужно будет убедиться, что антенна получает

достаточное питание. Передатчик должен быть как можно точнее настроен на требуемую частоту, так как мне предстоит послать направленный сигнал за пределы атмосферы. Кроме того, мне понадобится...

Вдруг Вассес оборвала Бишопа:

— Слушайте!

— Что такое? — Хадсон медленно обернулся кругом. — Ничего не слышу.

— Вот именно. Стук прекратился.

Вассес была права. Стук и скрежет у пожарной двери прекратились. Воцарившуюся ненадолго тишину прервал негромкий, но пронзительный вой сирены детектора движущихся целей. Хикс бросил взгляд на приборы.

— Они прорвались в комплекс.

Чтобы собрать требовавшиеся Бишопу приборы, много времени не понадобилось. Другое дело — найти безопасный выход. Десантники заспорили о преимуществах и недостатках разных маршрутов, сравнивая информацию, которую им дал компьютер колонии, с данными собственных приборов и своими догадками, подсказанными интуицией и воображением. В результате был выбран один путь, казавшийся всем наименее опасным.

Этот путь представили на одобрение Бишопу. Неважно, человек он или андроид, последнее слово оставалось за ним. Новое поколение искусственных людей было наделено не только множеством свойственных человеку эмоций, но и специальной программой самосохранения. Как позволил себе заметить Бишоп, когда дискуссия стала слишком

оживленной, в целом он предпочел бы оказаться в Филадельфии.

Впрочем, спорить было почти не о чем. Все согласились, что только один путь давал Бишопу шанс выскользнуть из центра управления незамеченным. Как только споры закончились, воцарилось неловкое молчание. Наконец Бишоп был полностью экипирован и готов к опасной вылазке.

В медицинской лаборатории, в полу, зияла довольно большая дыра, проеденная кислотой — один из многочисленных следов проигранного колонистами сражения. Через дыру можно было проникнуть в лабиринт трубопроводов и узких служебных переходов, располагавшихся под полом. Некоторые из них были соединены с основными помещениями колонии в соответствии с какими-то задумками изобретательных обитателей Хадли. Именно сюда и готовился спуститься Бишоп.

Изгинаясь всем телом, андроид ногами вперед протиснулся в отверстие в полу. Скоро он почти скрылся в узком трубопроводе и, лежа на спине, снизу посмотрел на десантников.

— Как там? — спросил Хикс.

Бишоп приподнял голову и заглянул в трубу.

— Темно. Никого и ничего. Проход узковат, но, думаю, мне удастся проползти.

Да, уж лучше бы удалось, подумала Рипли.

— Готовы принять передатчик?

В ответ Бишоп поднял обе руки.

— Давайте.

Рипли вложила в руки андроида компактный,

но тяжелый прибор. С трудом извернувшись, Бишоп протолкнул передатчик вперед. К счастью, устройство было надежно защищено прочным пластиковым кожухом. Когда Бишопу придется толкать его перед собой, пластик будет греметь, но все же меньше, чем металлическая коробка. Андроид повернулся на бок и снова вытянул руки.

— Давайте все остальное.

Рипли передала ему небольшую сумку с инструментами, мотками проводов, запасными блоками, заряженным пистолетом и небольшим сварочным аппаратом с запасом горючего. Сумка получилась довольно тяжелой и неудобной, но ничего не поделаешь. Лучше добраться до вышки на несколько минут позже, чем на месте обнаружить, что не хватает чего-то самого необходимого.

— Вы хорошо запомнили путь? — спросила Рипли.

— Да, если последняя схема колонии верна. Этот трубопровод ведет почти к самой вышке. Сто восемьдесят метров. Мне потребуется, скажем, сорок минут, чтобы доползти туда. Было бы проще передвигаться на гусеницах или на колесах, но конструкторы сотворили меня по своему облику и подобию и дали мне ноги.

Никто не улыбнулся.

— После того как я доберусь туда, примерно час уйдет на подсоединение к антенне. Если я пошлю сигнал на корабль с первой попытки, тридцать минут потребуется на подготовку шаттла и около пятидесяти минут на полет.

— Почему так долго? — спросил Хикс.

— С пилотом на борту шаттл добрался бы до

планеты вдвое быстрей. К сожалению, дистанционное управление через переносной передатчик — чертовски сложное дело. Меньше всего мне хотелось бы в спешке потерять связь с шаттлом или управление им. Спускать его придется очень медленно, иначе он может кончить так же, как и первый.

Рипли посмотрела на хронометр.

— У нас мало времени. Лучше вам отправляться прямо сейчас.

— Да, конечно. До скорой встречи, — с наигранной бодростью попрощался Бишоп.

Рипли понимала, что андроид хотел ободрить всех остававшихся. Не было ни малейших оснований относить его слова только к себе. В конце концов он всего лишь андроид, можно сказать, почти машина.

Васкес закрыла дыру тяжелой металлической плитой и тут же стала приваривать ее к полу. Рипли отвернулась. Относительного того, что предстояло сделать Бишопу, никаких «а что, если...» быть не могло. Если ему не удастся вызвать шаттл, то им уже не нужно будет беспокоиться об отражении атак чужих тварей. Тлевший в недрах станции костер скоро уничтожит всех — и людей и их.

Бишоп, лежа на спине, смотрел, как горелка Васкес описывает круг над его головой. Зрелище было впечатляющим, а заложенные в Бишопа программы позволяли ему ценить красоту, но сейчас у него на это не было времени. Он перевернулся на живот и пополз, толкая перед собой передатчик и сумку с инструментами.

Толчок, полметра вперед, еще толчок, еще полметра — так получалось слишком медленно. Трубопровод был не многим шире его плеч. К счастью, андроиды не подвержены клаустрофобии, головокружению или психическим расстройствам, свойственным человеку. По крайней мере в этом отношении искусственный интеллект явно выигрывал.

Впереди трубопровод, казалось, уходил в бесконечность. Наверно, так же должна себя чувствовать пуля в стволе винтовки, размышлял Бишоп. Правда, пуле все безразлично, а ему свойственны чувства и ощущения. С другой стороны, все это лишь программа, вложенная в него человеком.

В темноте, в одиночестве думалось особенно хорошо. Продвижение ползком не требовало особых умственных усилий, и Бишоп занялся анализом своего положения.

Чувства и программа. Раздражение органической материи или специфический способ передачи информации? В конечном счете, есть ли принципиальные различия между ним и, например, Рипли или любым другим человеком? Конечно, если не считать того, что все андроиды — пацифисты, а большинство людей настроено агрессивно. Как человек приобретает способность чувствовать?

Замедленная программа. Когда человеческое дитя только появляется на свет, в нем уже заложены определенные инстинкты, но впоследствии они могут резко измениться, перепрограммироваться под воздействием окружения, друзей, образования и множества других факторов. Бишоп

понимал, что ни окружение, ни что иное не может повлиять на его собственные программы. Интересно, что случилось с тем его предшественником, который вышел из-под контроля и из-за которого Рипли так возненавидела его, Бишопа? Был ли это случайный сбой или неизвестный злоумышленник преднамеренно изменил программу? Какие причины могут толкнуть человека на такой шаг?

Бишоп понимал: как бы сложны ни были заложенные в него программы и чему бы он ни научился за отведенное ему время существования, его создатели навсегда останутся для него непознанными до конца. Для искусственного интеллекта человечество всегда будет загадкой, быть может, забавной и поучительной, но все же загадкой.

В чужих тварях в отличие от людей не было ничего загадочного, в их действиях не прослеживалось непостижимых мотивов, их намерения всегда были ясны и прямолинейны. Не составляло труда предсказать, как они поступят в той или иной ситуации. Более того, десять чужих тварей, вероятнее всего, будут действовать в любой ситуации одинаково, тогда как десять человек могут принять десять совершенно разных, порой взаимоисключающих решений, из которых добрая половина будет лишена логики. Это и понятно, потому что человеческое общество — это не муравейник и не пчелиный улей. Во всяком случае сами люди предпочитают так думать. Бишоп не мог поручиться, что в этом он полностью согласен со своими творцами.

И все же нельзя сказать, чтобы между человечеством, чужими тварями или андроидами существовали принципиальные различия. Все живут в своих муравейниках, разница лишь в том, что в человеческом сообществе царит хаос, обусловленный той особой характеристикой людей, которую они называют индивидуальностью. И в него тоже заложили такую программу. В результате из него получился получеловек. Так сказать, почетный член сообщества биологических видов. В каких-то отношениях андроиды были лучше, совершеннее людей, в каких-то — хуже, упрощенней. Бишопу больше нравилось, когда люди вели себя так, словно он был одним из них.

Бишоп посмотрел на хронометр. Надо ползти быстрее, иначе он не успеет вызвать шаттл.

Роботы-часовые, охранявшие вход в центр управления, открыли огонь. Грохот выстрелов разносился по всем коридорам и помещениям. Рипли вооружилась огнеметом и направилась к терминалам главного компьютера. Васкес замысловатой завитушкой завершила сварной шов на толстой плите, разделявшей теперь их и Бишопа, выключила сварочный аппарат и последовала за Рипли.

Хикс, как загипнотизированный, смотрел на экраны, на которые передавали изображение орудийные видеокамеры. Он не отвел от них взгляда, даже когда кивнул подошедшем женщинам:

— Взгляните на это зрелище, — тихо сказал он.

Рипли заставила себя посмотреть на экран. К счастью, изображение на нем воспринималось не

так остро, как вид живой твари рядом с тобой. В коротких промежутках между выстрелами, яркими вспышками освещавшими экран, была хорошо видна большая группа чужих тварей. Они падали, толкали друг друга и все же упрямо стремились прорваться через заслон роботов-часовых. Каждый раз, когда снаряд попадал в очередную тварь, ее покрытое плотной хитинообразной оболочкой тело буквально взрывалось, во все стороны разбрызгивая кислоту. На стенах и в полу появлялись все новые и новые зияющие дыры и выемки. Кислота не действовала только на самих чудовищ.

Трассирующий снаряд развеял пелену тумана, который клубами вкатывался в коридор через множающиеся на глазах десантников дыры в стенах. Автоматические орудия продолжали стрельбу по наступавшим тварям.

— Дистанция до целей двадцать метров и продолжает сокращаться, — сообщил Хикс, посмотрев на показания приборов. — Пятнадцать. Боезапас орудий С и D истощен примерно наполовину.

Рипли еще раз проверила, снят ли предохранитель со спускового устройства ее огнемета. Что до Ваккес, ей не было необходимости проверять свой импульсный карабин, который всегда был наготове.

Цифры на приборах непрерывно сменяли друг друга. В коротких промежутках между выстрелами были отчетливо слышны пронзительные вопли чудовищ. Эти звуки даже отдаленно не напоминали крик человека.

— Сколько? — спросила Рипли.

— Невозможно сказать. Много. Трудно понять, какая тварь еще жива, а какая сдохла. Они наступают, даже потеряв все конечности, и останавливаются, только когда снаряд разрывает их в клочья, — объяснил Хадсон и бросил взгляд на другой прибор. — На орудии D осталось двадцать зарядов. Десять. — Он помолчал. — Все.

Боезапас второго орудия тоже подходил к концу. Внезапно стрельба прекратилась. Из-за дыма и тумана не было никакой возможности разглядеть что-либо на экранах. Небольшие очаги пламени полыхали там, где трассирующие снаряды задели воспламеняющиеся материалы. Весь пол коридора был усеян почерневшими изуродованными тварями и превратился в их кошмарное кладбище. На глазах десантников несколько трупов исчезло, провалившись в гигантскую дыру, выжженную все еще вытекавшей из них кислотой.

Но почему-то чудовища уже не рвались опрокинуть замолкнувшие орудия. Детекторы движущихся целей молчали.

— Не понимаю, что это значит? — Хадсон в нерешительности вертел в руках какой-то инструмент. — Что происходит, куда они подевались?

— Будь я... — Рипли глубоко вздохнула. — Они сдались. Отступили. Их остановили орудия. Значит, у них достаточно ума, чтобы найти связь между причиной и следствием. Твари не стали бездумно лезть вперед.

— Это так, но посмотрите сюда, — Хикс постучал пальцем по пульту между двумя циферблатами. Стрелка счетчика орудия D находилась на нулевой отметке, а счетчик орудия С показывал,

что там осталось десять зарядов — на несколько секунд стрельбы в прежнем темпе. — В следующий раз они спокойно пройдут весь коридор и посту- чатся вот в ту дверь. Эх, если бы остался цел наш бронетранспортер...

— Если бы бронетранспортер не взорвалася, мы бы здесь не стояли и не болтали зря. Мы бы ехали куда-нибудь, а говорила бы за нас орудийная башня, — резко оборвала его Васкес.

Только Рипли не была обескуражена.

— Но они не знают, сколько снарядов у нас осталось. Мы нанесли им серьезный удар. Очень серьезный. Наверно, сейчас они где-нибудь совещаются или как там это у них называется, когда им приходится принимать важные решения. Теперь твари будут искать другой способ добраться до нас. На это потребуется какое-то время, а когда они выберут другой путь, то будут куда осторожней. Теперь роботы-часовые будут им мерещиться за каждым углом.

— Может, мы и в самом деле их немного обескуражили, — согласился Хадсон, к которому понемногу возвращалась его обычная самоуверенность. Даже его лицо стало чуть менее бледным. — Вы были правы, Рипли. Кошмарные монстры страшны, но уязвимы.

Хикс оторвался от приборов и обратился к Васкес и Хадсону:

— Вы вдвоем будете обходить наше убежище по периметру. От центра управления до медицинского блока. Мы сможем защищать только этот участок. Знаю, вы вымотаны до предела. Тем не менее, старайтесь быть максимально вниматель-

ными и хладнокровными. Если Рипли права, твари начнут искать слабые места в стенах и трубопроводах. Мы должны перекрыть все возможные для них проходы. Нам нужно будет убирать одну тварь за другой, по мере того как они будут пытаться просочиться через какую-нибудь дыру.

Десантники молча кивнули. Хадсон оставил приборы, взял свой карабин и вместе с Васкес направился в сторону главного коридора. Рипли заметила недопитую чашку крепкого кофе и одним глотком осушила ее. Вкус напитка оставлял желать лучшего, но все же она смочила пересохшее горло. Капрал молча наблюдал за ней, потом поинтересовался:

— Сколько вы не спали? Двадцать четыре часа?

Рипли равнодушно пожала плечами. Вопрос ее не удивил. Если она выглядела хотя бы наполовину такой же уставшей, какой себя чувствовала, не приходилось удивляться, что Хикс выразил участие. Переутомление могло сломить ее быстрее, чем чужие твари. Тем не менее она сухо и бесстрастно ответила:

— Какая разница? У нас остались считанные минуты.

— Раньше вы так не говорили. — Хикс кивнул в сторону коридора, где скрылись Васкес и Хадсон.

— Не говорила для их спокойствия. Может, немного и для своего. Мы можем позволить себе отдохнуть, но твари спать не будут. Они не остановятся и не отступят до тех пор, пока не получат то, что им нужно. А нужны им мы. Вот нас они в конце концов и заграбастают.

— Может, заграбастают, а может, и нет, — чуть заметно улыбнулся Хикс.

Рипли попыталась улыбнуться ему в ответ, но, похоже, это ей плохо удалось. Сейчас за чашку горячего свежего кофе она отдала бы годовую зарплату астронавта, но торговаться было не с кем, а сама она слишком устала, чтобы возиться с автоматической кофеваркой. Рипли положила ствол огнемета на плечо.

— Хикс, я не собираюсь кончить так, как другие. Как колонисты, как Дитрих и Кроу. Если дело дойдет до этого, вы ведь поможете мне, я могу на вас рассчитывать?

— Если дело дойдет до этого, — мягко ответил Хикс, — я помогу и вам и себе. Впрочем, в этом не будет необходимости, если мы останемся на планете до взрыва станции. Термоядерный взрыв поможет всем — и нам и чужим тварям. Давайте лучше надеяться на то, что этого не будет.

На этот раз Рипли удалось улыбнуться.

— Не понимаю вас, Хикс. Считается, что солдат не должен быть оптимистом.

— Да, знаю. Не вы первая это мне говорите. В каком-то смысле я — уродливое исключение. — Хикс нагнулся и что-то вытащил из-за приборного пульта. — Вот, я хотел представить вам моего лучшего друга.

Ловким движением, за которым угадывалась многолетняя практика, он отделил магазинную коробку, отложил ее в сторону и протянул Рипли импульсный карабин.

— Импульсный карабин типа М-41А, калибр 10 миллиметров. Сверху и снизу стволы тридца-

тимиллиметрового гранатомета. Большая умница. Лучший друг космического десантника, более надежный, чем жена или муж. Практически безотказен, самосмазывающийся, работает под водой и в вакууме, пробивает стальную плиту. Он просит только хранить его в чистоте и не слишком сильно бросать на пол. Выполните эти просьбы, и он сохранит вам жизнь.

Рипли взяла карабин. Он показался ей неудобным и неуклюжим. Приклад был изготовлен из поглощающего отдачу волокнистого материала, который помогал погасить толчок даже при стрельбе наиболее мощными зарядами. Рипли подняла оружие и для пробы прицелилась в противоположную стену.

— Ну как? — спросил Хикс. — Справитесь с этой игрушкой?

— Что нужно делать? — взглянула Рипли на капрала.

Хикс одобрительно кивнул и передал Рипли магазинную коробку.

Как бы осторожен Бишоп ни был, портативный передатчик и сумка с инструментами довольно громко скребли по металлу трубопровода. Ни один человек и несколько минут не выдержал бы темп, взятый Бишопом с самого начала, но это вовсе не значило, что андроид мог ползти с такой же скоростью сколь угодно долго. Возможности андроидов тоже не безграничны.

Искусственная острота зрения позволяла Бишопу видеть даже в кромешной темноте. Человек здесь чувствовал бы себя ослепшим. К счастью,

Бишоп мог не бояться, что заблудится. Трубопровод почти без поворотов вел прямо к вышке с антенной.

Впереди справа показалось отверстие неправильной формы, сквозь которое пробивался луч тусклого света. Среди прочих человеческих качеств в Бишопе была заложена и любознательность. Он на мгновение остановился, заглянул в прожженное кислотой отверстие и подумал, что хорошо бы поточнее сориентироваться на месте, а не полагаться на одну лишь компьютерную распечатку здешних служебных шахт и проходов.

Покрытые отвратительной слизью мощные челюсти метнулись к его лицу и с угрожающим скрежетом впились в сталь.

Эхо удара разнеслось по всему трубопроводу. Бишоп прижался к противоположной стенке. В том месте, где челюсти сомкнулись, метал заметно прогнулся. Бишоп поспешил пополз дальше. К его удивлению, нападение не повторилось. Не ощущил он и никаких признаков преследования.

Может быть, тварь только почувствовала какое-то движение и щелкнула челюстями вслепую, так сказать, на всякий случай? Раз из трубопровода никто не отзывался, ей не было резона развивать атаку. Интересно, как твари обнаруживают потенциальную жертву? Бишоп воспроизводил все движения, сопровождающие процесс дыхания у человека, но в сущности не дышал. От него не исходило ни тепла, ни запаха плоти. Вышедшей на охоту чужой твари он, скорее всего, показался бы лишь еще одним

механизмом. Вероятно, андроид мог бы свободно разгуливать среди чудовищ, если только не нападать на них или не оказывать сопротивления. Нельзя сказать, чтобы перспектива такой прогулки нравилась Бишопу, поскольку реакции и мотивы поступков чужих существ оставались непредсказуемыми, но эта случайно полученная информация была чрезвычайно полезной сама по себе. Если его предположение подтвердится, у него может появиться шанс поближе изучить поведение этих организмов.

Впрочем, пусть их изучает кто-нибудь другой, подумал Бишоп. Пусть кто-нибудь еще ищет подтверждение разным гипотезам. Для этого потребуется иная модель андроида, обладающая большей смелостью. Что же до Бишопа, он хотел как можно скорее убраться с Ахеронта ради спасения не только самого себя, но и тех людей, с которыми работал.

Бишоп бросил взгляд на тускло светившийся в темноте циферблат хронометра. Он все еще не наверстал отставание. Бледный и донельзя уставший, он постарался ползти еще быстрей.

Рипли приложила ложе большого карабина к щеке. Женщина запоминала каждое слово Хикса, потому что знала: времени у них осталось совсем немного и если ей придется пустить в ход оружие, то переспрашивать, как это делается, будет некогда. Хикс проявлял редкое терпение, стараясь в считанные минуты изложить всю инструкцию по стрельбе из импульсного карабина.

Стоя рядом с Рипли, капрал объяснял, как

пользоваться встроенным прицелом, и ставил ее руки в нужное положение. Обоим стоило усилий не обращать внимание на соприкосновение их рук. Слишком мало теплоты вызывала в людях разрушенная колония, слишком мало человеческого, и так получилось, что инструктаж явился первым случаем физического контакта между Рипли и Хиксом.

— Держите карабин крепче, — говорил капитан. — Поглотитель поглотителем, но после выстрела вы все равно почувствуете отдачу. Приходится расплачиваться за то, что выпущенная вами пуля сможет пробить любую цель. — Хикс показал на цифровой указатель, вмонтированный в ложе карабина: — Когда счетчик покажет ноль, нажмите сюда. — Он надавил пальцем кнопку, и магазинная коробка выпала, со стуком ударившись об пол. — Обычно от нас требуют подбирать пустые коробки, они довольно дороги. Но сейчас я не стал бы беспокоиться о соблюдении всех правил.

— Понятно, — ответила Рипли.

— Пусть валяется. Самое главное, быстрей вставляйте следующую. — Хикс протянул Рипли магазинную коробку, и ей пришлось приложить немало усилий, чтобы удержать тяжелое оружие одной рукой, одновременно заряжая его второй. — Ударьте по коробке как следует, ей нравится такое неделикатное обращение. — Рипли в точности выполнила указания и была вознаграждена резким щелчком, свидетельствовавшим о том, что магазинная коробка встала на место. — Теперь загоняйте пулю в патронник.

Рипли щелкнула тумблером. Сбоку на заряжающем механизме загорелся красный огонек. Хикс отошел на шаг и, оценивая боевую стойку Рипли, одобрительно кивнул.

— Вот и все. Теперь можно все начинать сначала. Повторите еще разок.

Рипли снова выполнила все операции: проверила счетчик, выбросила магазинную коробку, перезарядила, загнала пулю в патронник. Оружиеказалось ей ужасно тяжелым и неудобным, но действовало на нее успокаивающе. Руки Рипли заметно дрожали. Она опустила карабин и показала на второй ствол, расположенный ниже основного.

— А это для чего?

— Это гранатомет. Думаю, сейчас этим не стоит забивать вам голову. И без того нужно запомнить многое. Если доведется пустить в дело карабин, все надо будет делать автоматически, не раздумывая ни секунды.

Рипли пристально посмотрела на капрала.

— Послушайте, это была ваша инициатива. Уж раз начали, показывайте все. Дальше я сама разберусь, что мне надо, а что нет.

— В этом я не сомневаюсь.

В течение следующих пятнадцати минут Рипли и Хикс прошли весь курс обращения с гранатометом: как навести его на цель, как зарядить и выстрелить. Хикс показал ей все, за исключением разве что операций разборки и чистки оружия. Рипли убедилась, что ничего не упустила, и лишь после этого, оставив Хикса возле приборов, отправилась в операционную взглянуть на Ньют. На

ее плече покачивался надежный защитник, которого она только что приобрела.

Впереди она заслышала шаги и в нерешительности остановилась, но быстро успокоилась. Казалось, даже тяжеленная чужая тварь при ходьбе производила бы намного меньше шума, чем лейтенант. В дверном проеме показался Горман, ослабевший, но внешне вполне здоровый. Следовавший за ним Берк едва удостоил Рипли взглядом. Ее это вполне устраивало. Каждый раз, когда представитель Компании начинал что-либо говорить, у нее возникало почти непреодолимое желание его придушить. К сожалению, Берк был им нужен. Они не могли позволить себе отказаться от лишней пары человеческих рук, пусть даже запятнанных кровью. Все же Берк был одним из них, человеком.

Почти человеком, подумала Рипли.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она Гормана.

Лейтенант оперся плечом о стену и коснулся лба ладонью.

— Кажется, нормально. Немного кружится голова. Как с похмелья. Послушайте, Рипли, я...

— Стоит ли об этом...

Действительно, зачем тратить время на бесполезные извинения? К тому же во всем прошедшем был виноват отнюдь не один Горман. Вину за катастрофу, которую потерпели десантники на нижних уровнях станции, должны были разделить с лейтенантом те, у кого хватило глупости или некомпетентности поставить его во главе отряда. К тому же, много ли у человека за плечами или

он совсем зелен, никакими тренировками, никаким опытом невозможно подготовить его к встрече с этими чуждыми ему тварями. Как совместить положения устава десантных войск с тактикой сражения с противником, который одинаково опасен и будучи живым и истекая кровью? Рипли отвернулась и направилась к медицинской лаборатории.

Горман проводил ее глазами, потом посмотрел вдоль коридора. Навстречу ему шла Васкес. Прищурившись, она бросила на лейтенанта холодный взгляд. Ее яркий платок намок от пота, так что местами прилип к волосам и лицу.

— Вы все еще хотите убить меня? — негромко спросил Горман.

— В этом не будет необходимости, — в ответе Васкес прозвучали уверенность и презрение.

Васкес, не оглянувшись, прошла мимо лейтенанта и направилась к очередной контрольной точке.

Горман и Берк ушли, и медицинская лаборатория опустела. Рипли пересекла помещение и распахнула дверь в операционную, где она оставила Ньют. Здесь было довольно темно, но не настолько, чтобы Рипли сразу же не бросилась в глаза пустая постель. Страх на мгновение сковал женщину, потом она принялась беспокойно осматривать всю комнату и наконец догадалась заглянуть под койку.

Рипли с облегчением вздохнула. Ну конечно, девочка крепко спала, свернувшись калачиком, в самом дальнем углу. Маленькой ладошкой она по-прежнему сжимала Кейси.

Еще больше успокоило Рипли мирное, почти ангельское выражение на личике девочки, которое не смогли испортить даже демоны, отравлявшие ей существование и днем и ночью. Боже, подумала Рипли, сохрани детей, которые могут спать где угодно и как угодно.

Стараясь не шуметь, Рипли положила оружие и, опустившись на колени, забралась под койку. Осторожно, чтобы не разбудить девочку, она обняла ее. Ньют, не просыпаясь, изогнулась и инстинктивно, как зверек к матери, всем телом прижалась к женщине. Рипли перевернулась на бок и тяжело вздохнула.

Лицо Ньют исказило какое-то ночное видение. Она вскрикнула, что-то неразборчиво пробормотала во сне. Рипли крепче обняла девочку и стала ее убаюкивать:

— Успокойся, Ньют, успокойся. Спи крепко. Все хорошо. Все в порядке.

Некоторые трубы находящейся под высоким давлением системы охлаждения, которые окружали гигантскую башню преобразователя атмосферы, от избыточного тепла уже раскалились докрасна. Между конической вершиной станции и наружными решетчатыми конструкциями все чаще проскачивали мощные высоковольтные разряды, время от времени освещавшие фантастически ярким светом скопой ландшафт Ахеронта и безлюдные строения поселка Хадли. Даже непосвященный зритель сразу же понял бы, что на станции возникли серьезные неполадки. Аварийные системы безопасности еще пытались сдержать термоядерную

реакцию, но та уже вышла из-под контроля. И все же система охлаждения еще работала. Она была запрограммирована на работу в любых условиях.

На другой стороне посадочной площадки высоко в облака уходил шпиль высокой металлической башни. На его вершине, словно вороны на дереве в зимнюю стужу, прилепились параболические антенны.

У основания башни, повернувшись спиной к ветру и согнувшись над открытой приборной панелью, стояла одинокая человеческая фигура.

Бишоп снял кожух с контрольной секции антенны. Ему удалось на удивление быстро подсоединить к антенне переносной передатчик. Пока что все шло как нельзя лучше. Но начиналось далеко не так удачно. Он добрался до вышки позже, чем рассчитывал, недооценив трудности передвижения ползком по трубопроводу. Как бы в награду за усилия предварительная проверка и испытания прошли без единой задержки, что позволило ему отчасти наверстать потерянное время. Хватит ли этого для их спасения, пока можно было только гадать.

Бишоп набросил куртку на клавиатуру и переносной передатчик, чтобы защитить их от пыли и песка. Электронная аппаратура была гораздо чувствительней к капризам природы, чем андроид. Несколько минут пальцы Бишопа с невероятной быстротой бегали по клавиатуре. За минуту ему удавалось ввести столько данных, сколько хорошо подготовленному человеку не ввести и за десять минут.

Будь Бишоп человеком, он непременно прочел бы короткую молитву. Возможно, он и сделал что-то в этом роде. У андроидов свои секреты. В последний раз взглянув на клавиатуру, Бишоп пробормотал:

— Теперь, если я все сделал правильно и если там ничего не взорвалось...

Он нажал на клавишу периферийной системы дистанционного управления, на которой значилось «Запуск».

Высоко над головой андроида в космической пустоте терпеливо и бесшумно дрейфовал «Сулако». Никто не ходил по его опустевшим коридорам. Механизмы гудели не так громко, как при погрузке. Приборы молчаливо мигали сигнальными огнями. Они поддерживали корабль над одной точкой поверхности планеты, над колонией Хадли.

На «Сулако», хотя там не было ни души, прозвучала сирена. В просторном грузовом отсеке ожили вращающиеся предупредительные огни, хотя никто здесь не мог оценить по достоинству великолепную игру красного, голубого и зеленого цветов. Завыли мощнейшие гидравлические погрузочные устройства, выкатывая второй десантный шаттл, висевший на прочных тросах. Потом горизонтальное движение прекратилось, и корабль медленно опустился в открытый отсек для запуска.

Как только он достиг заданного положения, из стен и пола к нему протянулись многочисленные контрольные и обслуживающие датчики и шланги автоматической заправки. Началась предполетная проверка и заправка. Эти стандартные, хорошо отработанные операции не требовали участия человека, больше того, без людей эта

работа выполнялась быстрее и лучше. Люди только мешали бы машинам.

Включились двигатели, тут же замолчали и через несколько секунд заработали снова. Закрылись шлюзы, отделявшие отсек запуска от всех остальных помещений. Ожила система внутренней связи, и десантный шаттл обменялся несколькими посланиями с главным компьютером «Сулако». Согласно правилам, в уже открывшемся просторном отсеке прозвучало объявление, которое некому было услышать:

— Внимание. Внимание. Началась операция предполетной заправки. Пожалуйста, уберите все легковоспламеняющиеся материалы.

Бишоп не мог ничего этого видеть. Он не видел вращающихся огней на борту «Сулако», не слышал предупреждения. Тем не менее, он был очень доволен. Для него показания крошечных приборов на переносном передатчике были не менее красноречивы, чем сонеты Шекспира. Приборы сообщили Бишопу, что десантный корабль подготовлен к полету и началась его заправка. Бишоп не просто установил контакт с «Сулако» — ему удалось поддерживать двустороннюю связь, а потому не было никакой необходимости присутствовать самому на борту большого космического корабля. Портативный передатчик сказал Бишопу все, что тому нужно было знать. И это были хорошие вести.

12

Рипли не собиралась спать. Она лишь хотела провести несколько минут вдвоем с

девочкой в единственном спокойном и теплом уголке колонии. Оказалось, ее организм знал лучше, что ей больше всего требовалось в тот момент. Стоило Рипли немного расслабиться, чуть-чуть отпустить самоконтроль, как давно накапливавшаяся усталость тут же взяла свое. Женщина крепко заснула.

Она проснулась внезапно и, поднимаясь, едва не стукнулась головой о жесткие пружины койки. Сон как рукой сняло.

Операционную освещал лишь тусклый свет, пробивавшийся из медицинской лаборатории. Рипли взглянула на часы и с ужасом обнаружила, что проспала больше часа. За это время смерть не раз могла наведаться к ним, но на первый взгляд ничего ужасного не произошло. Никто не будил ее. Оно и неудивительно, ведь все товарищи были заняты куда более важными делами. Впрочем, сам факт, что ее не беспокоили, был хорошим предзнаменованием. Если бы чужие твари предприняли решительную атаку, Хикс или кто-то другой непременно вытащил бы ее из укромного уголка под койкой.

Рипли осторожно высвободилась из объятий Ньют. Та продолжала крепко спать, ничего не ведая о проблемах взрослых, попавших в жестокий переплет. Рипли поправила небольшую курточку, убедилась, что девочка прикрыта ею до самого подбородка, и перевернулась на другой бок, намереваясь выползти из-под койки. Переворачиваясь, она еще раз окинула взглядом медицинскую лабораторию и похолодела.

Цилиндры для биологических образцов стояли

рядом с дверью, которая вела во все остальные помещения центра управления Хадли. Два цилиндра не светились, с них были сброшены крышки, а ограничивающее перемещение образцов поле было отключено. Оба цилиндра опустели!

Не двигаясь, стараясь даже дышать потише, Рипли тщательно осмотрела все темные углы, заглянула под каждый стол и шкаф, под все приборы, стоявшие на полу. От страха тело отказывалось ей повиноваться. Она отчаянно пыталась найти какой-то разумный выход и решила прежде всего разбудить Ньют, которая лежала слева от нее и по-прежнему крепко спала.

— Ньют! — прошептала Рипли.

А что, если эти чудовища улавливают звуковые волны? Вроде бы у них не было ушей или каких-то других наружных органов слуха, но кто вообще знает, какими способами эти примитивные существа ориентируются в окружающей обстановке?

— Ньют, проснись!

— Что? — девочка перевернулась на спину и сонно потерла кулачками глаза. — Рипли? А где...

— Тише! — Рипли приложила палец к губам. — Не шевелись. Мы в опасности.

Глаза девочки расширились. Она ответила коротким кивком, моментально проснулась и теперь была настороже, как и ее взрослая защитница. Рипли не было нужды повторять, что сейчас нельзя шуметь. А Ньют за время своей полной кошмаров отшельнической жизни в самых глухих закоулках сложной системы воздуховодов и трубопроводов, которыми как паутиной была опоясана

вся колония, твердо уяснила, что выжить здесь может только тот, кто научится не издавать ни звука. Ньют сразу сообразила и кивнула еще раз. Она умела не хныкать.

Ньют и Рипли лежали бок о бок и прислушивались к шорохам, пытаясь уловить в полумраке всякое движение, стараясь разглядеть смертельно опасную, пока еще небольшую тварь, скользящую по полированному полу. Рядом чуть слышно гудел обогреватель.

Рипли осторожно вздохнула, взяла себя в руки и решила, что пора что-то предпринять. Она вытянула руки вверх, ухватилась за пружины койки и попыталась отодвинуть ее от стены. В тишине операционной скрежет ножек койки по металлическому полу прозвучал оглушительно громко.

Когда между койкой и стеной образовалась достаточно широкая щель, Рипли осторожно приподнялась и, плотно прижимаясь спиной к стене, просунула руку в щель. На постели ее рука нашупала только простыни и одеяло.

Импульсный карабин исчез.

Рипли поднялась еще немного, так, что ее глаза оказались на уровне постели. Она точно помнила, что оставила оружие посреди постели. Вдруг тихий шум слева привлек ее внимание. Рипли резко повернулась. В тот же момент со спинки койки на нее стремительно бросилось нечто омерзительное и агрессивное. Оно летело, выставив вперед множество гибких конечностей. Вне себя от страха Рипли хотела вскрикнуть — но вместо этого из

ее горла вырвался странный звук, похожий на мяуканье, — и нырнула под койку. Жесткие когти успели ухватить лишь кончики ее волос, а мерзкое создание ударилось всем телом о стену как раз в том месте, где долю секунды назад находилась ее голова. Потом тварь, стараясь удержаться и одновременно отыскивая свою жертву, заскользила вниз по стене.

Рипли перекатилась на спину, бешено вцепилась в пружины койки и рывком сдвинула ее на прежнее место, пригвоздив чудовище к стене в считанных сантиметрах от своего лица. Маленькое страшилище с маниакальной яростью извивалось всем телом, его конечности судорожно подергивались, а мускулистый хвост молотил вокруг, как взбесившийся удав. Оно издавало пронзительный, режущий уши звук, нечто среднее между визгом и шипением.

Рипли вытолкнула из-под койки Ньют и поспешно выползла вслед за ней. Получив свободу действий, Рипли обеими руками надавила на койку, плотнее прижимая тварь к стене, потом точно рассчитанным движением резко перевернула койку так, что тварь оказалась на полу, прижатая тяжелой металлической рамой.

Крепко прижимая девочку к себе, Рипли попятилась назад. Она не переставала обшаривать глазами каждый угол, каждое затененное место возле каждого шкафа, которых здесь хватало. Пока Рипли и Ньют отступали, чудовище, продемонстрировав неимоверную для такого небольшого создания силу, сбросило койку и, с невероятной быстротой перебирая много-

численными конечностями, скрылось в глубине лаборатории.

Стараясь держаться подальше от стен и темных углов, Рипли осторожно пятилась к двери. Упевшись в нее спиной, она протянула руку, ощупью нашла на стене кнопку и нажала на нее. Преграда должна была скользнуть в сторону. Но дверь не сдвинулась ни на миллиметр. Рипли еще раз надавила на кнопку, потом стала колотить по ней, не обращая внимания на то, что звуки ударов разносились по всей комнате. Безрезультатно. Отключена или сломалась — не имело значения. Она попробовала включить свет. Тоже безрезультатно. Они оказались в ловушке.

Не сводя взгляда с пола перед собой, Рипли кулаком забарабанила в дверь. Звукопоглощающее покрытие отзывалось лишь глухим стуком. Конечно, подумала она, дверь в операционную и должна быть звуконепроницаемой — зачем случайно проходящему мимо колонисту слышать неожиданно вырвавшийся у пациента крик.

Не отпуская от себя Ньют, Рипли боком, осторожно двинулась вдоль стены. Скоро она добралась до большого смотрового окна, выходящего в главный коридор, с большим трудом решилась оторвать на мгновение взгляд от грозившего смертельной опасностью пола, повернулась и крикнула:

— Эй! Эй! — и в отчаяньи забарабанила по прочнейшему трехслойному стеклу. Никто не отзывался, ничье лицо не появилось по другую сторону окна. Что-то царапнуло по полу, и Рипли резко повернулась. Страх взрослого человека пе-

редался Ньют, и девочка тихонько заскулила. Рипли прибегла к последнему средству: стала перед укрепленной на стене видеокамерой безопасности и замахала руками:

— Хикс! Хикс! — закричала она.

Ответа не последовало. Громкоговоритель системы внутренней связи не работал, молчал и коридор по другую сторону смотрового окна, а видеокамера не собиралась наводить фокус на человека, чтобы передать его изображение на центральный монитор. Отчаявшись, Рипли схватила стальной табурет и с размаху швырнула его в окно. Табурет отскочил, не оставив на прочнейшем стекле даже царапины. Рипли ударила еще раз, но опять безрезультатно.

Напрасная трата сил. Разбить окно было выше человеческих сил, а в наружных отсеках лаборатории не было никого, кто мог бы заметить ее отчаянные усилия привлечь внимание к себе. Рипли отшвырнула табурет и, стараясь успокоиться и восстановить дыхание, принялась осматривать комнату.

Невдалеке она заметила какой-то счетчик и включила его. Из прибора вырвался узкий луч яркого света. Рипли поводила лучом по стенам. Круг яркого света поочередно выхватывал из темноты цилиндры для биологических образцов, высокие штабели ящиков с медицинским оборудованием, сборные модули с приборами для исследований. Ньют, прижавшись к Рипли, дрожала от страха:

— Мама... ма-а-мочка...

Поразительно, но страх ребенка подейство-

вал на нее успокаивающее. Сейчас девочка во всем зависела от Рипли и, чувствуя ее неуверенность, впадала в панику. Рипли направила луч света на потолок, потом снова на стену. И тут ее осенило.

Она поспешило достала из того же шкафа, в котором нашла счетчик, несколько листов бумаги, вытащила из кармана куртки зажигалку, потом медленно подошла к стоявшему посреди комнаты хирургическому столу, осмотрелась, рывком подняла Ньют, поставила ее на стол и следом вспрыгнула сама.

— Мамочка... то есть Рипли... мне страшно.

— Знаю, дорогая, — рассеянно отозвалась женщина. — Мне тоже.

Скомкав бумагу в плотный комок, она поднесла к ней зажигалку. Бумага тотчас вспыхнула. Рипли подняла импровизированный факел и поднесла его как можно ближе к температурному датчику, располагавшемуся в нижней части автоматической системы пожаротушения. Как и большинство устройств безопасности на дальних планетах, система была стандартной и, следовательно, имела автономный аварийный источник питания. Что бы ни случилось с дверью и со светом, к противопожарному устройству это не могло иметь никакого отношения.

Пламя быстро пожирало комок бумаги, подбираясь к незащищенным рукам. Факел ярко осветил всю комнату. Его ябламя отражалось в зеркальных поверхностях полусферы, висевшей над столом. Рипли стиснула зубы и не выпускала горячий комок из руки.

— Ну давай же, давай! — сквозь зубы бормотала она.

Наконец датчик сработал и на нем зажегся красный огонек. Тотчас же сигнал тревоги автоматически был передан встроенным в потолок противопожарным устройствам. Несколько десятков разбрызгивающих насадок обрушили на лабораторию потоки воды, настоящий искусственный водопад. Одновременно ожила и система пожарной тревоги всего центра управления Хадли.

При звуке сирены Хикс вздрогнул и, на время забыв о своих приборах, с недоумением уставился на экран главного компьютера. На схеме колонии ярким светом выделялась одна секция. Хикс вскочил и бросился к выходу, на бегу выкрикивая в микрофон:

— Васкес, Хадсон, все в медицинский центр! Там пожар!

Десантники, оставив свои посты, поспешили за капралом.

Намокшая одежда обленила тело Рипли, а вода продолжала поливать комнату и все, что в ней находилось. Неумолчно ревела сирена. В плеске воды и реве сирены невозможно было услышать другие звуки.

Пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь сплошную стену искусственного дождя, Рипли провела рукой по лицу, отбросив мокрые волосы со лба, и локтем задела полусферу. Та закачалась вместе со всеми проводами, лампами и инструментами. Рипли лишь мельком взглянула на нее и уже было принялась снова обследовать комнату, как что-то заставило ее посмотреть вверх.

С полусферы в лицо Рипли метнулась какая-то тень. Шум потоков воды и рев сирены заглушили отчаянный вопль женщины. Она резко отшатнулась и, не удержав равновесия, упала на пол, подняв столб брызг. Падая, она бешено размахивала руками и ногами и отбросила отвратительное чудовище. Ньют с криком тоже увернулась от него, и оно шмякнулось о стену, на мгновение задержалось на ней — как омерзительная пародия на ползущего тарантула, — потом с невероятной силой, будто его подбросила стальная пружина, снова прыгнуло на Рипли.

Поспешно отступая, Рипли хватала все, что попадало ей под руку: шкафчики, приборы, медицинское оборудование, пытаясь ими, как щитом, отгородиться от этого исчадия ада. Чудовище, с невероятной скоростью перебирая удивительно гибкими конечностями, быстро переползло через все воздвигаемые препятствия сверху, снизу или обходило их. Наконец, оно уцепилось когтями за ботинки Рипли и стало карабкаться вверх по комбинезону. Она попыталась оторвать и отбросить тварь. Прикосновение к осклизлой шкуре вызвало у нее приступ тошноты, но Рипли не собиралась сдаваться.

Маленькое чудовище оказалось невероятно сильным. Когда оно прыгнуло с полусферы, Рипли удалось его отбросить, прежде чем оно успело как следует в нее вцепиться. На этот раз оно крепко прилепилось к ней и упорно ползло вверх, подбираясь к лицу. Женщина изо всех сил старалась оторвать от комбинезона или хотя бы остановить чудовище, но оно неизменно успевало

увернуться от рук человека и продвигалось, преследуя единственную цель. До смерти перепуганная Ньют с плачем отступала, пока не прижалась спиной к рабочему столу в углу комнаты.

Рипли в отчаянии прижала руки к груди, пытаясь загородиться ладонями, но маленькое чудовище тотчас ловко одолело новую преграду. Подавив отвращение, Рипли обеими руками вцепилась в тварь и потянула из последних сил, пытаясь оторвать ее от себя. В борьбе она то и дело отступала, натыкалась на приборы и столы, смахивая с них инструменты. Ноги скользили по залитому водой полу. Больше всего она боялась упасть. С потолка по-прежнему обрушивались потоки воды, постепенно затопляя всю комнату. Вода затрудняла движения чудовища, но она же мешала и Рипли крепко ухватиться за его туловище или конечности.

Ньют, плача, не отрывала глаз от Рипли и потому не заметила, как над краем стола, к которому она прислонилась спиной, появились когтистые гибкие конечности. К счастью, она научилась чувствовать опасность не хуже детекторов движущихся целей. Девочка резко повернулась и рывком придвинула стол к стене. Страх придал ей сил. Пригвожденное к стене чудовище бешено извивалось, стараясь конечностями и хвостом оттолкнуть стол. Но Ньют продолжала прижимать стол к стене, взвизгнув:

— Рипли-и-и-и!

Стол дернулся раз, другой, третий. Чудовище высвободило одну конечность, потом вторую, третью и начало выбираться из ловушки всем туловищем.

— Рипли-и-и-и! — в отчаянии повторила девочка.

Рипли судорожно мотала головой, а чудовище протягивало к ней когтистые конечности, явно намереваясь мертвой хваткой сцепить их на ее затылке. Из складки на туловище чудовища выдвинулась покрытая слизью яйцекладущая трубка и, стараясь найти лазейку, тыкалась в ладони.

В смотровом окне появился силуэт человека. Человек протер рукой запотевшее стекло и прижался к нему лицом. Это был Хикс. Он сразу понял, что происходит. Нечего было и думать о том, чтобы привести в порядок вышедший из строя механизм двери. Хикс отошел на несколько шагов и поднял импульсный карабин.

Мощные заряды пробили трехслойное стекло в нескольких местах, покрыв его паутиной трещин. Капрал нажал на треснувшую преграду и в дожде сверкающих осколков, словно человек-комета с хвостом из битого стекла, ворвался в комнату. Он упал на пол, перекатился, давя бронежилетом острые осколки, моментально поднялся и бросился к Рипли. Чудовище уже обвилось сильным хвостом вокруг ее шеи и все ближе и ближе подбиралось к лицу.

Хикс вцепился в конечности чудовища и с нечеловеческой силой потянул его на себя. Вдвоем им удалось, наконец, оторвать тварь от Рипли.

Хадсон влетел в комнату вслед за Хиксом. На мгновение он замер, с ужасом наблюдая за отчаянной борьбой капрала и Рипли с отврати-

тельной тварью, потом заметил Ньют, которая не оставляла тщетных попыток прижать чудовище столом к стене. Хадсон одним движением оттолкнул девочку — та пролетела по скользкому полу через всю комнату — и вскинула карабин. Выстрел разнес чудовище в клочья, прежде чем оно успело полностью выбраться из-за стола. Брызнувшая из его тела жгучая кровь тут же стала разъедать стол, стену и пол.

Наконец появился и Горман. Он наклонился к Рипли, обеими руками крепко ухватил чудовище за хвост и очень медленно и осторожно, как серпентолог, снимающий удава с любимой ветки, оторвал его от шеи женщины. Рипли, широко открыв рот, судорожно ловила воздух с каплями дождя, но не выпускала чудовище из рук. Втроем им с трудом удавалось удерживать его в воздухе между собой.

Хикс прищурился, чтобы дождь не заливал глаза, и наклонил голову направо.

— В угол! Только все одновременно, в одно мгновение. Не давайте ему уцепиться за вас.

Через плечо он бросил взгляд на Хадсона:

— Готов?

— Давай! — ответил техник и вскинула карабин.

Чудовище полетело в пустой угол. Едва успев коснуться пола, оно расправилось и с невероятной силой снова прыгнуло на людей. Выстрел Хадсона перехватил его в воздухе и разнес в клочья. Не прекращавшийся водопад из противопожарной системы быстро смыл брызги кислоты, но все же едкая желтая жидкость успела прожечь в полу каверны, испустив струйки желтого дыма, тотчас смешавшиеся с парами воды.

У Рипли подогнулись ноги и она упала на колени. На ее шее, как следы от веревки, горели красные полосы. Наконец система пожаротушения отключилась. Вода, стекая со шкафов и оборудования, быстро уходила через прожженные кислотой дыры в полу. Сирена замолчала. Хикс пристально смотрел на цилиндры.

— Как они оттуда выбрались? Поле цилиндров для биологических образцов невозможно пробить изнутри.

Потом взгляд капрала упал на видеокамеру системы безопасности, укрепленную на противоположной стене.

— Я следил за мониторами. Почему камера не передавала изображение?

— Берк, — прохрипела в ответ Рипли. — Это сделал Берк.

В центре управления Хадли воцарилась могильная тишина, никто не осмеливался заговорить первым. Мысли людей были далеко не радостными. Наконец Хадсон нарушил молчание. Указав на сидевший в стороне объект всеобщего молчаливого созерцания, он со свойственной ему прямотой сказал:

— Я считаю, его надо шлепнуть прямо сейчас.

Берк изо всех сил старался не смотреть на карабин, нацеленный на него. Он понимал: от одного движения техника его голова разлетится вдребезги, как переспелый арбуз. Ему удавалось сохранять внешнее спокойствие, и лишь выступившие на лбу капельки пота выдавали волнение. За последние пять минут Берк сочинил чуть ли

не десяток самых красноречивых и убедительных речей, но в конце концов решил, что в его положении лучше всего промолчать. Возможно, Хикс выслушал бы его до конца, но единственное не к месту сказанное слово, даже просто неудачный жест могли вывести из себя остальных. И в этом Берк был совершенно прав.

Капрал нервно расхаживал взад-вперед перед сидевшим на стуле представителем Компании. Время от времени он бросал на Берка недоуменный взгляд и качал головой, как бы не веря собственным глазам.

— Не понимаю. Это же лишено всякого смысла.

Рипли, скрестив руки на груди, внимательно рассматривала сидящего. Она давно уже перестала воспринимать Берка как человека.

— Напротив, мне все абсолютно понятно. Во всем этом есть совершенно определенный смысл. Берк давно мечтал заполучить чужую тварь, только не знал, как лучше протащить ее через карантинную службу таможни на станции Гейтуэй. Я сказала ему, что если он и в самом деле отважится на такой рискованный шаг, я при первой же возможности непременно сообщу об этом инспекторам таможни. В этом и была моя ошибка.

— Но зачем ему чужая тварь? — спросил ошеломленный Хикс. Он даже не пытался скрыть свое удивление.

— Для разработки новых видов вооружения. Биологического оружия. Этим занимаются подобные ему люди — если их можно назвать людьми. Они надеются, что оружие окажется принципи-

ально новым и в своем роде уникальным. Тогда они станут его монопольными обладателями и извлекут немалую прибыль. — Рипли пожала плечами. — Поначалу я не думала, что Берк способен на подобное. Когда же узнала ему истинную цену, то напрасно не проявила элементарной дальновидности. Впрочем, возможно, я зря виню себя. Просто трудно представить, на что способны подлецы.

— Все равно до меня не доходит, — сказала Васкес. — Какая ему выгода, если бы эти твари убили вас? Что бы он тогда получил?

— Он и не хотел, чтобы они убивали нас — по крайней мере пока. Прежде мы должны были доставить его игрушки на Землю. Он все рассчитал. По плану Берка события должны были развиваться примерно так. Вот-вот Бишоп посадит десантный шаттл. К тому времени твари сделают свое дело, мы с Ньют будем валяться без сознания, причем никто из вас — кроме Берка, разумеется, — так и не узнает истинной причины нашей «болезни». Вы перенесете нас на шаттл, потом в холодильные камеры «Сулако». Видите ли, когда мы будем заражены или оплодотворены — называйте как хотите — и затем переведены в гиперсон, то рост эмбриона чужой твари замедлится точно так же, как замедляются все физиологические процессы в организме человека. Короче говоря, за время полета к Земле эмбрион не созреет. Никто не будет знать, что мы несем в себе, а поскольку все наши жизненно важные показатели будут в норме, никому и в голову не придет что-то заподозрить. «Сулако» пришвартуется на

станции Гейтуэй, и нас сразу же отправят на Землю, в госпиталь.

Вот в этот момент на сцене и появится Берк со своими друзьями из Компании. Они во всеуслышание заявят, что сознают свою ответственность, или просто подкупят нужного чиновника и запрятут нас в одну из своих лабораторий, где никто не помешает им возиться с нами, как с подопытными кроликами. Со мной и Ньют.

Рипли посмотрела на хрупкую фигурку сидевшей неподалеку девочки. Ньют обхватила руками коленки, прижав их к груди, и очень серьезно следила за происходящим. Кто-то из взрослых набросил на нее свою куртку, широкие борта и высокий воротник которой почти совсем скрыли малышку от постороннего взгляда. Еще не высохшие волосы прилипли к ее лбу и щекам.

Хикс остановился и пристально посмотрел на Рипли.

— Подождите. Мы ведь знали бы обо всем. Возможно, не были бы уверены, но обязательно обследовали бы вас сразу после прибытия «Сулако» на станцию. В любом случае мы никому не позволили бы отправить вас на Землю без полного медицинского обследования.

Рипли с минуту подумала, потом согласно кивнула.

— Вы правы. Он мог бы нейтрализовать вас только одним способом: отключить ваши капсулы для гиперсна. Раз Дитрих с нами уже нет, каждому самостоятельно пришлось бы программировать работу своей капсулы. Он мог бы

поставить свой таймер так, чтобы автоматы разбудили его на несколько дней раньше, когда «Сулако» будет еще в пути, проснулся бы, отключил системы жизнеобеспечения у всех вас и выбросил ваши тела в космос. Потом сочинил бы какую-нибудь правдоподобную историю. Учтите, большую часть вашего отряда уничтожили чужие твари, все детали сражения на уровне С записаны персональными видеокамерами и теперь хранятся в памяти компьютера «Сулако». Очень просто списать на счет чужих тварей и ваши жизни.

— Считайте, что этой сволочи уже нет, — сказал Хадсон и повернулся к Берку. — Слышишь, скотина?

— Все это бред сумасшедшего, ничего больше, — вступил в разговор Берк. Он уже не видел смысла хранить молчание и дальше: положение его было настолько плохо, что навредить себе еще больше он просто не мог. — Вы же сами видели, насколько сильны эти твари. Они сами выползли из цилиндров, я тут совершенно ни при чем.

— Чушь собачья. Не бывает таких существ, которые своими силами могли бы выбраться из цилиндра для биологических образцов, — спокойно возразил Хикс.

— Надо полагать, твари сначала выползли из цилиндров, потом заблокировали дверь операционной снаружи, отключили аварийное освещение, стащили мой карабин, а заодно сломали и видеокамеру системы безопасности, — устало добавила Рипли. — Знаете, Берк, я не уверена, кто для меня более мерзок — чужие твари или вы.

Твари по крайней мере не убивают друг друга за проценты от прибыли.

— Ладно, пора с ним кончать, — заключил Хикс, бесстрастно оглядывая представителя Компании.

Рипли покачала головой. Кипевшая еще недавно ярость постепенно утихала и уступала место болезненному безразличию.

— Нужно найти надежное место и запереть его там до самого отлета.

— Почему? — Хадсона тряслось от злости, которую ему с большим трудом удавалось сдерживать. Он не спускал палец со спускового механизма.

Рипли перевела взгляд на техника.

— Потому что я хотела бы, чтобы он вернулся на Землю вместе с нами. Люди должны знать, что он натворил, какая судьба постигла колонию Хадли и почему. Нужно...

Вдруг погасло освещение. Хикс моментально повернулся к своему пульту. Питаемый аккумуляторами экран еще светился, но изображение исчезло — главный компьютер колонии перестал подавать сигналы. Беглый осмотр центра управления показал, что отключились и серводвигатели, экраны видеомониторов, видеокамеры — решительно все.

— Твари отключили электроэнергию, — сказала Рипли. Она неподвижно стояла в почти полной темноте.

— Как это отключили электроэнергию? — Хадсон медленно повернулся и попятился к стене. — Слушайте, как они могут что-то отключить? Они же совершенно безмозглые.

— Кто знает, что такое они на самом деле? Пока нам о них известно слишком мало, чтобы можно было что-то говорить наверняка, — возразила Рипли, беря в руки импульсный карабин, тот самый, что украл у нее Берк, и щелкая предохранителем. — Не исключено, что сама по себе каждая тварь действует как безмозглое животное, но у них может быть что-то вроде коллективного разума. Как у муравьев или термитов. Бишоп рассказывал об этом как раз перед уходом. Термиты строят свои жилища, термитники, высотой до трех метров. Муравьи-листорезы выращивают свои любимые растения. Ими тоже руководит один лишь инстинкт? Если уж на то пошло, что такое разум вообще?

Рипли повернулась налево.

— Ньют, держись рядом со мной, — распоряжалась она. — Давайте включим искатели движущихся объектов. Ну, пошли. Горман, не спускайте глаз с Берка.

Хадсон и Васкес с включенными искателями пошли вперед. В темноте светящиеся шкалы приборов действовали успокаивающе. Все-таки не вся современная техника отказывает. Небольшая группа направилась в коридор. Механизм был отключен, и Васкес пришлось отодвигать дверь руками.

Из-за спины Васкес раздался голос Рипли:

— Есть что-нибудь?

— Здесь ничего, — ответила Васкес.

На фоне стены с трудом можно было разглядеть лишь ее силуэт.

Задавать тот же вопрос Хадсону не при-

шлось. Все услышали громкий сигнал его искателя, остановились и повернули головы в его сторону.

— Здесь что-то есть. Что-то я поймал, — сказал Хадсон и поводил искателем из стороны в сторону. Прибор снова загудел, на этот раз еще громче. — Объект перемещается. Объект находится внутри комплекса.

— А мой искатель ничего не чувствует, — удивленно заметила Васкес, прибор которой и в самом деле молчал. — Наверно, ты обнаружил меня.

У Хадсона от волнения едва не сорвался голос.

— Да нет же, нет! Это не ты. Они внутри. В самом комплексе. Они здесь.

— Хадсон, успокойся, — Рипли старательно вглядывалась в темный коридор. — Васкес, твой искатель должен подтвердить сигнал.

Карабином и искомателем Васкес описала в воздухе большую дугу. Дуга завершилась на пол-обороте; именно в этот момент ее искатель издал резкий звуковой сигнал.

— Может, Хадсон и прав.

Рипли и Хикс обменялись взглядами. Что ж, теперь по крайней мере им не придется топтаться на месте и беспомощно ждать, как будут развиваться события.

— Начинается, — напряженно произнес капрал.

Рипли окликнула десантников:

— Присоединяйтесь к нам. Все отступаем в центр управления.

Хадсон и Васкес осторожно попятались. Техник взвужденно всматривался в темный коридор, из

которого поспешно уходила вся группа. Искатель говорил одно, его глаза — другое. Что-то здесь не так, подумал Хадсон и сказал:

— Сигнал какой-то странный. Должно быть, появились помехи или что-то в этом роде. Может, где-то замыкание. Прибор кругом регистрирует перемещение объектов, а я не вижу ни черта.

— Быстрее назад! — крикнула Рипли.

Она почувствовала, как по всему телу побежали струйки холодного пота. От ужасного предчувствия сжалось сердце. Хадсон резко повернулся и помчался к двери. Он даже на мгновение опередил Вассес. Вдвоем они закрыли дверь и заблокировали ее изнутри.

Снова оказавшись в центре управления, десантники разделили между собой жалкие остатки оружия — огнеметы, гранаты. Заряженные магазинные коробки для импульсных карабинов поделили поровну. Искатель Хадсона гудел все громче и громче.

— Что-то движется! — Хадсон дико озирался по сторонам, но кроме темных силуэтов своих товарищей не видел ничего. — Сигналы очень четкие. Это не может быть ошибкой.

Немного приподняв искатель, Хадсон направил его датчик на одну стену, потом на другую, третью.

— Множество объектов приближается со всех сторон. Расстояние до них метров двадцать.

— Заварите дверь, — шепнула Рипли, повернувшись к Вассес.

— Если я заварю дверь, как же мы попадем на шаттл?

— Как и Бишоп. Если только у вас не возникнет желание прогуляться по свежему воздуху.

— Семнадцать метров, — пробормотал Хадсон.

Васкес, взяв сварочный аппарат, направилась к двери.

Хикс протянул Рипли огнемет и принялся регулировать свой.

— Пусть эти игрушки нам посветят.

Спустя мгновение из огнемета Хикса с шипением вырвалось небольшое, но яркое и устойчивое пламя. Теперь огнемет стал похожим на гигантскую зажигалку. Рипли тоже нашла на рукоятке своего оружия кнопку с надписью «Воспламенение» и нажала ее. Из сопла огнемета вырвался сверкающий факел.

Приваривая дверь к полу, потолку и стенам, Васкес торопилась, и ее осыпали снопы искр. Исследователь Хадсона теперь гудел почти безостановочно. Впрочем, сердце Рипли колотилось еще чаще.

— Они самообучаются, — сказала Рипли. Она была не в силах выносить молчание. — Называйте это инстинктом, разумом или групповым анализом, но они учатся на своих ошибках. Они отключили электроэнергию и обошли роботов-часовых. Должно быть, нашли какой-то другой путь в комплекс, а мы его упустили.

— Мы ничего не упустили, — проворчал Хикс.

— Пятнадцать метров, — объявил Хадсон и на шаг отошел от двери.

— Не знаю, как им это удалось. Может, нашли прожженную кислотой дыру в воздуховодах или что-нибудь внизу под полом, что должно было

быть накрепко заварено, а оказалось открытым. Или какое-нибудь нововведение колонистов, которое они не сочли нужным вносить в документацию и схемы. Мы же понятия не имеем, насколько устарели схемы, которыми мы пользовались, и когда в них в последний раз вносили изменения. Что же произошло?

Рипли взяла второй искатель и направила его в ту же сторону, что и Хадсон.

— Двенадцать метров, — сообщил техник. — Ого, вот это сигнал так сигнал! Десять метров.

— Они идут прямо на нас, — отметила Рипли и перевела взгляд на дверь. — Ваккес, как у вас дела?

Ваккес не отвечала. Капельки расплавленного металла летели на ее комбинезон и перчатки, прожигая ткань насквозь. Стиснув зубы, наплевав на все правила безопасности и отпуская изредка отборные ругательства, она спешила закончить работу.

— Девять метров, — Хадсон повысил голос и затравленно огляделся. — Восемь!

— Этого не может быть, — убежденно сказала Рипли, хотя ее искатель давал те же самые невероятные показания. — Если приборы не врут, твари должны быть уже здесь, в этой комнате.

— Верно, верно, — подтвердил Хадсон и наклонил свой прибор так, чтобы ей были видны и шкала и цифры. — Смотрите сами!

Рипли повернула свой искатель, покрутила ручки тонкой настройки, а Хикс бросился к Хадсону:

— Слушай, ты что-то делаешь не так.

— Я делаю не так? — Хадсон был близок к истерике. — Я знаю эти игрушки, как свои пять пальцев. Они никогда не врут. Они слишком просты, чтобы врать. — Широко раскрытыми глазами он следил за быстро меняющимися цифрами на приборе. — Шесть метров, пять. Что за...

Он переглянулся с Рипли. Одна и та же страшная догадка пришла им в голову одновременно. Как по команде, они запрокинули головы и направили искатели к потолку. Тотчас гудение приборов переросло в ошеломляющий рев.

Хикс быстро вскарабкался на ближайший шкаф. Повесив карабин на плечо и крепко сжимая огнемет в одной руке, другой он приподнял одну из звукоизолирующих панелей потолка и посветил в образовавшуюся щель фонарем.

Луч осветил сцену, которая не могла бы ни присниться Данте в самом диком из его кошмаров, ни привидеться Эдгару По в тяжелейшем приступе горячечного бреда.

13 Все пространство между подвесным звукоизолирующим потолком и металлической крышей здания кишело чужими тварями. Их набилось намного больше, чем Хикс успел бы сосчитать. Как гигантские летучие мыши, они висели вниз головой на трубах и балках, ползли на свет фонаря, в лучах которого их шкуры отливали металлическим блеском. Насколько мог

видеть Хикс, конца этой сплошной массе чужих тварей не было.

И без искателя Хикс почувствовал движение за спиной. Он резко повернулся и на расстоянии не больше метра от себя увидел приготовившуюся к прыжку тварь, которая нацелила ему в лицо мощные когти, способные разорвать толстую сталь. Капрал поспешил пригнуться и почувствовал, как когти все же успели царапнуть по на спинной пластине его бронежилета.

Хикс упал на пол. Одновременно целая армия чужих тварей разом отцепилась от балок и труб, непрочный подвесной потолок рухнул, и в центр управления вместе с обломками потолка дождем посыпались кошмарные чудовища. Ньют истошно закричала, Хадсон открыл огонь из карабина, а Васкес помогла Хиксу подняться и пустила в ход огнемет. Рипли, прижав к себе Ньют, попытилась, а рядом с ними появился Горман, прикрывавший их отступление огнем из своего карабина. В суматохе никто не успел заметить, как Берк потихоньку нырнул в единственный незаблокированный коридор, тот, что соединял центр управления с медицинской лабораторией.

Пламя огнеметов освещало поле сражения. Время от времени одна очередная объятая пламенем чужая тварь слепо натыкалась на другую, обжигая ее. Всеобщую неразбериху только усиливали дикие вопли чудовищ, казавшиеся скорее выражением неуемной радости, чем боли. Из тел заживо сгоравших монстров вытекала кислота; проедая огромные дыры в полу, она создавала еще одну угрозу для людей.

— В медицинскую лабораторию! — выкрикнула Рипли, медленно пяясь к коридору и не отпуская от себя Ньют. — Всем отступать в медицинскую лабораторию!

Рипли повернулась и теперь уже бегом бросилась к двери, которая вела туда. Мелькали испачканные сажей и изъеденные кислотой стены. К счастью, потолок в этом углу был цел. Рипли бежала к двери, не обращая внимания ни на что другое. И тут заметила, как Берк отодвинул тяжелую дверь и тут же захлопнул ее за собой. Рипли с разбега врезалась в дверь, дернула за ручку, но секундой раньше замок закрыли изнутри.

— Берк! Открой дверь! Берк, открой дверь!

Ньют дернула Рипли за брюки, спряталась за ее спиной и показала в конец коридора:

— Рипли, смотри!

По коридору к ним приближалась огромная чужая тварь. Рипли трясущимися руками подняла карабин, пытаясь в одно мгновение вспомнить все, чему учил ее Хикс. Она направила ствол в середину мощной блестящей груди и нажала на кнопку спускового механизма.

Выстрела не последовало.

Зловещая тварь неумолимо приближалась, издавая мерзкое шипение. Из ее раскрытой пасти капала вязкая слюна. Спокойно, спокойно, твердила себе Рипли, не сдавайся, еще не все потеряно. Она проверила предохранитель. Он был снят. Бросила взгляд на магазинную коробку — полна. Ньют в отчаянии прижалась к ноге Рипли и тихонько завыла. Руки Рипли дрожали так сильно, что она едва не выронила карабин.

Тварь уже почти нависла над ними, когда Рипли вдруг вспомнила, что первую пулю нужно досылать в казенную часть вручную. Она исправила ошибку и судорожно нажала на кнопку. Пуля попала твари в морду и отбросила ее далеко назад. Рипли моментально отвернулась и как могла прикрыла лицо руками — теперь такая защитная реакция стала чуть ли не инстинктом. К счастью, выстрел почти в упор отшвырнул тварь с такой силой, что ни одна капля брызнувшей кислоты не попала им в лица.

Даже частично погашенная отдача была очень сильной. Рипли потеряла равновесие и сильно ударилась о закрытую дверь. Яркая вспышка от разорвавшейся всего в метре от глаз пули на какое-то время ослепила женщину. Она усиленно заморгала, стараясь быстрее восстановить зрение. В ушах гудело от оглушительно громкого выстрела.

Хикс, остававшийся в центре управления, едва успел поднять голову и выстрелить в прыгнувшую на него тварь. Выстрелом чудовище забросило в охваченный пламенем большой шкаф. К этому времени пламя огнеметов и горевших тварей раскалило помещение настолько, что включилась автоматическая система пожаротушения. Разбрзгивающие насадки обрушили потоки воды на всех, кто находился в центре управления. Вода просочилась и в главный компьютер колонии, превратив его в кучу бесполезного хлама. Хорошо, что под ногами десантников не стояли глубокие лужи. К тому времени, когда на их головы обрушился искусственный ливень, в полу было прожжено

столько дыр, что вода мгновенно стекала вниз. Бессмысленный рев пожарной сирены заглушал крики десантников и сводил на нет все их попытки предпринять разумные согласованные действия.

Перекричать рев сирены удалось лишь Хадсону, который что было силы заорал:

— Надо отходить! Надо отходить!

— В медицинский центр! — выкрикнул в ответ Хикс и рукой показал в сторону коридора. — Пошли!

Хадсон повернулся и в то же мгновение под его ногами поднялась панель пола. Из образовавшейся щели показались мощные лапы с тремя когтями, схватили его за лодыжки и потащили вниз. Другая огромная тварь прыгнула технику на спину, и через секунду он исчез в узком проломе под полом. В надежде поразить и Хадсона, и тварей Хикс выпустил в пролом длинную очередь, потом повернулся и помчался в коридор. Следом за ним бежали Горман и Васкес. Васкес прикрывала отступающих сплошной стеною огня.

Рипли все еще возилась с дверным замком, когда Ньют потянула ее за рукав. Девочка молча показала на истекавшую едкой кровью, полуживую тварь, которая упрямо пыталась подняться и снова напасть на людей. Рипли снова прицелилась, зажмурилась и выстрелила. Ствол импульсного карабина дернулся вверх, а Ньют закрыла уши руками. Теперь тварь уже не подавала признаков жизни.

За спиной Рипли раздался крик:

— Не стрелять!

Из клубов дыма появились промокшие до костей, выпачканные в саже Хикс и остальные десантники. Рипли отошла на шаг в сторону, показала на дверь:

— Закрыта изнутри.

Объяснить причину не было ни времени, ни необходимости. Хикс лишь молча кивнул в ответ, снял с пояса миниатюрный сварочный аппарат — уменьшенную копию того, которым Васкес заваривала сначала пожарную дверь, потом дверь в центр управления, и приказал всем отойти.

По его мнению, чтобы вырезать замок, времени должно было потребоваться немного.

В другом конце коридора появились силуэты чудовищ. Интересно, подумала Рипли, как им удается так быстро выслеживать жертву? У них не видно ни глаз, ни ушей, ни ноздрей. Может, у этих тварей есть какой-то совершенно неизвестный человеку особый орган чувств? Возможно, когда-нибудь ученые вскроют тело такого монстра и найдут ответ и на этот вопрос. Когда-нибудь, но пусть это будет после ее смерти. У Рипли не было ни малейшего желания быть свидетельницей такого вскрытия.

Васкес сунула свой огнемет Горману, сняла с плеча карабин, вытащила из кармана несколько яйцеобразных предметов и затолкала их в широкий нижний ствол М-41А.

Когда Горман сообразил, что Васкес заряжает гранатомет, у него округлились глаза.

— Эй, послушайте, здесь нельзя стрелять из гранатомета! — сказал он и попятился.

— Правильно. Я нарушаю статьи с девяносто пятой по девяносто восьмую «Инструкции по ведению ближнего боя». Напишите на меня рапорт.

Васкес направила гранатомет на надвигавшуюся орду.

— По полчищам врага — огонь!

Она нажала на кнопку спускового механизма и, слегка наклонив голову, внимательно наблюдала за полетом гранаты.

Мощный взрыв заставил пошатнуться Рипли и едва не сбил с ног Васкес. Рипли могла поклясться, что на освещенном яркой вспышкой лице Васкес мелькнула улыбка. Хикс покачнулся, и голубой факел его горелки на мгновение ушел вверх. Но капрал тут же опустил горелку и продолжал резать металлы.

Еще через несколько секунд замок со стуком выпал со стороны медицинского центра. Хикс выключил аппарат, спрятал его в чехол, поднялся и ногой отбросил дверь. По сторонам полетели капли расплавленного металла. Никто не обратил на них внимания. Они уже привыкли уклоняться только от брызг кислоты.

Повернувшись к Васкес, Хикс громко крикнул:

— Премного благодарен! Теперь я вообще ничего не слышу!

Васкес всем своим видом выражала замешательство, настолько же искреннее, насколько мягким был ее характер. Она приложила руку к уху и поддразнила капрала:

— Что ты сказал?

Все поспешили укрыться в крыле разрушенной медицинской лаборатории. Васкес вошла последней. Пропустив всех, она повернулась,

наполовину прикрыла дверь и в образовавшуюся щель выпустила одну за другой три гранаты. За мгновение до взрыва она успела захлопнуть дверь до конца и поторопилась присоединиться к товарищам. Три взрыва прозвучали, как удары гигантского гонга, а тяжелая металлическая дверь прогнулась внутрь.

Рипли тем временем уже пересекла небольшое крыло медицинской лаборатории и подошла к другой двери. На этот раз она нисколько не удивилась, обнаружив, что и эта дверь заперта. Она сразу принялась вырезать замок, а Хикс между тем вернулся наглоу заварить погнутую дверь, через которую они только что вошли.

Попав в главное помещение медицинской лаборатории, Берк стал ошарашенно озираться по сторонам, пытаясь найти какой-то выход. Он понимал, что теперь не будет никаких обсуждений, никаких гипотез, никаких компромиссов. Его пристрелят сразу же. Может быть, Хикс и Горман кое-как сдержат себя, но им ни за что не удастся остановить Хадсона или эту сумасшедшую бабу Вассес.

Жадно глотая воздух, он подбежал к двери, которая соединяла лабораторию с другими помещениями комплекса. Если все твари заняты охотой за его бывшими товарищами, рассуждал Берк, у него еще остался шанс как-то выкарабкаться из опасного положения, хотя все пошло совсем не так, как он предполагал. Он может незаметно проскользнуть на территорию колонии (пусть здесь эти дураки сражаются с тварями!)

и окольным путем добраться до посадочной площадки. Как и полагается любому хорошему андроиду, Бишоп способен выслушивать разумные доводы. Возможно, удастся его убедить, что все погибли. Если Берк проявит все свое красноречие, а заодно отключит коммуникатор Бишопа, чтобы никто не смог возразить представителю Компании, то у них с Бишопом останется единственный выход: немедленно подниматься на орбиту. Нужно недвусмысленно дать понять Бишопу, что это приказ, и если при этом Берку никто не помешает, то андроид должен подчиниться человеку.

Берк протянул пальцы к дверной ручке и замер, не успев к ней прикоснуться. Ручка уже поворачивалась сама собой. Едва не парализованный страхом, Берк попятился от медленно открывающейся двери.

В небольшом отсеке лаборатории никто не услышал, как громко щелкнул резко опустившийся хвост с острым жалом.

Выпущенные Ваккес гранаты на какое-то время очистили коридор от тварей, и Хикс успел заварить дверь. Это дало людям несколько минут передышки, но не более того. Только капрал начал было осматривать свое оружие, готовясь к решающей схватке, как по двери с противоположной стороны был нанесен удар такой силы, что она еще больше прогнулась внутрь. От второго, еще более сокрушительного удара дверь жалобно застонала и стала отходить от прочной металлической рамы.

Ньют настойчиво дергала за руку Рипли, но все ее внимание было приковано к рушащейся двери, и она не сразу поняла, что хочет сказать девочка.

— Пойдем! Вон туда! — Ньют упорно тянула Рипли к противоположной стене.

— Ничего не получится, Ньют. Я еле-еле влезла в твое убежище, а другие больше меня, к тому же на них бронежилеты, оружие. Они никак не протиснутся в трубу.

— Да не туда, — нетерпеливо сказала девочка.

— Здесь есть другой ход.

За одним из рабочих столов на стене выделялся темный прямоугольник. Ньют ловко отодвинула заслонку, распахнула защитную решетку и уже было приготовилась нырнуть в вентиляционную шахту, но Рипли оттащила ее.

Девочка с обидой в голосе сказала:

— Я знаю, что делаю.

— Ньют, я в этом нисколько не сомневаюсь. Просто ты не полезешь первой, вот и все.

— Раньше я всегда лазила первой.

— Раньше здесь не было меня и за тобой не гнались все чудовища Ахеронта.

Рипли подошла к Горману и, прежде чем он успел возразить, отдала ему свой карабин и забрала огнемет. Задержавшись лишь для того, чтобы ласково взъерошить волосы Ньют, Рипли опустилась на колени и нырнула в вентиляционную шахту. Она сразу оказалась в кромешной темноте, но в первый момент обрадовалась ей, как встрече с добрым старым другом.

Насколько позволяла ширина шахты, она оглянулась через плечо:

— Зови остальных. А потом ползи за мной.

Ньют энергично кивнула и исчезла. Через несколько секунд она вернулась и быстро подползла вплотную к Рипли. Та не стала ждать и сразу двинулась вперед. За Ньют последовали Хикс, Горман и Вассес. Для десантников в бронежилетах, да еще с оружием проход был узковат, но все же все сумели втиснуться в шахту. Вассес ненадолго задержалась, чтобы закрыть за собой решетку.

Рипли понимала, что если впереди шахта сузится или разделится на несколько меньших, они окажутся в ловушке. Но это ее не беспокоило — она полностью доверяла Ньют. К тому же в худшем случае у них все же останется несколько минут на то, чтобы попрощаться друг с другом и бросить жребий: кому выпадет тяжкое бремя избавить товарищей от мучений. Рипли оглянулась и убедилась, что девочка не только не отстает, но постоянно чуть ли не натыкается на ее ноги.

— Ну давай же, — несколько раз нетерпеливо подгоняла она Рипли. — Ползи быстрей.

— Ньют, быстрее я не могу. Мне здесь слишком тесно. Любому взрослому тесновато. К тому же у нас нет твоего опыта. Ты точно знаешь, где мы находимся?

— Ну конечно, — с ноткой превосходства ответила девочка, будто Рипли спрашивала о чем-то само собой разумеющемся.

— И ты знаешь, как отсюда добраться до посадочной площадки?

— Конечно. Ты ползи, не останавливайся. Еще

немножко, и мы попадем в шахту побольше. Потом повернем налево.

— В шахту побольше? — голос Хикса много-кратным эхом повторили металлические стены шахты. — Слушай, девочка, когда мы вернемся домой, я куплю тебе саму большую куклу в мире, такую, какой ты никогда не видела... или что угодно другое.

— Мне больше всего хочется обыкновенную кровать, мистер Хикс.

И действительно, как Ньют и обещала, через несколько минут отчаянной работы коленями и локтями все оказались в главном воздуховоде вентиляционной системы колонии. Шахта этого воздуховода была настолько высока, что по ней можно было даже идти, немного пригнувшись. Скорость передвижения сразу резко возросла, а Рипли почувствовала страшное облегчение от того, что хотя бы на время можно было дать отдых локтям и коленям. Правда, она то и дело стукалась головой о низкий потолок, но почти не ощущала боли, радуясь тому, что наконец-то можно идти почти по-человечески, а не ползти на четвереньках.

Несмотря на то, что небольшой отряд стал двигаться быстрее, Ньют не отставала. Где взрослым приходилось сгибаться в три погибели, она могла идти в полный рост и даже бежать. В узком воздуховоде десантники постоянно задевали оружием за стены, но по общему мнению спешить сейчас было важнее, чем сохранять тишину.

Отряд подошел к месту пересечения двух главных воздуховодов. Рипли остановилась и на

всякий случай выстрелила из огнемета в одну шахту, потом в другую.

— Теперь куда?

Ньют не раздумывала ни секунды.

— Вот сюда.

Рипли направилась к правой шахте. Она была чуть уже главного воздуховода вентиляционной системы колонии, но все же намного больше той, в которую, отступая из медицинского центра, они втискивались с таким трудом.

Вслед за Рипли и Ньют шел Хикс. Он на ходу включил микрофон:

— Бишоп, это Хикс, вы слышите меня? Слышите, Бишоп? Прием.

На первый вопрос ответа не последовало, но в конце концов настойчивость Хикса была вознаграждена, и в наушниках зазвучал искаженный помехами, и все же хорошо знакомый голос:

— Да, слышу вас. Не очень отчетливо.

— И то хорошо, — сказал Хикс. — Слышимость улучшится, когда мы подойдем ближе. Мы направляемся к посадочной площадке. Идем по воздуховодам вентиляционной системы. Поэтому и связь неважная. Как дела у вас?

— И хорошо и плохо, — ответил андроид. — Поднялся сильный ветер. Но шаттл спускается. Только что получил подтверждение, что он отделился от «Сулако». По моим расчетам, должен сесть через шестнадцать минут. У меня рук не хватает, чтобы при таком ветре управлять полетом на расстоянии.

Последние слова Бишопа потонули в реве помех.

— Что это было? — Хикс пытался на ходу отрегулировать свое приемное устройство. — Повторите, Бишоп. Ветер?

— Нет. Станция преобразования атмосферы. Там аварийная система охлаждения настолько перегружена, что вот-вот выйдет из строя. Взрываться недолго, капрал. Так что лучше на обед не останавливайтесь.

В темноте воздуховода Хикс улыбнулся. Не все андроиды запрограммированы на чувство юмора, да и из тех немногих, в кого встроена такая программа, лишь единицы умеют ею пользоваться. В этом смысле Бишоп был приятным исключением.

— На этот счет не беспокойтесь. Пока мы не успели как следует проголодаться. Придет время, тогда пообедаем. Ждите нас на месте. Конец связи.

Занятый разговором с Бишопом, Хикс не следил за товарищами и едва не сбил с ног Ньют. Девочка неподвижно стояла посреди шахты, а впереди нее застыла Рипли.

— Что там? Что случилось?

— Не знаю, — неуверенно прошептала Рипли. — Но могу поклясться, я видела... Вон там!

Вдали, куда уже почти не пробивался луч фонаря Рипли, Хикс заметил медленно ползущее по воздуховоду омерзительное создание. Каким-то образом ему удалось настолько сузить свое туловище, что оно смогло пролезть в узкую для него шахту. За первой тварью шевелились другие.

— Назад, все назад! — истошно завопила Рипли.

Выполнить эту команду было нелегко. Десантники попятались, наталкиваясь друг на друга. Сзади до них донесся треск отрываемой тварями защитной решетки, потом резкий хлопок. Васкес сняла с плеча огнемет, выждала, когда по ее расчетам тварь должна была пролезть в отверстие, и залила воздуховод огнем. Все понимали, что это временный успех. Они оказались в ловушке.

Васкес прислонилась к металлической стенке и подняла голову.

— Здесь вертикальная шахта. Но ровная, уцепиться не за что, — равнодушно сказала она, будто о незначительном факте. — Поверхность слишком гладкая, по ней не поднимешься.

Хикс снял с ремня сварочный аппарат, включил его и, не теряя времени, принялся вырезать отверстие в стенке воздуховода. В темной узкой шахте пламя казалось особенно ярким, а капли расплавленного металла дождем сыпались на его куртку. Снова проревел огнемет Васкес и тут же умолк.

— Кончается горючее, — заметил Хикс.

С другой стороны к ним неумолимо ползла целая стая тварей.

К счастью, твари, вынужденные втискиваться в слишком узкую для них шахту, продвигались очень медленно.

Хикс только на три четверти прорезал лаз, когда пламя его горелки заколебалось и погасло. Проклиная все на свете, капрал спиной уперся в противоположную стенку и изо всех сил ударил ногой. Металл немного отогнулся. Он надавил на

вырезанную пластину обеими ногами, и та наконец подалась. Не медля ни секунды и даже не заглянув в образовавшийся лаз, капрал схватил карабин, выбрался из воздуховода... и оказался в узком служебном проходе, битком набитом трубопроводами и кабелями.

Не обращая внимания на все еще раскаленные края лаза, Хикс протянул руки и вытащил Ньют, потом помог выйти Рипли, а та, обернувшись, подала руку Горману. Лейтенант, заметив, что в огнемете Васкес кончился напалм, остановился у самого отверстия. Васкес отшвырнула бесполезный огнемет и выхватила револьвер.

Над ее головой что-то зашуршало. Из вертикального ствола в шахту воздуховода свалилось еще одно чудовище. Васкес успела откатиться в сторону и несколько раз выстрелить. Небольшие револьверные пули вспороли тело твари в нескольких местах, но та продолжала наступать. Взметнулся сильный хвост с жалом. Васкес вовремя отдернула голову, и жало вонзилось в стальную стенку в нескольких сантиметрах от ее щеки. Она продолжала стрелять почти в упор, одновременно ногами отбиваясь от мощных конечностей и извивающегося хвоста твари.

Наконец брызнувшая фонтаном кислота проела ее защитный комбинезон и обожгла ногу. Васкес негромко застонала от боли.

Горман повернулся к Рипли:

— Они уже рядом. Быстро уходите, — решительно приказал он.

Их взгляды встретились на секунду — больше времени у них уже не было. За ними неохотно

последовал Хикс. Все еще на что-то надеясь и понимая несбыточность этих надежд, он постоянно оглядывался назад.

Горман подполз к неподвижно лежавшей Вассес. Огромная дыра в ее одежде дымилась, распространяя удушающий запах горящей человеческой плоти. Лейтенант схватил Вассес за ремни бронежилета и потащил ее к лазу.

Слишком поздно. С другой стороны вентиляционной шахты до спасительного отверстия уже добралась первая тварь. Горман остановился, бегло осмотрел рану Вассес. Там, где кислота прожгла защитную одежду и мышечные ткани, белела оголенная кость.

Глаза Вассес горели. Она хрипло прошептала:

— Горман, вы всегда были дураком.

Ее пальцы крепко сжали руку лейтенанта. Это было особое, ритуальное рукопожатие, каким обменивались лишь идущие на смерть десантники. Горман постарался ответить Вассес тем же. Потом он протянул ей две гранаты, а еще две приготовил для себя. Чужие твари подступали к ним с обеих сторон шахты. Горман усмехнулся и поднял гранату, с которой был уже снят предохранитель. У Вассес едва хватило сил, чтобы поднять свою.

— Будем счастливы, — прошептал Горман.

Он закрыл глаза и поэтому не мог сказать, усмехнулась ли Вассес в ответ, но у него было такое ощущение, что его догадка верна. Что-то острое и жесткое воинзилось ему в спину. Горман даже не обернулся, он и без того знал, что это такое.

— Будем счастливы, — шепотом повторил лейтенант свой последний тост и словно бокалом о бокал ударили своей гранатой о гранату Васкес.

Рипли, Ньют и Хикс бежали по служебному проходу. Сначала за их спинами словно вспыхнуло яркое солнце, а потом докатился грохот мощного взрыва. Они были уже довольно далеко от того лаза, который капрал вырезал в стенке воздуховода, по взрывная волна от сработавших одновременно четырех гранат была настолько мощной, что даже здесь содрогнулся весь уровень. Ньют сохранила больше сил и вырвалась вперед. Рипли и Хикс едва поспевали за ней.

— Сюда, сюда! — возбужденно кричала девочка. — Ну быстрее же, мы почти пришли!

— Ньют, подожди! — задыхаясь, с трудом выговорила Рипли.

Чтобы не отстать от девочки, она старалась делать шаги побольше, каждый удар бешено бьющегося сердца больно отдавался в висках, в глазах потемнело, стены она видела словно в тумане, и при каждом шаге ей приходилось жадно ловить ртом воздух. Рипли смутно слышала уверенные, громкие шаги бежавшего вслед за ней Хикса. Она понимала, что даже с оружием и в полном боевом снаряжении он легко мог бы обогнать ее, но капрал намеренно оставался сзади, чтобы при необходимости защитить их от нападения со спины.

Впереди проход разветвлялся. Левый рукав упирался в узкую вентиляционную шахту, которая уходила вверх под углом не меньше сорока пяти

градусов. Ньют уже стояла у входа в шахту и возбужденно размахивала руками:

— Вот! Вот здесь мы и вылезем!

Рипли остановилась, заглянула в шахту. Она была счастлива, что ей предоставилась возможность передохнуть хотя бы несколько секунд. Шахта была крутой, но не слишком длинной. Рипли видела светлый круг — выход на поверхность планеты, слышала, как по-особому завывает ветер, будто дует в бутылочное горлышко. На гладких стенах шахты были укреплены узкие ребра.

Потом Рипли перевела взгляд вниз. Та же шахта через отверстие в полу уходила в неведомые глубины, где все терялось в темноте. Внизу было тихо, ни шороха — значит, мерзкие создания не спешили подняться и напасть на людей. Похоже, мы выберемся, подумала Рипли.

Она поставила ногу на первое ребро и начала подниматься. За ней последовала Ньют. В этот момент из главного прохода появился Хикс. Девочка повернулась к нему:

— Теперь нам надо наверх, мистер Хикс. Это не так трудно, как кажется. Я здесь лазила много раз...

Под ногами Ньют треснуло ребро, насквозь проржавевшее от просочившейся сюда воды и корродирующих веществ, с избытком содержащихся в недопреобразованной атмосфере Ахеронта. Ньют поскользнулась и успела рукой ухватиться за другое ребро. Рипли уперлась в совершенно гладкую поверхность шахты, повернулась и, выронив фонарь, протянула девочке руку. Фонарь,

стуча о стенки, полетел вниз, и скоро его успокаивающий свет исчез в темной бездне.

Рипли тянулась изо всех сил, ей казалось, что вот-вот ее рука оторвется от плеча. Пальцы уже приготовились схватить Ньют, но как она ни старалась, ей не хватило нескольких сантиметров.

— Ри-и-ипли-и-и...

Ньют сорвалась и заскользила вниз по шахте. Хикс рванулся вперед, с разбегу упал на пол рядом с отверстием и, не обращая внимания на ушибы, в последнее мгновение успел мертвый хваткой вцепиться в воротник куртки, которая была на девочке.

Ньют выскоцьзнула из слишком большой для нее куртки. Металлические стенки эхом повторяли ее крик, потом она исчезла в темной глубине, и все стихло.

Хикс отшвырнул куртку и посмотрел на Рипли. Их взгляды встретились лишь на секунду. Рипли разжала пальцы и, упираясь ногами в стенки, чтобы уменьшить скорость падения, заскользила вниз вслед за Ньют.

Как и служебный проход наверху, в том месте, где вентиляционная шахта пересекала нижний уровень, она разветвлялась. Выпавший фонарь светился где-то справа, и Рипли всем телом изогнулась так, чтобы попасть в ту же шахту.

— Ньют! Ньют!

До нее донесся далекий, искаженный эхом жалобный крик:

— Мамочка, где ты?

Рипли едва слышала девочку. Уж не попала ли она в другую шахту?

Шахта, по которой спускалась Рипли, закончилась выходом в горизонтальный тоннель технического обслуживания. Здесь на полу лежал не пострадавший при падении фонарь, но девочки не было видно нигде. Когда Рипли нагнулась, чтобы поднять фонарь, до нее снова донесся многократно повторенный эхом крик:

— Ма-а-а-моч-ка-а-а!

Рипли почти наугад выбрала направление. Оставалось только надеяться, что она не ошиблась. Сумасшедший спуск по шахте совершенно дезориентировал ее. Она еще раз уловила чуть слышный крик Ньют. Слабее или нет? Рипли не могла сказать точно. Теряя уверенность, она беспомощно повернулась кругом. Луч фонаря освещал лишь грязные, сырье стены, механизмы, трубы. В каждой тени Рипли мерещились покрытые слизью, мощные челюсти, каждое углубление казалось раскрытоей пастью чужой твари. Наконец Рипли догадалась связаться с Хиксом по радио. Вспомнила она и о браслете, том самом, что дал ей капрал, а она отдала Ньют.

— Хикс, спускайтесь ко мне. Мне срочно нужен локатор для вашего браслета. — Она сложила ладони рупором и крикнула: — Ньют! Где бы ты ни была, оставайся на месте! Мы идем.

Как Рипли и опасалась, при падении девочка действительно попала в другую шахту. Эта шахта привела ее в низкую, похожую на грот и полузатопленную водой камеру, напичканную трубопроводами и кабелями в пластиковой изоляции. Вода доходила Ньют до пояса. Через потолочное отвер-

стие, заделанное тяжелой решеткой, в камеру проникало немного света. Может, и Рипли тоже там, наверху, подумала девочка и, цепляясь за трубы, стала карабкаться к решетке.

По шахте быстро спускалось что-то тяжелое и громоздкое, сначала показавшееся Рипли еще одной чужой тварью. Хиксу такое сравнение, конечно, не понравилось бы. Узнав капрала, каким бы грязным и потрепанным он ни был, женщина испытала огромное облегчение. В этом мрачном тоннеле одного лишь присутствия другого человека было достаточно, чтобы немного развеять страх.

Хикс ловко приземлился на ноги и, не выпуская из руки карабин, отстегнул локатор от бронежилета.

— Я же вам дал браслет, — с упреком сказал капрал, включая прибор.

— А я отдала его Ньют. Я решила, что ей он нужней, и, как видите, оказалась права. И слава Богу, иначе мы никогда не нашли бы ее в этом лабиринте. Позже можете сказать все, что вы обо мне думаете. Куда нам идти?

Хикс проверил показания локатора, повернулся и пошел по тоннелю, приведшему их в отсек технического обслуживания, где каким-то чудом электроэнергия оказалась не отключенной. Здесь аварийные лампы по-прежнему освещали стены и потолок, и Рипли с Хиксом выключили свои фонари. Где-то недалеко капала вода. Капрал почти не сводил глаз со шкалы локатора.

— Нам сюда, — сказал он и повернулся налево. — Девочка где-то рядом.

Локатор привел их к массивной решетке, накрепко вмонтированной в пол. Снизу раздался голос Ньют:

- Рипли, это ты?
- Это мы, Ньют.
- Здесь! Я здесь, под вами.

Рипли опустилась на колени и попыталась вырвать средний прут решетки. Безрезультатно. Беглый осмотр показал, что решетка намертво приварена к полу; строители не предполагали, что возникнет потребность ее открыть. Всматрившись, Рипли разглядела внизу заплаканное лицо девочки. Она упрямо карабкалась по трубам, и через несколько секунд ее крохотные пальчики протиснулись в узкое отверстие между прутьями. Рипли пожала ручонку Ньют и ободряюще улыбнулась:

— Спускайся вниз по той же трубе, дорогая. Нам придется вырезать эту решетку. Через минуту мы тебя вытащим.

Девочка послушно сползла вниз, а Хикс включил газовый резак. Рипли оценивающе посмотрела на резак, потом перевела взгляд на Хикса:

— Горючего хватит? — тихо спросила она, вспомнив, как в самый критический момент кончился напалм в огнемете Ваккес.

Хикс отвернулся.

— Должно хватить, — сказал он, опустился на колени и принялся разрезать прочный металл прута.

Снизу на сноп ослепительно ярких искр смотрела Ньют. Здесь было холодно, а ей опять приходилось стоять по пояс в воде. Она прикусила губы, чтобы сдержать слезы.

Ньют не заметила, как за ее спиной из воды бесшумно поднялось блестящее туловоище чудовища. Впрочем, даже если бы и заметила, все равно ничего не смогла бы сделать. Отсюда некуда было бежать, в камеру не выходил ни один спасительный воздуховод. На мгновение чужая тварь, казавшаяся настоящим гигантом рядом с крохотной фигуркой девочки, замерла над Ньют. Лишь когда тварь снова шевельнулась, девочка почувствовала неладное и резко повернулась. Она успела лишь коротко вскрикнуть.

Рипли услышала этот крик, негромкий всплеск и заметалась как безумная. Хикс успел вырезать лишь половину решетки. Вместе с Рипли он колотил по ней ногами, пока несколько прутьев не отогнулись. Еще один удар ногой, и кусок изуродованного металла полетел в воду. Рипли свесилась через раскаленные докрасна края решетки и стала водить фонарем по трубам и кабелям.

— Ньют! Ньют!

Луч света отразился от темной поверхности грязной воды. Поглотив вырезанную решетку, вода успокоилась. Нигде не было видно ни следа девочки. Единственным напоминанием о ней осталась плавающая Кейси. Пока Рипли бессильно смотрела на куклу, та тоже медленно погрузилась в черную маслянистую воду.

Хиксу пришлось силой оттаскивать Рипли от решетки. Она отчаянно пыталась вырваться из его рук.

— Нет! Не-е-е-ет!

Лишь недюжинная сила и значительное пре-

восходство в массе позволили Хиксу отвести Рипли от отверстия в решетке.

— Ньют больше нет, — убеждал он ее. — Ни вы, ни я, никто на свете не сможет вернуть ее. Пойшли!

Вдруг Хиксу почудилось, что в дальнем конце тоннеля, который привел их к Ньюту, что-то шевельнулось. Наверно, мне только показалось, решил Хикс, это всего лишь обман зрения. Хотя здесь, на Ахеронте, обман зрения может оказаться роковым.

Рипли все больше и больше впадала в отчаяние. Она рыдала, выкрикивала что-то бессвязное, ожесточенно размахивала руками, стучала ногами. Чтобы не дать ей прыгнуть в полу затопленную темную камеру, Хиксу пришлось взять ее на руки и отнести подальше. Такой прыжок был бы самоубийством.

— Нет! Нет! Она еще жива! Мы должны...

— Ладно! — заорал Хикс. — Она еще жива. В это я могу поверить. Но нам нужно уходить. Немедленно! Там, — он кивком показал на дыру в полу, — вас сразу сцепают. Ньют не будет вас дожидаться, а твари будут. Смотрите!

Рукой он показал в конец тоннеля. Там виднелся лифт. Рипли перестала сопротивляться.

— Раз в этом отсеке не отключено аварийное освещение, то, может, и эта штука работает. Давайте выбираться отсюда. Наверху твари не нападут исподтишка, и мы сможем все спокойно обдумать.

И все же Хиксу пришлось почти тащить Рипли до лифта и силой втолкнуть в кабину.

Хиксу не зря показалось, что в конце тоннеля что-то шевелится. Как только вслед за Рипли он вошел в кабину лифта, откуда-то появилось еще одно чудовище. Хикс с такой силой нажал на пластиковую кнопку «Вверх», что чуть не продавил ее. Двери лифта начали закрываться, но медленно, слишком медленно, и тварь успела просунуть между створками свою верхнюю конечность. Рипли и Хикс на мгновение замерли от ужаса, когда сработала автоматическая система безопасности и створки двери снова стали открываться. Для автоматики нет разницы — человек ты или смертельно опасная чужая тварь.

Мерзкое чудовище ринулось на людей. Хиксу ничего не оставалось, как практически в упор выстрелить из импульсного карабина. Выстрел отбросил тварь, но брызги кислоты успели пролететь между медленно закрывавшимися дверями лифта. Кислота попала и на бронежилет Хикса, когда он прикрывал собой Рипли. К счастью, едкая жидкость не тронула кабели лифта. Аварийные источники питания медленно поднимали кабину к поверхности планеты.

Хикс стал судорожно отстегивать свой бронежилет, упрочненный нитями композитных материалов, пока кислота не прожгла его насквозь. Рипли было достаточно лишь раз взглянуть на капрала, чтобы прийти в себя. Она вцепилась в застежки защитной одежды, стараясь хоть чем-то ему помочь. Ужасная жидкость добралась-таки до тела Хикса на груди и на руках. Капрал закричал, стряхивая с себя бронежилет, как змея старую шкуру. Дымящиеся пластины наконец упали на

пол, и кислота тут же стала растворять металлы лифта. Удушливые газы заполнили кабину, обжигали глаза и горло.

Рипли и Хиксу казалось, будто лифт поднимается целую вечность. Кислота проела металлический пол и закапала на силовые кабели и поддерживавшие кабину огромные шестерни.

Наконец лифт остановился, створки его дверей раздвинулись и пассажиры, пошатываясь, вышли из кабинны. Теперь Рипли пришлось помочь Хиксу. Глубокие ожоги на его груди еще дымились, и от невыносимой боли капрал согнулся вдвое.

— Перестаньте, Хикс, ваши ожоги скоро заживут. А я-то думала, вы крепкий парень.

Рипли набрала полные легкие воздуха, закашлялась, потом сделала еще один глубокий вдох. Хикс задыхался; сжав зубы, он попытался улыбнуться. После затхлых тоннелей и воздуховодов даже далекий от идеального воздух Ахеронта показался невообразимо сладким.

— Мы почти пришли.

Впереди, совсем недалеко от Хикса и Рипли, к посадочной площадке неуверенно приближался стройный, изящный шаттл. Людям он казался огромным темным ангелом, спускающимся на грешную планету. Порывы сильнейшего ветра бросали его с борта на борт даже над самой поверхностью. Потом Хикс и Рипли увидели Бишопа. Тот стоял под вышкой антенны спиной к ним и ветру и отчаянно боролся с переносным передатчиком, стараясь обеспечить шаттлу по

возможности мягкую посадку. Несмотря на все старания андроида, корабль грузно ударился о жесткую поверхность планеты, его немного снесло в сторону, но все же он остановился почти в центре посадочной площадки. Если не считать погнутой стойки опор, неуклюжая посадка прошла без неприятных приключений.

Рипли позвала андроида. Только тогда он заметил их с капралом и повернулся. Пошатываясь, они выходили из дверей того здания, что находилось за спиной Бишопа. Тщательно закрыв панель передатчика, андроид бросился на помощь людям. Одной рукой он приподнял Хикса и скорее понес, чем повел его к кораблю. Стараясь перекричать рев ветра, Рипли крикнула на бегу андроиду:

— Сколько у нас времени?

— Много! — довольно ответил Бишоп. Он имел все основания быть довольным своей работой. — Целых двадцать шесть минут.

— В таком случае мы пока остаемся, — сказала Рипли.

В этот момент все трое с трудом поднимались по грузовому трапу в безопасное и теплое нутро корабля.

От неожиданности Бишоп остановился и изумленно посмотрел на Рипли:

— Почему? Почему остаемся?

Она же долго изучала лицо андроида, выискивая хотя бы намек на неискренность, но ничего похожего не увидела. Ей пришлось признать, что в такой ситуации его вопрос был совершенно естественным. Она позволила себе немного расслабиться.

— Сейчас объясню вам. Только прежде окажем первую помощь Хиксу, задраим люки — и я все вам расскажу.

14 У обода, что опоясывал вершину преобразователя атмосферы, полыхнула гигантская молния. Из предохранительных клапанов с оглушительным свистом вырывался пар. Аварийные системы безопасности тщетно пытались снизить температуру и давление в установках. Их показатели давно перешагнули допустимые пределы, когда режим еще мог быть стабилизирован, и столбы раскаленных газов уходили в небо на сотни метров.

Направляя шаттл к посадочной площадке верхнего уровня, Бишоп предусмотрительно держался подальше от конуса преобразователя. Пролетая над разбитым вдребезги бронетранспортером, который наконец перестал дымиться, Рипли задержала взгляд на этом памятнике самонадеянности и слепой веры в неограниченные возможности современной техники. Еще немного — и он испарится вместе со станцией и всей разгромленной колонией Хадли.

Миновав около трети пути вдоль одной из сторон огромного конуса станции, они увидели открытую всем ветрам узкую посадочную площадку. Она предназначалась для приема грузовых катеров и небольших аппаратов для полетов в атмосфере, но отнюдь не таких гигантов, как десантный шаттл. Стараниями Бишопа корабль

удалось посадить на площадку, и та заскрипела под его массой. Несущие балки площадки опасно изогнулись, но выдержали нагрузку.

Рипли завершила последние витки металлической ленты вокруг странного и неуклюжего агрегата, над сооружением которого трудилась. Она отшвырнула уже ненужную катушку с остатками ленты и критически осмотрела результат своей работы. Агрегат не отличался изяществом, и, уж конечно, собирая его, Рипли нарушила по меньшей мере два десятка правил и инструкций по безопасному обращению с оружием. Но ей на это было решительно наплевать. На парад она не собиралась, к тому же здесь не было никого, кто мог бы ей сказать, что плод ее изобретательности опасен и, возможно, вообще не будет стрелять.

Словом, пока Бишоп вел шаттл к станции, Рипли занималась тем, что связывала бок о бок импульсный карабин Хикса с огнеметом. В результате получилось тяжелое и неуклюжее оружие, обладающее, однако, огромной разрушительной силой. Не исключено, что с его помощью, полагала Рипли, ей даже удастся вернуться на корабль — конечно, если у нее хватит сил таскать такую тяжесть.

Потом Рипли направилась в отсек, где хранились боеприпасы, и принялась набивать сумку и карманы всем тем, что годилось для того, чтобы убивать чужих тварей.

Включив программу автоматического подъема корабля на тот случай, если посадочная площадка все же обрушится, Бишоп оставил кабину пилота

и направился к Хиксу. Капрал лежал на сдвинутых креслах для пассажиров. Вокруг валялось содержимое полевого комплекта для оказания первой медицинской помощи. Им с Рипли удалось остановить кровотечение. Оставалось надеяться, что современная медицина со временем поставит Хикса на ноги. Выжженые кислотой мышечные ткани уже стали понемногу восстанавливаться. К сожалению, пришлось сделать несколько инъекций, чтобы боль стала хотя бы терпимой. Обезболивающие средства облегчили состояние капрала, но замедлили его реакции и ухудшили зрение. Теперь он только морально мог помочь осуществлению сумасшедшего плана Рипли.

— Рипли, это не очень разумно, — пытался возражать Бишоп. — Я могу понять ваше состояние...

— В самом деле? — бросила она в ответ, даже не взглянув на андроида.

— Да, действительно могу. В меня заложены соответствующие программы. И тем не менее я утверждаю, что неразумно жертвовать жизнью еще одного человека.

— Ньют жива, — возразила Рипли. Она обнаружила еще один пустой карман и тут же сунула в него гранаты. — Твари приволокли ее сюда живой. Точно так же, как и всех других колонистов. Вы знаете это не хуже меня.

— Да, скорее всего твари поступили именно так. Я готов допустить, что у них нет очевидной причины менять схему действий, которой они придерживались до сих пор. Но не в этом дело.

Мне представляется крайне маловероятным, чтобы в оставшиеся минуты вы успели найти ее, вызволить из плена и вместе с ней снова пробиться на корабль. Через семнадцать минут все это превратится в облако пара размером с Небраску.

Рипли будто не слышала Бишопа. Она застегнула перегруженную сумку и повернулась к капралу.

— Хикс, не позволяйте ему улетать.

Капрал с трудом мигнул. От боли его лицо перекосилось, глаза слезились.

— Мы не улетим, — ответил он, глазами показав на самодельное оружие, лежавшее на полу. — Вы сможете нести эту штуку?

Рипли подняла грозное оружие.

— Смогу, сколько потребуется.

Она перебросила через плечо сумку и уверенно зашагала к люку. Нажав кнопку, Рипли с нетерпением ждала, когда стальная плита скользнет в сторону. В корабль ворвались ветер и рев окончательно вышедшей из-под контроля станции. Рипли задержалась на верхней ступеньке трапа и оглянулась:

— До встречи, Хикс.

Капрал попытался привстать, но тщетно — он лишь перекатился на бок.

— Дуэйн. Зови меня Дуэйн, — прижимая марлевый тампон к лицу, проговорил он.

Рипли вернулась, взяла Хикса за руку.

— А ты меня — Эллен.

Хикс удовлетворенно кивнул и снова перекатился на спину. Голосом, который лишь отдаленно

напоминал прежний уверенный голос капрала, он прошептал:

— Не задерживайся, Эллен.

Рипли промолчала, повернулась и ушла, не оглядываясь на закрывшийся за ней люк десантного корабля.

Не будь она так перегружена, ветер сдул бы ее с площадки. Она подошла к дверям большого грузового лифта, расположенного в стене станции. Стоило прикоснуться к кнопке, как створки тотчас раздвинулись. Недостатка в электроэнергии здесь не ощущалось, скорее наоборот.

Кабина лифта была пуста. Рипли вошла и надавила кнопку «Уровень С». Самое дно. Уровень преисподней, подумала она.

Кабина спускалась медленно. Лифт предназначался для перевозки тяжелых, зачастую хрупких грузов и не был рассчитан на скоростной спуск. Прижавшись спиной к задней стенке кабины, Рипли молча провожала глазами уходящие вверх решетки шахты. По мере спуска в кабине становилось все жарче. Отовсюду доносился рев вырывавшихся струй пара.

Долгий спуск позволил Рипли сбросить куртку и надеть бронежилет, которым она обзавелась на шаттле, прямо на рубашку, а потом в последний раз проверить оружие. Поверх бронежилета она укрепилавшанную гранатами ленту, затем занялась огнеметом: сняла предохранитель и убедилась, что напалма в резервуаре в достатке. Потом пришла очередь магазинной коробки, уже вставленной в карабин. На этот раз она не забыла дослать первый патрон вручную.

Рипли нервно провела рукой по боковому карману брюк, набитому осветительными шашками, потом покрутила в руках гранату, в которую еще не вставила детонатор. Граната выскользнула из ее пальцев, упала, но лишь невинно покатилась по полу. Трясущимися руками Рипли подняла ее и сунула в карман. Она вдруг поняла, что не запомнила ни слова из подробных инструкций Хикса и совершенно не умеет обращаться ни с гранатами, ни с осветительными шашками.

Хуже всего было то, что Рипли впервые оказалась на Ахеронте одна. Совершенно одна, без малейшей надежды на чью-то помощь. К счастью, задумываться об этом ей было некогда — спуск кабины замедлился и она с легким толчком остановилась.

Открылись сначала решетчатые двери шахты, потом двери лифта. Рипли направила в быстро расширявшуюся щель оба ствола своего самодельного двойного оружия.

Коридор перед ней оказался пуст. Его освещали не только аварийные лампы, но и тусклые красноватые огни, мерцавшие за массивными металлическими конструкциями. Из лопнувших трубопроводов со свистом вылетал пар, а перегруженные и местами уже поврежденные электрические кабели рассыпали снопы искр. Работавшие с предельной нагрузкой механизмы дрожали и жалобно выли, а связывавшие их блоки громко скрипели. Вдалеке трещал, собираясь вот-вот окончательно развалиться, какой-то массивный механический рычаг или шток.

Рипли бросила настороженный взгляд налево, потом направо. Она сжимала свое самодельное оружие с такой силой, что костяшки ее пальцев побелели. У нее не было прибора ночного видения; впрочем, когда кругом все так раскалено, сенсоры инфракрасного излучения все равно оказались бы бесполезными. Она вышла в коридор, будто на сцену, рожденную фантазией Пиранези и декорированную Данте.

Как только Рипли миновала первый поворот, ей бросились в глаза следы деятельности чужих тварей. Все здесь было облеплено тем же похожим на эпоксидную смолу материалом: трубопроводы, кабели, перекидные мостики, располагавшиеся под самым потолком. Смола воедино слилась с конструкциями, создав замкнутое помещение. На огнемете Рипли укрепила персональный локатор Хикса. Она поглядывала на него каждый раз, когда осмеливалась отвести глаза от стен. Локатор пока работал, направляя Рипли к цели.

Услышав человеческую речь, Рипли вздрогнула. Голос был громким, спокойным и отчетливым, потому что говорила машина:

— Внимание. Аварийная ситуация. Весь персонал станции должен немедленно эвакуироваться. В вашем распоряжении осталось четырнадцать минут. За это время вы должны удалиться на минимально безопасное расстояние.

Локатор по-прежнему вел Рипли. Его светодиоды указывали ей и направление и расстояние до цели.

Время от времени Рипли приходилось стяхи-

вать застилавший глаза пот. Вокруг клубился пар, который не позволял разглядеть что-либо даже на расстоянии нескольких метров. Впереди аварийные лампы освещали место пересечения коридора с небольшим проходом.

Что-то шевельнулось за ее спиной. Рипли резко повернулась, и ее огнемет обрушил струю горящего напалма на воображаемого демона, но там никого не оказалось. Заметят ли твари, что здесь после выстрела повысилась температура? Впрочем, у нее не было времени гадать. Она пошла дальше, стараясь тверже держать огнемет в руках даже в те моменты, когда ей приходилось сверяться с показаниями локатора.

Рипли спустилась на еще более низкий уровень.

Там тоже были камеры, созданные чужими тварями. В стенах этих камер были замурованы высохшие трупы — все, что осталось от несчастных колонистов. Твари притащили их сюда и превратили в беспомощные инкубаторы для своих эмбрионов. Человеческие трупы в смоле напоминали окаменевших в янтаре насекомых. Сигнал локатора усилился и показал, что нужно повернуть налево. Чтобы не стукнуться о низкий выступ, пришлось нагнуться.

На каждом повороте и на каждом перекрестке Рипли предусмотрительно оставляла зажженную осветительную шашку. Без таких маркеров она непременно заблудится в этом лабиринте и никогда не вернется на корабль. Один проход был так узок, что ей пришлось протискиваться боком. Рипли шла по галерее мучеников, застывших в предсмертной агонии.

Кто-то схватил ее за плечо. У Рипли от страха подогнулись колени и перехватило дыхание; она не смогла даже закричать. Но это оказалось всего лишь рука человека — тело несчастного было замуровано в смоле. Знакомое лицо. Картер Берк.

— Рипли, — не сказал, а простонал он. — Помогите мне. Я чувствую тварь в себе. Она шевелится...

Взяв себя в руки, Рипли молча посмотрела на Берка. Таких мук не заслуживал ни один человек.

— Держите, — сказала она.

Пальцы Берка судорожно сжали гранату. Рипли включила детонатор и поспешила дальше.

Снова загремел механический голос станции. В его тоне чувствовалась повышенная настойчивость:

— В вашем распоряжении осталось одиннадцать минут. За это время вы должны удалиться на минимально безопасное расстояние.

Если верить локатору, Рипли уже практически стояла над своей целью. За ее спиной взорвалась граната, взрывная волна едва не сбила ее с ног. Как бы в ответ из глубин станции донесся звук еще более мощного взрыва. Завыла сирена, содрогнулось все гигантское сооружение. Локатор вел за угол. Нервы Рипли сжались в комок. Указатель расстояния до цели показывал ноль.

Она огляделась. На полу лежал браслет Ньюта. Его металлический чехол был искорежен, а крохотная сигнальная лампочка ярко, но безрадостно

сияла зеленым огоньком. Рипли прислонилась к стене и без сил опустилась на корточки.

Кончено. Все кончено.

Веки Ньют дрогнули, она открыла глаза и впервые осмотрелась. Ее замуровали в кокон. Кокон был частью колоннообразной конструкции, воздвигнутой чудовищами рядом со скоплением предметов овальной формы — их яиц. Ньют сразу узнала их. Прежде чем твари унесли или убили последних взрослых колонистов, тем удалось раздобыть несколько таких яиц. Люди хотели посмотреть, что это такое. Но все те яйца были пустыми, с отбитыми верхушками. А эти целые.

Внезапно яйцо, лежавшее ближе всего к Ньют, почуяло, что девочка пришла в себя. Оно задрожало и начало раскрываться, как непристойная пародия на цветок. Внутри яйца зашевелилось мерзкое существо в плотной шкуре, покрытой слизью. Как загипнотизированная, Ньют смотрела на яйцо, над отколотым краем которого одна за другой появлялись гибкие конечности, напоминавшие лапы огромного павука. Девочка знала, что должно случиться в ближайшие секунды и среагировала единственным возможным, единственным известным ей способом — она закричала.

Рипли услышала и бросилась на крик Ньют.

Девочка с ужасом наблюдала, как маленькое чудовище выбирается из яйца. Собираясь с силами и подбиравая под себя многочисленные конечности, оно на минуту задержалось на краю скорлупы, потом повернулось к Ньют. Рипли вбежала в

камеру в тот момент, когда чудовище приготовилось к прыжку. Не раздумывая, она нажала на кнопку спускового механизма. Пуля разорвала извивавшуюся тварь в клочья.

Вспышка выстрела осветила огромную взрослую тварь, стоявшую неподалеку. Рипли мгновенно повернулась к ней.

Еще два выстрела отшвырнули мерзкое чудовище. Выпуская в него пулью за пулей, Рипли подошла ближе. Тварь завалилась на спину, и Рипли с удовлетворением прикончила ее из огнемета.

Оставив полыхавший труп, она бросилась к Ньют. Кокон еще не отвердел, Рипли удалось разорвать смелообразное вещество, и девочка с трудом выбралась из него. Рипли повернулась спиной к Ньют и присела на корточки.

— Забирайся скорей. Поедешь верхом, — приказала она.

Ньют вскарабкалась на спину Рипли, крепко обвив ее шею руками.

— Я знала, что ты придешь, — чуть слышно сказала девочка.

— Пока я жива, всегда приду. Ладно, давай выбираться отсюда. Ты должна держаться за меня очень крепко, изо всех сил, я не смогу тебе помочь — мне придется стрелять.

Рипли не могла видеть, но почувствовала, как девочка кивнула.

— Понимаю. Не бойся. Я не сорвусь.

Шестым чувством Рипли ощущала движение справа от себя, но повернулась к подступавшим тварям только тогда, когда залпом огнемета сожгла

все яйца. Одна из тварей, охваченная огнем, уже тянула к ней свои лапы. Рипли отбросила ее двумя выстрелами. Нырнув под какое-то блестящее цилиндрическое сооружение, Рипли подготовилась к отступлению, как вдруг раздался пронзительный вопль, который заглушил скрежет металла, вой сирены и крики нападавших чужих тварей.

Если бы Рипли при входе в камеру, где лежали яйца, подняла голову, она бы увидела это раньше. К счастью, она смотрела только перед собой, иначе, несмотря на всю свою решимость, могла бы дрогнуть. В красноватом тумане виднелся огромный силуэт матки чужих тварей. Словно гигантский насекомообразный Будда, она, сверкая, восседала над горой яиц. Ее клыкастый череп казался живым воплощением всех ужасов Вселенной. На раздувшемся до невероятных размеров брюхе были сложены шесть уродливых конечностей: две задних и четыре когтистых передних. Разбухшая от множества яиц, она походила на гигантский мешок цилиндрической формы. Паутиноподобная сетка отделяла его от переплетения труб и кабелей; как бы задрапированные ею, все эти созданные человеком механизмы казались петлями бесконечно длинного кишечника матки.

Рипли вдруг поняла, что только что проскользнула под каким-то органом этого мешка.

Внутри чудовищного брюха, как на кошмарном биологическом конвейере, непрерывно зарождались, росли и устремлялись к яйце кладу бесчисленные яйца. Как только они, покрытые блестящей

слизью, появлялись на свет, их подхватывали крошечные трутни. Эти уменьшенные копии тварей-бойцов суетливо носились взад-вперед, торопясь уложить яйца и обслужить матку. Они не обращали ни малейшего внимания на стоявшего на их пути человека, поглощенные единственным стремлением — как можно скорее перетащить только что отложенные маткой яйца в безопасное место.

Рипли вспомнила, как Васкес управлялась с гранатометом, и быстро зарядила его четырьмя гранатами, которые очередью выпустила в матку. Гранаты легко пробили непрочную шкуру, проникли глубоко в гигантское брюхо матки и там взорвались, разнеся кошмарный конвейер. По камере разлетелись тысячи яиц и тонны омерзительного желатиноподобного вещества. Обезумев, матка издала невероятной силы вопль, который можно было сравнить разве только с гудком свихнувшегося паровоза. Отступая, Рипли методично поливала горящим напалмом все, что попадалось ей на глаза. В огненном аду яйца сморщивались и трескались, бесследно исчезали твари-бойцы и твари-трутни.

Над всем этим полыхающим хаосом извивалась и охваченная огнем матка. Неподалеку от Рипли откуда-то появились две твари. Импульсный карабин лишь сухо щелкнул — магазинная коробка была пуста. Рипли спокойно выбросила пустую коробку, вставила заряженную и снова нажала на кнопку спускового механизма. Отброшенные выстрелами твари исчезли в море бушующего огня.

Теперь Рипли было все равно, движется подозрительный объект или нет. Она бежала к лифту, на ходу поливая огнем все, что не походило на творение человеческих рук. Пот заливал ей глаза, клубы пара ухудшали и без того плохую видимость, но предусмотрительно оставленные ею осветительные шашки ярко, как драгоценные камни, сияли среди всеобщего хаоса. Безостановочно выла сирена, и уже содрогалась вся станция.

Рипли чуть было не пробежала мимо одной из шашек, резко остановилась и повернула назад. Ее пошатывало, легким не хватало воздуха. Она была настолько измотана, что иногда ей казалось, будто она не бежит, а парит над полом.

Матка за спиной Рипли освободилась наконец от разорванной яйцевой камеры, оторвав ее от гигантского брюха. Распрямив нижние конечности, размером с колонны небольшого храма, она неуклюже двинулась вперед, круша все, что попадалось на ее пути.

Продвигаясь, Рипли регулярно очищала горящим напалмом коридор перед собой и боковые проходы. Лишь после этого она бежала дальше, уверенная, что ни за одним углом ее не поджидает сюрприз. К тому времени, когда они с Ньют добрались до грузового лифта, резервуар огнемета опустел.

Лифт, на котором Рипли спустилась несколько минут назад, был уже завален обломками. Она нажала кнопку вызова соседнего и испытала огромное облегчение, когда загудел двигатель и кабина медленно поползла с верхних уровней.

Яростный вопль за спиной заставил ее обернуться. Словно оживший подъемный кран, издали к ним приближалось блестящее гигантское чудовище. Оно с трудом прорывалось сквозь сложные переплетения трубопроводов и кабелей, задевая черепом потолок. Рипли проверила импульсный карабин. Магазинная коробка была пуста, не осталось и запасных коробок. Спасая Ньют, Рипли не жалела патронов. Гранаты тоже кончились. Рипли бросила свое теперь уже бесполезное самодельное оружие, с облегчением освободившись от лишнего груза.

Кабина опускалась слишком медленно. На стене рядом с лифтами была смонтирована лестница для их технического обслуживания. Рипли кинулась к ней. Веса Ньют за спиной она почти не ощущала.

Как только эна выскочила на лестничную площадку, в проеме мелькнула мощная черная лапа. Острые, как бритва, когти впились в металлические плиты пола в считанных сантиметрах от ног Рипли.

Куда теперь? Страха уже не было, на него просто не оставалось времени. Слишком многое нужно было не упускать из вида. Надо было мгновенно решать столько проблем, что приходить в ужас было некогда.

Наконец она нашла что надо: открытый лестничный колодец, который выходил на верхние уровни станции. Лестница качалась и содрогалась под ногами Рипли. За спиной внизу гигантское чудовище бешено колотилось о металлические стены. Когти и клыки кромсали толстые плиты из особо прочного сплава.

— В вашем распоряжении осталось две минуты. За две минуты вы должны удалиться от станции на минимально безопасное расстояние, — уныло информировал механический голос всех, кто мог бы его слышать.

Рипли упала и сильно ударила коленом о металлическую ступеньку. Резкая боль заставила ее на мгновение остановиться. Переводя дух, она обратила внимание на равномерное гудение лифта и через решетку шахты заглянула вниз. Кабина лифта начала подниматься. Слышался скрип перегруженных тросов.

Рипли снова помчалась наверх, лишь смутно различая мелькающие ступеньки и лестничные площадки. Могла быть только одна причина, по которой кабина лифта вдруг стала подниматься.

Наконец Рипли добралась до двери, выходившей на посадочную площадку верхнего уровня. Ньют каким-то чудом еще держалась на ее спине. Рипли распахнула дверь и вывалилась на площадку, где даже бешеный ветер не мог разогнать ядовитый дым.

Десантного шаттла на площадке не было.

— Бишоп!

Ветер унес крик Рипли. Она с надеждой всматривалась в небо.

За спиной захныкала Ньют. Громкий скрип заставил обеих обернуться. Через дверной проем они увидели медленно поднимавшуюся кабину лифта. Рипли попятилась, но скоро уперлась в узкие перила, окружавшие посадочную площадку. От поверхности планеты их отделяло десять уровней. Покрытие непрерывно дрожавшей стан-

ции было гладким, как стекло. Рипли и Ньют не могли ни спуститься, ни подняться. Даже спасительного воздуховода поблизости не было.

В недрах станции прогремел мощный взрыв, и площадка содрогнулась. Металлические балки спружинили, и Рипли с трудом удержалась на ногах. Раздался скрежет рвущейся стали, и находившаяся неподалеку башня системы охлаждения рухнула, как гигантское подрубленное дерево. Теперь, по мере того как выходили из строя все новые и новые аварийные системы безопасности, ничто не могло сдержать постоянно ускорявшуюся термоядерную реакцию, и взрывы следовали один за другим. Кабина лифта остановилась возле посадочной площадки. Решетчатые двери начали раздвигаться.

— Закрой глаза, малышка, — шепнула Рипли.

Ньют серьезно кивнула. Она сразу поняла, что замыслила Рипли, когда та занесла ногу над перилами. Они разобьются вместе, умрут легко и быстро.

Рипли уже собиралась было сделать последний в своей жизни шаг, как вдруг прямо под посадочной площадкой появился шаттл. Ветер заглушил рев двигателей, поэтому она не слышала его приближения. Словно рука Спасителя, к Рипли и Ньют протянулась длинная металлическая стрела посадочного устройства. Как Бишопу удавалось удерживать корабль в одной точке на таком ураганном ветру, Рипли понятия не имела. Впрочем, теперь ей некогда было над этим задумываться. До слуха донесся голос доживавшей последние мгновения станции:

— В вашем распоряжении тридцать секунд...

Рипли прыгнула, ухватилась за посадочную стрелу и повисла в воздухе. Стрела тотчас стала вбираться в грузовой отсек шаттла. Мгновением позже чудовищный взрыв сотряс всю станцию. Взрывная волна изменила направление ветра, бросив корабль на станцию, так что он задел выдвинутыми опорами за посадочную площадку. Раздался скрежет металла. Станция будто не хотела отпускать корабль, стремясь стянуть его вниз.

В грузовом отсеке Рипли упала в полетное кресло и, усадив Ньют на колени, стала затягивать ремни безопасности на себе и на девочке. Ей было хорошо видно, как на другом конце, на капитанском мостике, Бишоп отчаянно старается спасти положение. По кораблю эхом пронесся хлопок — звук высвободившихся наконец опор. Рипли защелкнула на ремнях замки и обеими руками крепко обняла Ньют:

— Давайте, Бишоп!

Весь нижний уровень станции исчез в стремительно расширявшемся гигантском огненном шаре, в котором моментально испарялись и металл и камни. Планета содрогнулась, а десантный шаттл устремился в небо. Взревели двигатели, и ускорение вдавило пассажиров в кресла. На этот раз было не до комфорtnого, неторопливого подъема на орбиту — Бишоп старался как можно быстрее увести корабль с этой гибельной планеты. Перегрузки были чрезвычайно велики, но Рипли мысленно умоляла Бишопа увеличивать скорость.

Синева атмосферы сменилась чернотой космического пространства, а оставшиеся внизу облака ярко осветились снизу. Потом гигантский шар раскаленных добела газов прорвался через тропосферу. Термоядерный взрыв лишь встряхнул шаттл, не причинив ему никакого вреда. Рипли и Ньют, уставившись в иллюминатор, смотрели, как далеко позади быстро затухает ослепительно яркая вспышка. И тут Ньют тихо заплакала.

— Все в порядке, малышка. Мы вырвались. Все кончено, — успокаивала девочку Рипли.

Впереди, на стационарной орбите, в ожидании прибытия своего крохотного отпрыска висела неуклюжая громада «Сулако». По команде Бишопа шаттл подошел к грузовому отсеку. Мощные захваты подцепили его и внесли в отсек. Наружный люк закрылся. Предупредительные огни осветили пустое помещение, сирена умолкла. Отсек заполнился воздухом, а вентиляторы охлаждали раскаленные двигатели.

Рипли опустилась на колени перед Хиксом. Тот был без сознания. Она вопросительно посмотрела на стоявшего рядом Бишопа.

— Я сделал ему еще один обезболивающий укол, — объяснил андроид. — Он говорил, что это необязательно, но не очень возражал. Странная эта штука, боль. Но еще более странным мне кажется стремление некоторых людей делать вид, что они не ощущают боли. Как тут не порадоваться, что ты андроид, а не человек.

— Следует перенести Хикса в лазарет «Сулако», — поднимаясь, сказала Рипли. — Берите его за плечи, а я возьму за ноги.

Бишоп улыбнулся.

— Лучше как можно меньше его беспокоить. К тому же вы очень устали. Сознаюсь, я тоже устал. Проще перевезти его на носилках.

Немного поколебавшись, Рипли еще раз взглянула на Хикса и согласно кивнула.

Взяв на руки Ньют, Рипли направилась к уже выдвинувшемуся трапу. Бишоп последовал за ними. Достать моторизованные носилки было делом нескольких минут.

— Я очень сожалею, если невольно напугал вас, когда вы вышли на посадочную площадку и увидели, что она пуста, — сказал по пути Бишоп. — Я боялся, что мы лишимся корабля, если останемся там. Было проще парить на небольшом удалении от станции. К тому же ближе к поверхности ветер не так силен. Я установил на площадке монитор и постоянно следил за выходом, так что точно знал, когда вы появитесь.

Они дошли до середины трапа. Рипли остановилась, положила руку на плечо андроида и серьезно заглянула ему в глаза.

— Вы все сделали отлично, Бишоп.

— Что ж, благодарю за высокую оценку, я... — Бишоп осекся — на трап рядом с его ботинком упала капля воды. Должно быть, на обшивке шаттла конденсировалась влага.

Однако капля зашипела и начала растворять металл трапа. Кислота!

Что-то острое и блестящее вырвалось из груди Бишопа, забрызгав Рипли белесоватой внутренней жидкостью андроида. Гигантское жало чу-

довищной матки ударило Бишопу в спину и пробило его насквозь. Андроид дернулся, издал нечленораздельный механический звук и ухватился обеими руками за выступавший из груди конец жала, которое медленно отрывало его от трапа.

Оказывается, матка укрывалась в одной из ниш для посадочных опор, закрытых щитами заподлицо с обшивкой корабля. Теперь щиты были отогнуты или сорваны. Матка затаилась и не подавала признаков жизни до тех пор, пока шаттл не оказался в грузовом отсеке «Сулако».

Схватив Бишопа двумя огромными лапами, она разорвала его надвое. Лучи вращавшихся предупредительных огней отражались от ее блестящих темных конечностей. Она медленно спускалась на палубу отсека. Ее шкура еще дымилась в тех местах, куда попал горящий напалм. Из небольших затягивавшихся на глазах ран еще сочилась кислота. Шестипалые нижние конечности изгибались самым невероятным образом.

Рипли пришла в себя и, не сводя настороженного взгляда со спускавшегося чудовища, осторожно поставила Ньют на палубу.

— Беги!

Ньют стрелой помчалась к ближайшему штабелю погрузочных решеток и машин. Матка грузно ступила на палубу, заметила крошечное бегущее существо и развернулась к нему мордой. Рипли пятясь отступала, одновременно размахивая руками, гримасничая, крича, подпрыгивая, словом,

делая все, чтобы отвлечь внимание чудовища от девочки.

Отвлекающий маневр удался. С невероятной для такого гигантского существа ревностью чудовище повернулось и прыгнуло. Рипли бросилась к огромной двери складского помещения, занимавшей почти всю дальнюю стену грузового отсека. Сзади до нее доносился топот тяжеленной твари.

Рипли проскочила дверной проем и надавила на кнопку «Закрыто». Механизмы моментально подчинились команде. Матка врезалась в прочнейшую стену через секунду после того, как дверь захлопнулась.

Рипли не стала раздумывать, выдержит ли дверь следующий удар. Она быстро пошла вдоль рядов огромных темных механизмов, выискивая нужную ей машину.

Оставшаяся в грузовом отсеке матка сообразила, что проломить дверь ей не удастся, и переключилась на небольшой движущийся объект. Здесь под палубой располагалась запутанная сеть каналов для технического обслуживания, забранных в тяжелые металлические решетки. Каналы были неглубокими. Ньют пролезла в одно из отверстий и, как кролик в норе, поползла, торопясь быстрее добраться до другого конца грузового отсека.

Тварь заметила ползущую девочку. Резко опустилась когтистая лапа, и вырвала ту секцию решетки, которую только что миновала Ньют. Девочка изо всех сил старалась ползти как можно быстрей, но еще одна секция решетки исчезла прямо над ее пятками. Следующая будет над ней.

Тварь уже занесла лапу, но остановилась, услышав за спиной жужжание открывающейся двери. В дверном проеме стояла массивная машина на шарнирных соединениях.

Рипли вышла на поединок на мощном погрузчике-манипуляторе, управляя двумя тоннами прочнейших стальных конструкций. Через сенсорные устройства, расположенные в специальных перчатках и ботинках, погрузчик повторял все движения ее рук и ног. Защищенная решеткой кабины и броней современной машины, Рипли двинулась на стоявшую в нерешительности матку. Металлические плиты палубы гудели под опорами тяжелого погрузчика. Лицо Рипли отражало ярость матери, защищающей своего ребенка.

— Отстань от девочки, гадина! — крикнула она.

Матка издала скрипучий звук и прыгнула на наступавшую машину.

Умный агрегат в точности повторил жест оператора. Тяжелый гидравлический захват ударил тварь в голову, отбросив к стене. Удар не обескуражил матку. Она тут же снова бросилась на погрузчик и пропустила сильнейший удар слева. Неожиданно обрушившаяся тонна металла отшвырнула матку, и та упала спиной на шеренгу тяжелых погрузочных машин.

— Ну давай! — лицо Рипли исказила злорадная усмешка. — Давай же!

Злобно колотя хвостом по палубе, матка в третий раз двинулась на погрузчик. Четыре верхних конечности потянулись к двум захватам погрузчика, а огромное жало пыталось проколоть

боковые щиты и дно машины, но беспомощно соскальзывало с твердого сплава. Рипли отвечала стремительными ударами острых захватов. Она ловко маневрировала, то отступая, то снова бросаясь вперед, то уклоняясь в сторону. Она старалась делать так, что между ней и маткой постоянно находились захваты машины. В поединке матка и погрузчик быстро перемещались по всему отсеку, давя упаковочные решетки, ящики с приборами, небольшие механизмы, все, что попадалось на их пути. Грузовой отсек напоминал поле смертельной битвы двух драконов.

Ухватив мощными захватами две верхние конечности чудовища, Рипли изо всех сил сжала пальцы в кулак, и захваты размозжили ему обе лапы. Матка корчилась от боли и ярости, тянулась уцелевшими верхними конечностями к Рипли, и сильные когти, стремясь разорвать в клочья ничтожное человеческое создание, мелькали у самых прутьев защитной решетки. Рипли подняла руки, и захваты оторвали матку от палубы. От перегрузки двигатель погрузчика предупреждающее зарычал. Нижними конечностями матке удалось задеть машину и погнуть защитную решетку кабины. Раскрывая пасть, к Рипли потянулась голова твари. Рипли еще крепче вцепилась в перчатки системы управления.

Клыкастая пасть рванулась вперед. Рипли пригнулась, и клыки вырвали лишь спинку сиденья оператора, оставив на нем желатинообразную слизь. По гидравлическим захватам погрузчика, подбираясь к кабине, текла дымящаяся желтая

жидкость. Резким движением матка разорвала шланг гидравлической системы. Во все стороны брызнула пурпурная жидкость: кровь машины смешалась с кровью чужой твари.

Потеряв давление в гидравлической системе управления, погрузчик покачнулся и упал. Матка моментально перекатилась и, увертываясь от сокрушительных ударов, наносимых захватами, попыталась подмять под себя машину и добраться до оператора. Рипли ударила по тумблеру на приборной панели. Тут же ожил газовый резак погрузчика, и длинный голубой факел ударил твари в морду. Матка взвизнула, отшатнулась и завалилась на спину, увлекая за собой погрузчик. Рипли спасли ремни безопасности, надежно удерживавшие ее в кресле.

В конце концов погрузчик, чудовище и человек скатились в прямоугольное углубление воздушного шлюза. Машина, упав на матку, раздавила ее и всей своей массой пригвоздила ко дну. Из огромных рваных ран твари ручьем потекла кислота.

Рипли отчаянно сражалась с пультом управления, когда ее внимание привлекли потоки кислоты. У нее округлились глаза. Струйки едкой жидкости с шипением прожигали сверхпрочный сплав воздушного шлюза. А ведь снаружи, за люком шлюза, был космический вакуум.

В люке появились первые, пока еще крохотные отверстия. Рипли торопилась высвободиться из ремней безопасности, а ненасытный космос уже начал высасывать воздух «Сулако». Когда Рипли наконец выбралась из перевернувшегося

погрузчика, она почувствовала ветер, который крепчал с каждой секундой. Перепрыгнув через лужу дымящейся кислоты, она ухватилась за нижнее кольцо настенной лестницы. Свободной рукой она ударила по кнопке аварийной герметизации шлюза. Как стальные челюсти, начали сдвигаться две тяжелые створки люка. Рипли отчаянно карабкалась наверх.

Кислота под ее ногами продолжала делать свое дело, первые дыры расширялись на глазах и соединялись друг с другом. Поток улетающего в космос воздуха становился все сильней, ветер мешал подниматься по лестнице и норовил столкнуть ее вниз.

Ньют вылезла из подпалубной сети каналов и спряталась среди газовых баллонов. Когда погрузчик вместе с Рипли и чужая тварь свалились в воздушный шлюз, девочка, чтобы лучше видеть происходящее, вылезла из своего убежища.

Почти ураганный ветер сбил ее с ног и потащил по гладкой палубе. Ньют закричала, пытаясь за что-нибудь уцепиться. Бишоп, точнее его верхняя половина, увидел, что Ньют ветром несет к нему. Он ухватился одной рукой за стальную стойку, вытянул другую руку и лишь благодаря сверхъестественно быстрой реакции андроида в последнее мгновение успел поймать скользившую по гладкому металлическому полу девочку за пояс. Ньют остановилась, и теперь лишь ее платьице, словно флаг, развевалось на бешеном ветру.

Над палубой показалась голова Рипли. Она уже

было занесла на последнюю ступень правую ногу, как что-то крепко схватило ее за левую лодыжку. Рипли попыталась освободиться — безуспешно. Она в отчаянии уцепилась обеими руками за верхнее кольцо лестницы, которое находилось всего лишь в футе от уровня палубы. Створки внутреннего люка продолжали сближаться. Еще две секунды — и ее ждет судьба Бишопа.

Внизу скрипел полуuproеденный кислотой наружный люк с уже отвалившейся внутренней армированной пластиной. Так и не сумевшей высвободиться из-под погрузчика матке не хватило всего нескольких сантиметров, чтобы дотянуться до Рипли. Вдруг женщина сообразила, что ее ногу уже ничто не держит, что она может подтянуться на руках. Твари удалось лишь стянуть ботинок. Рипли снова была свободна.

Неизвестно откуда взяв силы, Рипли выпрыгнула на палубу, на долю секунды опередив сходящиеся створки внутреннего люка. Внизу матка издала еще один яростный вопль и устроила усилия, стараясь сбросить подъемник. Но тяжелая машина только скрипела.

Матка почти высвободилась, когда изъеденный кислотой наружный люк треснул и остатки воздуха выбросили в открытый космос обломки металла, погрузчик и само чудовище. Шатаясь, Рипли подошла к ближайшему иллюминатору. Последние отчаянные усилия матки привели лишь к тому, что она быстро миновала искусственное гравитационное поле «Сулако». Все еще пытаясь оторвать погрузчик и нелепо кувыркаясь в космосе, матка медленно возвращалась на

негостеприимную планету, которую совсем недавно покинула.

Рипли долго смотрела, как ее смертельный враг постепенно уменьшался в размерах, превращаясь сначала в крохотное пятнышко, а потом в еле различимую точку, которую, наконец, поглотила облачная атмосфера. В грузовом отсеке ураган постепенно стихал, и вихри кружились лишь там, куда регенерационные системы «Сулако» подавали воздух, чтобы поднять давление в грузовом отсеке до нормы.

Бишоп все еще не отпускал пояс Ньюта. Из его разорванного надвое туловища тянулись искусственные внутренние органы и искрящие контакты. Веки его дрожали, а голова время от времени непроизвольно дергалась и билась о палубу. Системам саморегуляции удалось прекратить потерю искусственной крови и предотвратить дальнейшее ухудшение состояния андроида. Рваные края на его теле затянула блестящая белая корка.

Глядя на приближавшуюся Рипли, андроид попытался невесело улыбнуться:

— Для человека неплохо.

Бишопу удалось даже на время справиться со своими веками и подмигнуть ей.

Рипли наклонилась над Ньютом. Девочка ошеломленно смотрела на нее:

— Мамочка... мамочка?

— Я здесь, малышка. Я здесь.

Она крепко обняла девочку и направилась с нею в жилые отсеки «Сулако».

Успокаивающие гудели машины и системы

управления большого корабля. Прежде всего Рипли побывала в лазарете и тут же вернулась с моторизованными носилками. Бишоп заверил ее, что он может подождать. Она осторожно перенесла спящего Хикса на носилки и покатила в лазарет. У капрала было спокойное, даже довольное выражение лица. Он проспал все, блаженствуя после введенного ему Бишопом препарата.

Что же касается самого андроида, то он лежал на палубе, скрестив руки на груди и закрыв глаза. Рипли не могла понять, спит он или уже умер. Это решат специалисты, когда они вернутся на Землю.

Во сне лицо Хикса утратило присущую космическим десантникам жесткость и суровость. Теперь, пожалуй, оно было приятнее, чем у большинства мужчин, и очень усталым. Хикс походил сейчас на обычного человека. Только он не был обычным человеком. Если бы не он, и Рипли и Ньют были бы мертвы. Если бы не он, остался бы жить один «Сулако». Пустая посудина вечно болталась бы в космосе, напрасно ожидая возвращения людей.

Рипли хотела было разбудить Хикса, но передумала. Скоро, когда она убедится, что его состояние стабилизировалось, а прожженные кислотой ткани восстанавливаются, она положит его в капсулу для гиперсна.

Рипли решила прежде всего осмотреть этот отсек. Нужно было подготовить три капсулы. Бишопу капсула не нужна, даже если он еще жив.

Ньют крепко держалась за пальцы Рипли.

Они шли по коридору «Сулако». Девочка подняла голову:

— Теперь мы будем спать?

— Да, Ньют.

— А сны нам будут сниться?

Рипли посмотрела вниз, на повеселевшее лицо девочки, и тоже улыбнулась:

— Да, дорогая. Думаю, сны будут сниться и мне и тебе.

Литературно-художественное издание

**Алан Д. Фостер
ЧУЖИЕ**

Заведующий редакцией А.А. Кирюшкин.

Ведущий редактор А.Г. Белевцева.

Редактор Е.В. Самсонова. Художник К.А. Сошинская.

Технический редактор М.В. Глебова.

Оригинал-макет подготовлен Н.П. Власовой

ИБ № 8511

Лицензия Л.Р № 010174 от 22.01.92 г.

Подписано в печать 18.03.94. Формат 70x100/32.

Бумага офсетная. Объем 5,75 бум. л. Усл.-печ. л. 14,95.

Усл.-кр.-отт. 15,36. Уч.-изд. л. 14,27. Изд. № 9/9394.

Тираж 30 000 экз. Заказ 216 . С 124.

**Издательство «Мир» Комитета Российской Федерации по печати.
129820 ГСП, Москва, И-110, 1-й Рижский пер., 2.**

Можайский полиграфкомбинат Комитета Российской Федерации по печати. 143200, Можайск, ул. Мира, 93

Зарубежная



фантастика

Алан Д. Фостер
ЧУЖИЕ



Издательство «Мир»

